A277/1
N506
W1304, 1

№ 277/1 № 277
№ 506.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФИНИ

РОСТОПЧИНОЙ.

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
A
2704 /1
ROMA

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФИНИ

РОСТОПЧИНОЙ.

BIBLIOTECA RUSSA
ROMA

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ I.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе Придворн. Книгопрод. А. Смирдина (сына).
1857.

6060c n 2704 | 1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 10 Іюля 1856 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

ROMA - BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - DEPOSITO PERMANENTE

BVE0347025
1: BVE0347033

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

*Вмѣсто предисловія 1

Дѣтскія Стихотворенія.

I. Серёжѣ 7
II. Молодой мѣсяцъ 9
III. Сестрѣ по сердцу 11
IV. Невѣрный 13
V. Первому другу 15
VI. Когда-бъ онъ зналъ! 18
VII. Романсъ 20
VIII. Разочарованной 22
IX. Страдальцу 25
X. Полузнакомой 27
XI. Равнодушной 29
XII. Романсъ 33
XIII. Наперсницѣ 35
XIV. Катинька 37
XV. Балъ 39
XVI. Безчувствіе 42
XVII. Отъѣзжающей 44
XVIII. Возвратъ друга 48
XIX. Италія 51
XX. Поэтъ 54
XXI. Моя красавица 56
XXII. Пѣвица 57
XXIII. Эолова арфа 59
XXIV. Цыганской таборъ 61
XXV. Простонародная пѣсня 64
XXVI. Осенній вечеръ 66
XXVII. Бѣлая дама 67
XXVIII. Зачѣмъ? 69
XXIX. Несравнимая 71

*) Звѣздочки означаютъ новыя, нигдѣ не напечатанныя доселѣ стихотворенія.

Стран.
XXX. Новый годъ 73
XXXI. Дуэтъ 75
XXXII. Бывало и теперь 77
XXXIII. Отринутому поэту 80
XXXIV. Новодѣвичій монастырь 83
XXXV. Полуночница 86
XXXVI. Фантазія 89
XXXVII. Бѣлой дамѣ 93
XXXVIII. Еще вопросъ 95
XXXIX. Катишѣ 97
XL. Къ ней же 99
XLI. На память 100

Зеленая Книга.

*Посвященіе 105
I. Пробужденье 107
II. Море и сердце 108
III. Я не скажу 109
*IV. Русская пѣсня 110
*V. Измѣнницѣ 112
VI. Осенніе листы 114
*VII. Молитва о больной 118
*VIII. Пѣсня 120
IX. Прежней наперсницѣ 121
X. Отъѣзжающей Реджинѣ 124
XI. Надѣвая Албанскій костюмъ 127
XII. Не вѣрю вамъ! 129
*XIII. Покуда 131
XIV. На прощанье 133
XV. Черная немочь 136
*XVI. Наигрывая любимый вальсъ 140
XVII. Кто поэтъ 141
XVIII. Три поры жизни 145
XIX. На памятникъ сооружаемый Сусанину 147
XX. Послѣдній цвѣтокъ 149
XXI. Сонетъ 151
XXII. Сонетъ 152
XXIII. Неожившая душа 153
XXIV. Зимній вечеръ 162
XXV. Месть 165
XXVI. Баю-баю 169

Стран.
*XXVII. Безнадежность 171
XXVIII. Эльбрусъ и я 173
XXIX. Что̀ я люблю въ красотѣ 176
*XXX. Встрѣча 177
*XXXI. Таже мысль въ другихъ словахъ 179
*XXXII. Разговоръ во время мазурки 180
*XXXIII. Отвѣтъ 183
XXXIV. Тайныя думы 187
XXXV. Гдѣ мнѣ хорошо 189
*XXXVI. Ссора 193
XXXVII. Онъ старъ и сѣдъ 196
*XXXVIII. Вы вспомните меня 198
*XXXIX. Послѣднее слово 201
*XL. Въ степи 204
*XLI. Можетъ быть 207

Стихотворенія. Отдѣлъ третій.

Письмо Жуковскаго 211
I. Черновая книга Пушкина 213
II. Сломанный домъ 216
III. Пѣсни Трувера 219
IV. Сочувствіе 225
V. Смерть юноши 228
VI. Совѣтъ женщинамъ 231
VII. Двѣ встрѣчи 235
VIII. Сосновый лѣсъ 241
IX. Князю В. Ѳ. Одоевскому 244
X. Искушенье 247
XI. Новобрачной 250
XII. Воспоминанье 252
XIII. Клеймо тоски 256
XIV. Цвѣтокъ на могилу 258
XV. Колокольный звонъ ночью 260
XVI. Нардзанъ 263
XVII. Ольховка 266
XVIII. Прости Кавказъ! 269
XIX. Холодъ и мгла 271
XX. Осиротѣлый конь 272
XXI. Раздумье рыцаря 275
XXII. Однимъ меньше! 277
XXIII. Падучая звѣзда 280

Стран.
XXIV. Двойныя рамы 281
XXV. Скажите? 283
XXVI. Плющъ 285
XXVII. Хранитель-крестъ 287
XXVIII. Недоконченное шитье 289
*XXIX. Какъ жаль её! 292
XXX. Красные дни 295
*XXXI. Цвѣты на шитьѣ 297
XXXII. Виктору Гюго 299
XXXIII. Обѣщанье 301
XXXIV. Негодованье 303
*XXXV. Первый соловей 305
XXXVI. И онъ поэтъ! 307
*XXXVII. Дума передъ картиной 309
*XXXVIII. Предчувствія 311
XXXIX. Въ Москву! 313

Неизвѣстный Романъ.

Вмѣсто Вступленія 317
I. Раздѣлъ 324
II. Тебѣ одному 325
III. Не для тебя, такъ для кого-же? 327
IV. Послѣ бала 329
V. Послѣ другаго бала 331
*VI. Ожидая его 332
VII. Вмѣсто упрека 334
*VIII. Зачѣмъ насъ гонятъ люди 336
IX. Трилогія 340
*X. Прости! 346
*XI. При свиданьи 348
*XII. Новоселье 349
*XIII. Счастливый день 351
*XIV. Молва 353
*XV. Ожиданье 355
*XVI. Ссора 357
*XVII. Въ зимнюю ночь 359
XVIII. Опустѣлое жилище 364
*XIX. Кто виноватъ? 367

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Habent sua fata libelli. . . .

Я не горжусь, что свѣтлымъ вдохновеньемъ
Съ рожденья Богъ меня благословилъ,
Что душу выражать Онъ далъ мнѣ пѣсно-
пѣньемъ
И міръ фантазіи мечтамъ моимъ открылъ: —

Я не горжусь, что риѳмой, звукомъ, словомъ
Я чувство, мысль и страсть умѣю облекать;
Что юныя сердца подъ робкимъ ихъ покро-
вомъ
Могу я пѣснію моею взволновать: —

Я не горжусь, что съ лестью и хвалою
Мнѣ свѣтъ внималъ, рукоплескалъ порой,
Чмо жёны русскія съ улыбкой и слезою
Твердятъ, сочувствуя, стихъ задушевный мой!

Я не горжусь, что зависть и жеманство
Нещадной клеветой преслѣдуютъ меня,
Что бабью суетность, тщеславій мелкихъ чванство
Презрѣньемъ искреннимъ своимъ задѣла я:

Я не горжусь, что и враги явились, ...
Враги, незнавшіе въ лицо меня вовѣкъ! . . . .
Что ложью на меня они вооружились,
Что мнѣ анаѳему ихъ приговоръ изрѣкъ . . . .

Что зависть злобная съ уловкою змѣиной
На имя женское клевещетъ и хулитъ,
И имъ ругается, — авось-ли за-едино
Она и честнаго поэта поразитъ! . . . .

Пускай ихъ тѣшутся!! . . . . Спокойно, равнодушно,
Иду себѣ дорогою своей,
Живу, пою, молюсь, призванію послушна,
Враждѣ отвѣтствую насмѣшкою моей!

Горжусь я тѣмъ, что въ чистыхъ сихъ страницахъ
Нѣтъ слова грѣшнаго, виновной думы нѣтъ, —
Чмо въ пѣсняхъ-ли своихъ, въ разсказахъ, въ небылицахъ,
Я тихой скромности не презрѣла завѣтъ!

Что женщиной смиренно я осталась,
И мыслію, и словомъ, и душой! . . . .
Что я лжемудріемъ пустымъ не увлекалась,
И благочестія хранила щитъ святой!

Горжусь я тѣмъ, что вольнодумствомъ моднымъ
Не заразилась мысль прозрѣвшая моя, ...
Что смѣло языкомъ правдивымъ и свободнымъ
Предъ Богомъ и людьми вся высказалась я! . . .

Горжусь я тѣмъ, что въ этой книгѣ новой
Намёка вреднаго никто не подчеркнетъ,
Что даже злѣйшій врагъ, всегда винить готовый,
Двусмысленной въ ней точки не найдетъ! . . . .

Горжусь я тѣмъ, что дочери невинной
Её безъ страха дастъ заботливая мать, —
Что дѣвушкѣ, съ душою голубиной,
Надъ ней дозволится и плакать и мечтать! . . . .

Вороново, 10-го Сентября 1850 г.

ДѢТСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1829 — 1833.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

СЕРЁЖЪ.

Посылая ему мою рукопись перваго изданья.

Возьми! — вотъ думы и мечтанья
Души восторженной моей,
И сердца первыя страданья,
И первыхъ мыслей изліянья
Во время грустныхъ дѣтства дней!

Тутъ всё, . . . тутъ всё, что волновало
Меня въ теченьи многихъ лѣтъ . . . .
Чѣмъ радость сердце баловала,
Чѣмъ жизнь мнѣ волю испытала,
Чему училъ премудрый свѣтъ! . . . .

Тутъ всё: и чары вдохновенья,
И пылъ порывовъ молодыхъ,
Тревоги, слезы, сожалѣнья,
Суетъ блестящихъ искушенья,
И отголоски чувствъ моихъ.

Тутъ всё: — и проблески святые
Поэзіи въ душѣ моей,
Минуты жизни дорогія! —
И женскихъ грёзъ слѣды живые,
И повѣсть всѣхъ ея затѣй.

Возьми! . . . . На злато, на веселье
Мой пестрый сборникъ промѣняй!
И въ часъ заздравнаго похмѣлья
Меня, мою степную келью
Съ улыбкой братской поминай!

На цѣну сестриныхъ мечтаній
Купи блестящій эполетъ,
И ятаганъ для грозной брани,
И для похода за Кубанью
Съ стальною шашкой пистолетъ!

Купи лихаго Карабаха,
Съ ногою вѣрною, съ огнемъ,
Съ сухою костью, съ прыткимъ махомъ,
И поѣзжай тогда безъ страха
Въ путь утомительный на немъ! . . . .

И знай: — подъ бранною палаткой,
Среди тревоги боевой,
Ты не одинъ! . . . . и я украдкой,
Съ заботой нѣжной, съ думой сладкой,
Переношусь къ тебѣ душой!

Село Анна, 22-го Октября, 1839 г.

II.

МОЛОДОЙ МѢСЯЦЪ.

Doux reflet d'un globe de flamme,
Charmant rayon, que me veux-tu?...
Lamartine. Méditations.

Какое смутное волненье
Въ душѣ раждается моей?
Младаго мѣсяца явленье
Всѣ чувства пробудило въ ней.

Былое, прошлое тѣснится
Мнѣ въ память съ прелестью былой;
Въ заглохшемъ сердцѣ шевелится
Воспоминаніе съ тоской.

Я вижу ясно предъ собою
Забытый образъ старины
И мнѣ волшебницей мечтою
На-мигъ дни дѣтства вновь даны.

Дни дѣтства, полные страданья,
Неконченныхъ, неясныхъ думъ,
Когда въ тревожномъ ожиданьѣ
Мой юный оперялся умъ.

Когда въ тиши, въ уединеньи,
Событьемъ были для меня
Небесъ вечернія явленья,
И ночи мракъ, и прелесть дня.

Когда съ боязнью безотчётной
Взирала я на небосклонъ,
И каждой тучкой мимолётной
Мой робкій духъ былъ омраченъ.

Я помню, какъ я восхищалась
Сребристымъ отблескомъ луны,
Когда нежданая являлась
Она средь темной синевы.

И всё, чѣмъ сердце прежде жило,
Чѣмъ жизни утро льстило мнѣ,
Что въ оны дни душа любила,
Теперь я помню, какъ во снѣ.

Но не на долго пробужденье,
Мечта не долго погоститъ . . . .
Оно пройдетъ, мое волненье,
Воспоминанье улетитъ! . . . .

Москва, Апрѣль, 1829.

III.

СЕСТРѢ ПО СЕРДЦУ.

Sois heureuse autant que je t'aime,
Et ton bonheur sera parfait! . . . .

Чиста, какъ слезы состраданья
Свѣтла, какъ думы упованья,
И пламенна, какъ духъ пѣвца,
Въ тебѣ горитъ душа младая! . . .
Ты Серафимъ святаго рая,
Подъ ликомъ дольняго жильца! . . .

Съ заботой грустной предъ тобою
Безмолвна часто я сижу,
Съ твоей сливаюся мечтою,
Тебѣ въ глаза душой гляжу;
Ловлю твой взоръ, твой вздохъ случайный —
И въ даль стремлюсь, чтобъ разгадать,
Какимъ удѣломъ жребій тайный
Тебя рѣшился испытать? . . .
Невольный страхъ меня волнуетъ,
Въ душѣ предчувствіе тоскуетъ . . .

И мыслю я: «О! миръ съ тобой,
«Ты, сердце чуждое страданья,
«Ты, откровенное созданье
«Съ живой, довѣрчивой душой!
«Будь счастлива! . . .» — Мои моленья
О томъ Всевышнему твердятъ;
О томъ въ сердечномъ умиленьѣ
Мои желанья говорятъ.

Когда луна для насъ не будетъ
На небѣ облачномъ сіять;
Когда рѣка свой токъ забудетъ,
Забудетъ море бушевать, —
Тогда ты чуждою мнѣ станешь,
Тогда могу я разлюбить,
Тогда, другъ мой, ты перестанешь
Моей сердечной думой быть!

Москва, Сентябрь, 1829 г.

IV.

НЕВѢРНЫЙ.

(Импровизировано передъ женскимъ портретомъ.)

«Les hommes aiment peu, ou n'aiment pas longtemps.»
Jules Lefèvre.

Предъ этой рамою онъ нѣкогда стоялъ . . . . .
Онъ видѣлъ красоты роскошный идеалъ, —
И любовался имъ въ восторгѣ и томленьи . . . . . .
Онъ видѣлъ женщину . . . . . Въ большихъ ея глазахъ,
Во взорахъ пламенныхъ, въ полуденныхъ чертахъ
Онъ прочиталъ судьбы своей рѣшенье . . . . . .
Онъ пылкою душою въ ней душу угадалъ,
Онъ сердцемъ дѣвственнымъ въ ней сердце предузналъ . . . . .
Онъ полюбилъ её! . . . . . Восторженно, безумно,
Какъ любятъ юноши, какъ любятъ въ двадцать лѣтъ! . . . . .
И былъ ли счастливъ онъ, — онъ нравился-ль иль нѣтъ,
Пусть вамъ про то молвы разскажетъ голосъ шумный! . . . . .

И долго имъ она съумѣла обладать! . . . . .
Въ искуствѣ властвовать, въ искуствѣ покорать
Ей нѣтъ соперницы! . . . . . Кокетка и ревнива,
Страстна и набожна, — она могла томить,
Привлечь и отогнать, утѣшить и взбѣсить,
Своею жертвою играя прихотливо . . . . . .
Она, жестокая, коварна и умна, —
Быть можетъ, потому такъ нравится она? . . . .
Страсть, пылкость, красота, — всё въ ней его плѣняло,
Онъ ею былъ любимъ, самъ бѣшено любилъ, —
И онъ её бѣжалъ? . . . . и онъ её забылъ? . . . .
Ей непорочности святой не доставало! . . . .

На дачѣ, на Трехъ Горахъ, Августъ, 1829 г.

V.

ПЕРВОМУ ДРУГУ.

Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга.
Жуковскій.

«Aussi la nommai-je «Ma chère conscience!» un de ces mots d'amour qui répondent à toutes les harmonies du coeur!»
Balzac. Madame Firmiani.

Мое отрадное свѣтило,
Моя полярная звѣзда,
Какъ дни мои ты озарила,
Какъ ты душѣ моей мила! . . .
Доколь тебя я не встрѣчала,
Роптая тщетно на судьбу,
Я дружбу, радость отрицала,
И не ввѣрялась никому . . . .
Ничей взоръ нѣжный и привѣтный
Моей души не ободрялъ;
Никто меня не понималъ,
И лаской не дарилъ отвѣтной . . . .
Одна сестра души была, —
И ту враждебной, мощной силой

Судьба умчала, отняла . . . .
И съ той власть рока разлучила! . . .
И я осталася одна . . . .
Одна, межъ хладными сердцами,
Межъ свѣта мелкими страстями,
Несправедливости людей,
И непріязненныхъ сѣтей!
Меня безумной называли,
Улыбкой хладной награждали
За чувства огненной души . . . .
Я научилась лицемѣрить,
Грустить безропотно, въ тиши,
И перестала людямъ вѣрить.
Влача безрадостные дни,
Въ мечтахъ услады я искала,
Душой и сердцемъ въ нихъ жила,
И непримѣтно перешла
Изъ міра слезъ въ міръ идеала.

Мнѣ улыбнулось Провидѣнье:
Оно тебя послало мнѣ;
Отъ сиротства, пренебреженья
Я отдохнула при тебѣ;
Минутный сонъ! . . бѣетъ часъ урочный,
По морю жизни валъ бѣжитъ,
И вдаль тебя, въ чужбину мчитъ;
Разлукой долгою, безсрочной
Мнѣ рокъ безжалостный грозитъ.
Но что̀ бы ни было со мною —
Въ часъ испытанья, въ бурный день,

Въ минуту счастія, мечтою
Я за тобой пойду какъ тѣнь!
Тебя найдетъ мой взоръ сердечный
Вблизи, вдали, въ странѣ чужой! . . .
На небосклонѣ жизни, вѣчно,
Будь мнѣ защитною звѣздой!
Не знай заката, ни затмѣнья,
Не бойся бурь или паденья —
Будь неизмѣнна . . . и всегда
Свѣти, сіяй, моя звѣзда! . . .

Москва, Январь, 1830 г.

VI.

КОГДА-БЪ ОНЪ ЗНАЛЪ!

Подражаніе Г-жѣ Дебордъ-Вальморъ.
(Для Елисаветы Петровны Пашковой.)

Когда бъ онъ зналъ, что пламенной душою
Съ его душой сливаюсь тайно я!
Когда бъ онъ зналъ, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!
Когда бъ онъ зналъ, какъ страстно и какъ нѣжно
Онъ, мой кумиръ, рабой своей любимъ . . .
Когда бъ онъ зналъ, что въ грусти безнадежной
Увяну я, непонятая имъ! . . .
Когда бъ онъ зналъ! . . .

Когда бъ онъ зналъ, какъ дорого мнѣ стоитъ,
Какъ тяжело мнѣ съ нимъ притворной быть!
Когда бъ онъ зналъ, какъ томно сердце ноетъ,
Когда велитъ мнѣ гордость страсть таить! . . .
Когда бъ онъ зналъ, какое испытанье
Приноситъ мнѣ спокойный взоръ его,
Когда въ замѣнъ нѣмаго обожанья
Я тщетно жду улыбки отъ него.
Когда бъ онъ зналъ! . . . .

Когда бъ онъ зналъ, ... въ душѣ его убитой
Любви-бы вновь языкъ заговорилъ,
И юности восторгъ полузабытій
Его-бы вновь согрѣлъ и оживилъ! —
И я тогда, счастливица! . . любима . . .
Любима имъ, была бы, можетъ быть!
Надежда льститъ тоскѣ неутолимой;
Не любитъ онъ . . . а могъ бы полюбить!
Когда бъ онъ зналъ! . . .

Москва, февраль, 1830 г.

VII.

РОМАНСЪ.

Подражаніе куплету изъ водевиля:
La vieille de Surène.

(Для Елисаветы Петровны Пашковой.)

Когда бъ онъ былъ теперь со мною,
Нарядъ бы мой прельщалъ меня;
Но нѣтъ его! . . . душа моя
Полна страданьемъ и тоскою.
Когда я сердце отдала,
Я быть кокеткой не умѣла,
Но онъ нашелъ что я мила.
Теперь плѣнять я бъ не хотѣла,
Что̀ въ красотѣ? . . здѣсь нѣтъ его!

Когда бъ онъ здѣсь былъ, я бъ желала
Блистать умомъ и остротой;
Но нѣтъ его — исчезъ умъ мой,
Игривость рѣзвая пропала,
Веселье взоръ мой не живитъ,

Воображенье охадѣю;
Душа и сердце — всё молчитъ!
Теперь блистать я бъ не хотѣла,
Къ чему мнѣ умъ? . . здѣсь нѣтъ его!

Москва, февраль, 1830 г.

VIII.

РАЗОЧАРОВАННОЙ.

«Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
«На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
«И ничего во всей природѣ
«Благословить онъ не хотѣлъ!»
Пушкинъ.

Нѣтъ! я не узнаю души твоей, Марія,
Въ твоихъ язвительныхъ, убійственныхъ словахъ!
На дружбу, на любовь, на міръ хуленья злыя
Пугаютъ и дивятъ меня въ твоихъ устахъ.
Тебѣ ль, поклонницѣ и мученицѣ чувства,
Тебѣ ль анаѳемѣ всѣ чувства обрекать? . . .
Съ насмѣшкой горькою ужаснаго искусства
Тебѣ ль бранить любовь, на дружбу клеветать,
И впечатлѣнья ихъ во мнѣ искоренять? . . .
Оставь, оставь меня! . . . я вѣрю имъ, Марія,
Я вѣрю пламеннымъ порывамъ думъ святыхъ;
Я въ дружбу вѣрую; жду счастья, дней другихъ;
Цѣню любовь, добро, восторги ихъ живые, —
И чувствую вполнѣ достоинство души. —

Зачѣмъ безжалостнымъ, томительнымъ сомнѣньемъ
Ты хочешь отравить связь дружбы, сонъ любви,
И преждевременно убить разувѣреньемъ
Надежды, радости и всѣ мечты мои?
Она предметъ святой! не тронь ея, другъ милый!
Въ ней добродѣтели, несчастье уважай!...
Взгляни: души ея разтерзанной, унылой
Ты повѣсть мрачную въ глазахъ ея читай!
Взгляни! рѣши сама: ей можно-ль быть коварной?
Ей можно ли хитрить, обманывать меня?...
Нѣтъ! нѣжно, искренно любима ею я, —
И мнѣ-ли быть неблагодарной?...

Но полно! я тебѣ прощаю заблужденье!
Вы обѣ женщины... и ревность можетъ быть,
Закралась въ разумъ твой... мрачитъ твои сужденья!...
Но въ будущемъ — скажи — зачѣмъ мнѣ не любить?
Ты говоришь, мой другъ: «Чувствительность несчастье;
«Тотъ въ мірѣ лишній гость, кто съ пламенной душой?
«Онъ свѣту, людямъ чуждъ; холодное безстрастье
«Ругается его страдальческой главой!...»

Всё это знаю я, но сердца увлеченьямъ
Невольно слѣдую, — и слѣпо предаюсь:
Не столько горя я, сколь пустоты боюсь,
И скуки ледяной съ ея ожесточеньемъ . . .
Не спорю, — рано я страдаю и борюсь.
Но какъ награждена за долгое мученье
Я дружбы ласкою, довѣріемъ живымъ,
Восторгомъ генія, слезою умиленья,
Иль дѣла добраго свершеніемъ святымъ!
Сердцеотступницей чтобы я быть рѣшилась? . . .
Чтобъ душу въ камень я старалась превратить? . . .
Нѣтъ, никогда! Мой другъ, я къ горю пріучилась,
Умѣю я страдать, мученій крестъ влачить;
Но равнодушною, безчувственной, холодной,
Я не способна быть! . . . Карающей судьбѣ
Иду на встрѣчу я безтрепетно, свободно;
Ни буря, ни гроза, ни мракъ не страшны мнѣ.
Я знаю, что на мнѣ клеймо волшебной власти,
Что я несчастію судьбой обречена,
Что для сердечныхъ мукъ, для безразсудной страсти,
Для пламенной любви, для слёзъ я рождена!
Но я въ самой себѣ отраду обрѣтаю:
Живу, терплю, люблю . . . и гордо ожидаю,
Чтобы исполнился мой жребій роковой,
Чтобъ счастіе зажглось блестящею зарей,
Или чтобъ громъ упалъ надъ юной головой!

Москва, Мартъ, 1830 г.

IX.

СТРАДАЛЬЦУ.

«La femme a cela de commun avec l'ange, que les êtres souffrants lui appartiennent. —»

Balzac. Eugénie Grandet.

Зачѣмъ, страдалецъ молодой,
Зачѣмъ со мною лицемѣрить? . . .
Нѣтъ! хитростью своей пустой
Тебѣ меня не разувѣрить! . . .
Ты любишь! . . . это говорятъ
Твоя задумчивость нѣмая,
Безжизненный, унылый взглядъ,
Болѣзнь и блѣдность гробовая . . .
Ты сиръ въ кругу своихъ родныхъ,
Ты бродишь мрачный, одинокій,
И твой отвѣтъ на ласки ихъ
Лишь вздохъ тяжелый и глубокій.
Подъ часъ, начнется ль разговоръ,
О спорѣ сердца съ общимъ мнѣньемъ,
Ты въ каждомъ словѣ зришь укоръ,
И въ страсти тайной обвиненьемъ
Ты удрученъ какъ преступленьемъ.
Я знаю всё! . . . Мнѣ власть дана
Читать въ сердцахъ горячихъ, страстныхъ;

Несчастьемъ я научена
Вникать въ мученія несчастныхъ! . . .
Кто не терпѣлъ, кто не страдалъ —
Не разгадаетъ тотъ страданья;
Кто чаши скорби не пивалъ, —
Тотъ скорби не пойметъ терзанья.
Но я пойму печаль твою,
Съ тобой поплачу, потоскую,
Съ тобой о ней поговорю;
Твою я душу, всѣмъ чужую,
Слезой участья оживлю.

Но ты молчишь . . . ты не рѣшился
Мнѣ сердца робкаго открыть?
Иль опытомъ ты научился
Всѣ чувства отъ людей таить,
Измѣнъ холодныхъ опасаться,
Ханжей, злорѣчія бояться
И недовѣрчивость хранить? . . .
Ахъ! я сама отъ злыхъ терпѣла, —
Не за-одно съ ихъ сонмомъ я;
Когда бъ, сочувствіе тая,
Я о тебѣ-бы не жалѣла —
Не вопрошала бъ я тебя! . . .
Ты правъ: молчи! . . . Но знай, что мною
Твоя оплакана судьба!
Её жъ люблю я всей душою,
Хотя не знаю, кто она!

Москва, Апрѣль, 1830.

X.

ПОЛУЗНАКОМОЙ.

«Душѣ легко въ родной душѣ читать!»
Жуковскій.

Зачѣмъ вамъ требовать посланья отъ меня?
Зачѣмъ возобновлять мои воспоминанья?
Зачѣмъ въ моихъ стихахъ искать очарованья?...
Въ нихъ горесть говоритъ сердечная моя!
Признаться ли?... Давно, давно ужъ я хотѣла
Вамъ высказать всё то, что̀ на душѣ лежитъ;
Но съ рѣчью на устахъ невольно я робѣла....
И тайна до сихъ поръ мнѣ душу тяготитъ! —

О! если бъ знали вы всю правду, ... то конечно
Вы съ сожалѣньемъ вздохнули бы о мнѣ!
Скажите: на моемъ болѣзненномъ челѣ
Вы не примѣтили слѣдъ горести сердечной?
Вы не прочли въ глазахъ, подернутыхъ тоской,
Душевныхъ, страшныхъ бурь живое выраженье, —
И головы моей разстроенной, больной,
Въ словахъ отрывистыхъ вы не нашли волненья?...

О нѣтъ! . . . года мои, спокойное лице,
Улыбка дѣтская васъ вѣрно обманули? . . .
Вы даже на меня, быть можетъ, не взглянули,
Въ не примѣтили присутствіе мое? . . .
И какъ-бы вамъ понять безумное терзанье
Вамъ чуждой дѣвочки? . . . какъ разгадать её?...
Для посторонняго, мы скупы на вниманье,
И милымъ бережемъ участіе звое! . . .
Я ничего для васъ! . . . . но вы! . . . вы мнѣ не чужды, . . .
Участье, дружбу къ вамъ ужъ я въ душѣ ношу . . .
Какъ? почему, зачѣмъ? . . . Вамъ это знать нѣтъ нужды,
Но вѣрьте, я безъ словъ всѣмъ сердцемъ васъ пойму!

Москва, Май, 1830 г.

XI.

РАВНОДУШНОЙ.

«Будетъ время, . . и ты скажешь:
«Дано сердце, чтобъ любить!»
Старая пѣсня.

Скажи, красавица жестокая моя,
Уже-ль всю жизнь свою ты обрѣкла безстрастью? . .
Ужель, презрѣніемъ полна къ земному счастью,
Къ небесной радости паритъ душа твоя?
Иль клятву ты дала въ борьбѣ тяжелой, вѣчной,
Съ очарованіемъ, съ надеждой, съ чувствомъ быть,
Не знать волшебныхъ узъ взаимности сердечной,
И человѣческой любовью не любить? . . .
Изъ благочестія, ты сердце молодое
Мгновенно обмануть могла своей мечтой . . .
Страшись, чтобъ нѣкогда раскаянье живое
Вдругъ не разрушило непрочный твой покой!
Мой другъ, . . мнѣ жаль тебя, . . ты молода, прекрасна,
Съ душой чувствительной, ты дышешь для любви,

Тебѣ-ль, во цвѣтѣ лѣтъ, ошибкою ужасной
Безжалостно, на вѣкъ, убить права свои,
Проститься съ счастіемъ . . . погибнуть для земли? . .
Нѣтъ! . . . вѣрь, Богъ милости, Богъ пламенныхъ моленій
Не принялъ робкаго обѣта твоего!
Вѣрь, жертва слёзъ твоихъ, постовъ и треволненій
Противна благости вселюбящей Его! . . .
Не Онъ ли создалъ насъ, чтобъ кротостью, терпѣньемъ
Посланье Ангеловъ въ быту земномъ свершать? . . .
Не Онъ ли намъ велѣлъ быть міру утѣшеньемъ,
Мущинѣ гордому путь трудный облегчать,
И отъ житейскихъ смутъ въ немъ сердце охранять? . . .
Не Онъ-ли одарилъ насъ пламенной душою,
Намъ сердце, чувство далъ, явилъ въ насъ благодать,
И въ умъ намъ даръ вложилъ, какъ вѣрой и мольбою
Отступниковъ ума съ святыней примирять? . . .
Такъ! . . мы посредницы межъ Божествомъ и свѣтомъ,
Намъ цѣль творитъ добро, намъ велѣно — любить,
И женщина, любовь отвергнувши обѣтомъ,
Не вправѣ болѣе сестрою нашей быть! . . .

Ей темный монастырь! . . . Ей жребій закелейный! . .
Ей гробъ, . . но съ думами, съ тревогою, съ тоской! . . .
И горе, . . . горе ей, коль образъ чародѣйный
Подъ чернымъ клобукомъ сдруженъ съ ея мечтой,
Подъ черной мантіей волнуетъ умъ младой! . . .

Но ты! . . . нѣтъ, тотъ удѣлъ не будетъ твой, другъ милый,
Сроднишься съ нами ты, придешь убѣждена,
Отъ сердца руку дашь, и этотъ лёдъ унылый,
Насъ раздѣляющій, ты разобьешь сама! . . .
Теперь, . . . признаться ли? . . . я отъ тебя скрываю
Что̀ мы́слю, . . . что̀ люблю неопытной душой;
Боюсь упрёкъ твой внять, судью въ тебѣ встрѣчаю,
Излишней пылкости стыжусь передъ тобой.
О! какъ мнѣ высказать тебѣ свой сонъ любимый?
Какъ чувства жаркія безчувственной открыть?
Какъ перелить огонь души неукротимой
Въ ту грудь, гдѣ нѣтъ огня . . . нѣтъ сердца, мо́жетъ быть? . . .
Когда собравшись въ кругъ, мы бредимъ и мечтаемъ,
Когда мы разговоръ заводимъ о страстяхъ,
Иль огненный романъ втроемъ тайкомъ читаемъ,
Иль ищемъ отклика себѣ въ чужихъ стихахъ,
И передъ нами ты, съ усмѣшкою укора,

Вдругъ явишься, — горда холодностью своей, —
Какъ страшны намъ тогда презрительные взоры
И приговоръ нѣмой потупленныхъ очей! . . .
И вотъ, мы вдругъ молчимъ, . . . ты царствуешь надъ нами
Примѣромъ, мнѣніемъ, вліяніемъ своимъ,
И тишиной лица, и строгими рѣчами!
Какъ православный гнѣвъ присталъ чертамъ твоимъ! . .
Но знай: въ душѣ твоей таится искра чувства...
И вспыхнетъ, . . загоритъ, . . и поздно можетъ быть,
Замѣтишь ты пожаръ! . . . Его не потушить
Ни силой разума, ни властію искуства! . . .
Страшись: придетъ твой часъ, . . и будешь ты любить! . . .

Москва, Май 1830 г.

XII.

РОМАНСЪ.

Слова для старинной музыки.

«Mais je demande en vain quelques moments encore»,
Le temps s'échappe, et fuit!..

Lamartine.

Младые дни, о дни очарованья,
Какъ быстро вы стремитесь въ бездну лѣтъ!
Мечта любви, сонъ дружбы, упованья,
Думъ пылкихъ рой за вами мчатся въ слѣдъ,
И вѣрны намъ однѣ воспоминанья!

Въ душѣ кипитъ безумное волненье,
А чувства жаръ слабѣетъ съ каждымъ днёмъ;
Грядущее мрачитъ разувѣренье;
И если мысль родится о быломъ,
То вмѣстѣ съ ней очнётся сожалѣнье.

Луна блѣдна въ урочный часъ затмѣній,
Но скоро вновь ея сіяѣтъ свѣтъ;
Зиму смѣнитъ весна, пора волненій, . . .
Но вамъ однимъ, лишь вамъ возврата нѣтъ,
Младые дни, дни радостныхъ видѣній! . . .

Москва, августъ, 1830 г.

XIII.

НАПЕРСНИЦѢ.

«D'autres ne sauront pas, nul en moi ne lira
«Ce que j'aurai pensé . . .»
Hermance Lesguillon.

Наперсница всѣхъ тайнъ моей души печальной,
Таи, таи въ себѣ повѣрія мои! . .
Какъ искру быструю любви первоначальной,
Какъ пламя мрачное отверженной любви,
Ты въ сердцѣ нѣжномъ ихъ глубоко схорони!
Чтобы не зналъ никто моей мечты священной.
Чтобы не вѣдалъ свѣтъ завѣтныхъ думъ моихъ,
Чтобъ разгадать не могъ взоръ хладно-дерзновенный
Неопытный восторгъ чувствъ юныхъ и живыхъ! . .
Ты знаешь: свѣтъ лукавъ, безжалостно насмѣшливъ.
Язвитъ въ отсутствіи, . . . въ присутствіи привѣтливъ.
Боюсь двусмысленныхъ допросовъ и рѣчей!
Боюсь участія, обмана, . . . и друзей.

Но ты, ты понимать, сочувствовать умѣешь,
Ты сердцемъ и умомъ сроднилася со мной.
Отъ хлада свѣтскаго меня ты часто грѣешь
Своею свѣтлою и теплою душой!
Тебѣ извѣстно всё; тебѣ я повѣряю
Всё, что̀ прискорбно мнѣ, что̀ радуетъ меня;
Прости, что я порой тебѣ надоѣдаю,
Но лишь бесѣдою твоей спокойна я!

Москва, Январь, 1831 г.

XIV.

КАТИНЬКА.

«C'est un démon, c'est un ange!»
Alfred de Musset.

Кто зналъ её, тотъ позабыть не можетъ;
Она сердцамъ умѣетъ говорить,
Она и трогаетъ, и бѣситъ, и тревожитъ,
Но никогда кокеткой ей не быть!
Порой она безпечна и игрива,
Умна, жива, и везела;
Порою, томно-молчалива,
И тайной скорбію мила, —
Живетъ въ минувшихъ снахъ, питается мечтами....
Заря ея туманныхъ дней
Была усыпана слезами,...
Она боролася съ страданьемъ и скорбями;
Тоска и грусть знакомы ей;
Она любила... и молчала,
Напрасный жаръ тая въ душѣ,
Обманы, опыты встрѣчая, привыкала
Быть одинокою, непонятой въ толпѣ.

Она умѣетъ притворяться,
Видъ равнодушія носить,
На балѣ, рѣзвою шалуньею казаться,
А дома, пламенной мечтательницей быть!

Москва, Январь, 1831 г.

XV.

БАЛЪ.

Посвящено отсутствующей.

«A la beauté brillante il faut un diadème,
«Il faut un voile à la douleur.»
M-me Desbordes-Valmore.

Печальна, пасмурна, болѣзненно-блѣдна,
Явилась я на пиръ, и роскошный, и шумный,
Стыдясь передъ толпой своей тоски безумной,
И думѣ роковой безспорно предана.
Всё ликовало, забавлялось,
Всё радостью дышало вкругъ меня;
Но я всеобщаго веселія чуждалась,
Но имъ оскорблена была душа моя....
И шумъ, и свѣтъ, и блескъ, всё тамъ меня дразнило,
Всё издѣвалося, казалось, надо мной!...
Волненье бала шевелило
Во мнѣ мечты поры былой.....
Напѣвы музыки мнѣ сердце раздирали;
Какъ похоронный плачь они мнѣ завывали;

Казалось, скорбь они въ грядущемъ предвѣщали,
И ихъ гармонія противна мнѣ была . . . .

* * *

Какъ пляшутъ отъ души красавицы младыя!
Какъ весело, какъ любо имъ! . .
И дымки легкія, и розы выписныя,
Всё занимаетъ ихъ! . . Балъ волшебствомъ своимъ
Околдовалъ умы, зажёгъ живые взоры,
Далъ волю рѣзвости, движеньямъ и стопамъ.
И вотъ вскружился вальсъ, . . и вотъ по всѣмъ угламъ
Пошли шептанья, разговоры . . . .
Межъ тѣмъ одна лишь я задумчива была,
Одну меня улыбки миновали, . . .
Разсказы, говоръ, смѣхъ какъ дальній гулъ звучали.
Я въ нихъ не вслушалась, я ихъ не поняла.
Мнѣ льстивые привѣты докучали,
Двухъ словъ имъ на отвѣтъ собрать я не могла.
Я нéхотя, небрежно танцовала,
И казнью танцы были мнѣ,
Невольно я всѣмъ сердцемъ тосковала
И мыслила о милой старинѣ . . . . .
Я вспоминала всё, — и дни уединенья,
И кругъ моихъ друзей, и ихъ пріемъ простой,
И счастья быстрый сонъ . . . и чары вдохновенья,
Такъ сильно нѣкогда испытанныя мной! . . .

Я вспоминала всё,.. мечтала,.. и грустила, —
Но грусть свою старалася скрывать:
Холодная толпа надъ мною-бы шутила,
Счастливцы не могли-бъ страдалицу понять! ..

Москва, Февраль, 1831 г.

XVI.

БЕЗЧУВСТВІЕ.

«. . . . . Mondennacht,
«Wenn nur die Sehnsucht und die Schwermuth wacht.»
L. Uhland.

Очарованье свѣтлой ночи,
Мнѣ не на радость уже ты! . .
Ужъ ты мои не взманишь очи,
Не разбудишь во мнѣ мечты! . . .

Лазурь небесъ прозрачно-ясныхъ,
Сребристый, полный свѣтъ луны
Мнѣ не внушатъ восторговъ страстныхъ,
Какъ въ дни блаженной старины.

Зима и полночь, отблескъ снѣжный,
Прикраса сѣверныхъ полянъ
Вы хороши, . . но духъ мятежный
Опуталъ горести туманъ . . . .

О! какъ вечернія явленья
Бывало тѣшили меня! . .
Какъ свѣжій пылъ воображенья
Встрѣчалъ ихъ, радостью горя! . .

Какъ упоительны, какъ живы,
Мечты неопытной души! . .
Но искра пала отъ огнивы, —
Мечты кипятъ огнемъ любви! . . .

Сердечныхъ смутъ, сердечныхъ бъеній
Пришла, пришла теперь чреда,
Я не хочу ужъ вдохновеній,
Я къ прежнимъ думамъ холодна! . . .

Пустите жить меня по волѣ
Разгуломъ жизни молодой! . . .
Ребенокъ проситъ женской доли,
Ужъ онъ не сытъ одной мечтой! . . .

Москва, Мартъ, 1831 г.

XVII.

ОТЪѢЗЖАЮЩЕЙ.

«Adieu, ce mot est triste au coeur,
«C'est un doux lien qui se brise,
. . . . . .
«Adieu, c'est le monde désert,
«Et sans illusions aimées! . .»
Romance.

И такъ, мой милый другъ, мой ангелъ кроткій, нѣжный,
И такъ, враждебный рокъ караетъ снова насъ?..
По бурнымъ прихотямъ судьбы твоей мятежной
Ударитъ скоро намъ разлуки вѣщій часъ,
И ты предпримешь путь таинственный и дальній,
И я прощусь съ тобой? . . На вѣки, можетъ быть? . .
На вѣки! . . Да̀, дай Богъ, чтобъ факелъ погребальный
Мнѣ предрѣченный гробъ скорѣй могъ освѣтить! . . .
Дай Богъ, чтобъ младости безрадостной, безчарной,
Скорѣе наступилъ желаемый конецъ,

И чтобы смерти духъ, крылатый, свѣтозарный,
Надѣлъ на-голову мнѣ маковый вѣнецъ!..
Одно лишь благо мнѣ въ сей жизни оставалось,
Одинъ небесный лучь лишь радовалъ меня:
То ты была, мой другъ!.. тобой всё озарялось,
Тобой, одной тобой еще дышала я;
Но вотъ ужъ и съ тобой приходится разстаться,
Но вотъ ужъ ты меня не будешь утѣшать!..
Скажи: мнѣ можно-ли теперь не огорчаться,
Мнѣ можно-ль на судьбу, на Бога не роптать?..
О милая!.. сама ты горе испытала,
Ты много на вѣку младомъ перенесла!
Какъ жертва тихая, ты плакала, страдала,
И подъ крестомъ своимъ безъ ропота ты шла.
А я?.. въ душѣ моей, взволнованной и страстной
Тоска не губитъ жизнь, но пламенемъ горитъ;
Врожденной мрачностью и пылкостью несчастной
Всѣ впечатлѣнія свои мой духъ клеймитъ.
Ни въ пользу, ни въ урокъ не будутъ мнѣ страданья,
Не стерпитъ переломъ нравъ гордый и крутой;
Лишь раздражитъ меня истома испытанья,
И разумъ, можетъ быть, не уцѣлѣетъ мой!..
Прости!.. прости!.. я вновь то слово повторяю,
Котораго вполнѣ извѣстна горечь мнѣ!..
Съ тобой пол-сердца я, пол-жизни провожаю,

Теряю радости послѣднія въ тебѣ!..
Прости! Чего тебѣ желать мнѣ на прощанье?...
Не счастья, нѣтъ мой другъ, ему не вѣрю я!...
Но слушай, вотъ тебѣ отъ сердца завѣщанье,
Мольба напутная и нѣжная моя:
Храни, храни въ себѣ миръ, тишину, спокойство,
И берегись сѣтей обманчивой любви!..
Да не смутитъ тебя сердечное разстройство!
Да не узнаешь ты страданія души!
Не призывай къ себѣ ни чувствъ, ни впечатлѣній.
Страшись огня страстей, не предавайся имъ!
Несчастная любовь источникъ слёзъ, мученій:
Не жертвуй слѣпо ей всѣмъ будущимъ твоимъ!
Минуй, какъ ковъ врага, минуй вниманье свѣта,
Опасный опіумъ забавъ и чаръ его:
Тамъ не найти тебѣ радушнадо привѣта,
Тамъ нѣтъ оцѣнщиковъ для сердца твоего!..
Вручи себя вполнѣ благому Провидѣнью,
Жди отъ него наградъ за доброту твою,
Вѣрь утѣшительныхъ обѣтовъ исполненью,
И на юдольный путь, къ житейскому волненью,
Ты душу облеки въ желѣзную броню!
Да не дерзнетъ къ тебѣ приблизиться сомнѣнье,
Да будетъ вѣкъ тепла, свѣтла мольба твоя
Какъ горній ѳиміамъ; да дѣтское смиренье
Вездѣ сопутствуетъ и бережетъ тебя!

Чтобъ ни сбылось съ тобой, . . знай, что въ разлукѣ дальной
Есть сердце, съ нѣжностью любящее тебя,
Что въ думахъ за тобой я слѣдую печально,
И что всегда, . . вездѣ, . . къ тебѣ рвусь сердцемъ я.

Москва, Мартъ, 1831 г.

XVIII.

ВОЗВРАТЪ ДРУГА.

«How gladly greet I thee once more!!.»
Coleridge, Sibyline Leaves

Да! ты опять со мной, я вижу вновь тебя,
О ты, которая такъ искренно любима!
Моими просьбами, моленьями томимый,
Рокъ сталъ ко мнѣ добрѣй, услышалъ вдругъ меня,
И ты предстала мнѣ, о гостья дорогая,
И въ одиночествѣ уныломъ погибая,
Я вновь присутствіемъ твоимъ искуплена!..
Благословенна будь!.. ты небомъ мнѣ дана!..
Но отъ чего, скажи, зачѣмъ, тебя встрѣчая,
Я счастьемъ не вполнѣ своимъ упоена?
Зачѣмъ въ душѣ моей тѣснятся такъ упорно
И прежняя тоска, и прежней скуки ядъ?
Зачѣмъ довѣрія жаръ тихо-благотворный
Не разогрѣлъ во мнѣ печальный сердца хладъ?..
Я равнодушна, молчалива,
Во взорахъ и рѣчахъ робка,

Я съ другомъ давнимъ боязлива
И непріязненно-дика! . .
Во мнѣ подобная не даромъ перемѣна:
Она послѣдствіе страданій, мукъ моихъ! . .
Миръ безнадежности остался мнѣ замѣной
Утраченныхъ надеждъ и счастья сновъ живыхъ.
Въ немного дней, я много испытала, . . .
Купила опытность цѣною дорогой;
И людямъ и судьбѣ я вѣрить перестала;
Я разучилась жить безумною мечтой.
Погасъ, погасъ во мнѣ и свѣточь упованья,
И творческій огонь фантазіи живой;
Воображенья пылъ и думъ очарованье
На вѣкъ умолкнули; нѣтъ въ сердцѣ ожиданья,
И я безстрастію учу умъ страстный свой.
Меня оставивши ребенкомъ беззаботнымъ,
Ты видишь — черезъ годъ созрѣла въ скорби я;
Ты видишь — мѣста нѣтъ улыбкамъ мимолётнымъ
На страждущемъ лицѣ: ты видишь, у меня
Въ рѣчахъ нѣтъ живости, во взорахъ нѣтъ огня . . .
Забытъ ужъ прежнихъ дней сонъ свѣтлый, горделивый,
Мой первый сердца сонъ, сонъ счастья дорогой . . .
Онъ не исполнился! . . Мнѣ красоты счастливой
Найдетъ побѣдный видъ, взглядъ смѣлый и живой,

Ни розовый нарядъ, ни смѣхъ, ни лепетанье . . .
Нѣтъ! . . . мнѣ пристали грусть, трауръ, и молчанье,
Съ склоненной робко головой.

* * *

Прости же мнѣ, прости, о другъ мой милый,
Холодный мой пріёмъ, нескладъ моихъ рѣчей!
Повѣрь, что чувствую я съ той же самой силой,
Что дружба прежняя живетъ въ душѣ моей,
Но выражать её какъ прежде не умѣю,
Но хладъ отчаянья мнѣ заковалъ уста;
Въ умѣ разсѣянномъ и въ мысляхъ пустота, . . .
И отъ избытка чувствъ съ тобою я нѣмѣю!

Москва, Май, 1831 г.

XIX.

ИТАЛІЯ.

. . . . fair Italy,
Thou art the garden of the world, the home
Of all art yields, and nature can decree;
Even in thy desert, what is like to thee? . .
Byron, Childe Harold's Pilgrimage.

Италія! . . страна воспоминаній,
Страна гармоніи, поэзіи, любви,
Отчизна генія, возвышенныхъ дѣяній,
Царица падшая былыхъ владыкъ земли, . . .
О! древній край чудесъ, издавна мной любимый, —
Узрю ли я тебя; . . предметъ надеждъ моихъ?
Къ тебѣ съ пристрастіемъ, съ тоской невыразимой,
Какъ часто я стремлюсь въ восторгѣ думъ живыхъ! . .
Узрю ли я тебя, . . исполнятся ль мечтанья
Души, пылающей искуствъ святымъ огнемъ? . .
Или вотще въ груди высокое желанье? . .
Иль вѣкъ мнѣ не бывать на торжествѣ твоемъ? . .
Подъ хладнымъ сѣверомъ рожденная случайно
Съ душою южною, съ живою головой,

Тебя отъ раннихъ лѣтъ боготворю я тайно,
На сердцѣ я ношу завѣтный образъ твой!
Мнѣ въ память врѣзались твой бытъ, твои преданья;
Всё славное въ тебѣ священно для меня;
Твое величіе, твой блескъ, твои страданья,
Всё, всё знакомо мнѣ, съ тобой сроднилась я! . . .
Какъ дочери твои, смугла и черноока,
И сердцемъ пламеннымъ на нихъ похожа я;
Ихъ смѣлый, рѣзвый нравъ понятенъ для меня,
Въ ихъ суевѣріи я вижу смыслъ высокій;
Ихъ поэтической Мадонѣ вѣрю я! . .
Неаполь, рай земной, . . Венеція, дочь моря, . .
И ты, безсмертный градъ, ты семи-холмный Римъ,
Ты, рабства и стыда вполнѣ узнавшій горе,
Но славный и поднесь на зло врагамъ твоимъ,
Васъ я ищу мечтой, васъ всё я призываю! . .
По васъ въ дали глухой соскучилася я;
Къ вамъ я сердечные поклоны посылаю;
Васъ алчетъ данью слёзъ почтить душа моя! . .

Мнѣ хочется узрѣть развалины нѣмыя,
Обломки всѣхъ временъ, всѣхъ нравовъ, всѣхъ властей,
На коихъ племена отжившія, былыя,
Свой слѣдъ оставили еще на много дней! . . .
Твореньямъ генія хочу я надивиться,
Воззрѣніемъ на нихъ согрѣть и умъ и взоръ;
Я южнымъ воздухомъ хочу хоть разъ упиться.

Подъ небомъ голубымъ найти мечтамъ просторъ..
Вдоль Бренты счастливой хочу я плыть въ гондолѣ,
И слышать Тассовыхъ октавъ волшебный звукъ,
Напѣвы страстные его сердечныхъ мукъ;
Иль въ забытьи внимать веселой баркароллѣ,
И увлекаяся разгуломъ молодымъ,
Жить жизнью южною, восторгомъ огневымъ!..
Прими же мой обѣтъ, и пламенный и нѣжный,
Тебя, чудесный край, съ любовью посѣтить,
Какъ скоро прихоти судьбы моей мятежной
То богомольство мнѣ дозволять совершить!..
Такъ! я узрю тебя, Италія святая!
Я налюбуюся на прелести твои,
И сердцемъ возгоржусь, тебя благословляя,
Что зрѣла край искуствъ, поэзіи, любви!..

Москва, Май, 1831 г.

XX.

ПОЭТЪ.

Повѣсть свѣтскаго жителя.

. . . . the glance
Of melancholy is a fearful gift! . .
Byron, the Dream.

Унылый, преданный мечтанью,
Онъ всѣхъ дичится, всѣхъ бѣжитъ;
Онъ обреченъ воспоминанью,
Его прошедшее томитъ;
Онъ блѣденъ: тайна роковая
Лежитъ на пламенной душѣ,
И отразилась на челѣ,
Страстей волненье выражая.
Въ его потухнувшихъ очахъ
Примѣты скорби неизмѣнной,
И рѣдко гостьею мгновенной
Мелкнетъ улыбка на устахъ.
Онъ недоступенъ утѣшенью;
Онъ свѣту чуждъ, онъ нелюдимъ;
Онъ жертвуетъ уединенью
Умомъ и именемъ своимъ.
Онъ прежде пѣлъ любви страданье, . .

Но замеръ томный гласъ его,
И онъ безмолствуетъ давно,
Утративъ пѣсни и желанья!
Бездушный, хладный и нѣмой,
Онъ ждетъ, чтобъ новое видѣнье
Въ немъ пробудило вдохновенье
Съ любовью чистой и святой.

Москва, Іюнь, 1831 г.

XXI.

МОЯ КРАСАВИЦА.

Ольгѣ А...ѣ П...ой.

«La voir c'est l'aimer; la regarder, —
C'est le lui dire! . .»
Lady Morgan, Ida L'Athénienne.

Не черные, блестящіе глаза,
Не искрометный взоръ, яснѣй, свѣтлѣй денницы,
Не милыя черты, не длинныя рѣсницы,
Не свѣжія, румяныя уста,
Въ красавицѣ моей дивятъ и очаруютъ,
Не ими нравится и царствуетъ она;
Не прелести ея и губятъ и волнуютъ,
И не наружностью своей она страшна:
Но свойствами души, но сердца добротою
Она умѣетъ всѣхъ привлечь и привязать;
Ей отъ небесъ дано умъ сочетать съ красою
И уваженіе съ любовію внушать! . .

Москва, Іюнь, 1831 г.

XXII.

ПѢВИЦА.

П. А. Бартеневой.

Oui, je le sens quand je t'écoute:
L'harmonie, c'est l'âme des cieux!
Lamartine.

Она поётъ, . . мнѣ сдается;
  Что чистыхъ серафимовъ хоръ
Вдоль горнихъ облаковъ несется,
  Что мнѣ ихъ слышенъ разговоръ. . .

Она поётъ, . . и я мечтаю,
  Что звукамъ арфы неземной,
Илъ пѣснямъ пери молодой
Я въ упоеніи внимаю . . . .

Она поётъ, . . и сердцу больно,
  И душу что̀-то шевелитъ,
  И скорбь невнятная томитъ,
И плакать хочется невольно.

Она поётъ, . . и голосъ милый,
Тая дыханье, я ловлю,
И восхищаюсь, . . и люблю
Его звукъ томный и унылый! . .

Она поётъ, . . и такъ умѣетъ
И грусть и чувство выражать,
Что сердцу, кѣмъ тоска владѣетъ,
Не мудренно её понять! . .

Петровское, Іюнь, 1831 г.

XXIII.

ЭОЛОВА АРФА.

T'is sweet to listen ...
Don Juan.

Твои прерывистые звуки,
Твоя гармонія, твой звонъ,
Твой ропотъ, — томный, будто-бъ онъ
Былъ гласъ послѣдній смертной муки, —
Всё сладко слуху и уму,
Всё привлекательно и мило,
Всё выразительно-уныло,
Всё вторитъ сердцу моему! ..
Какъ я люблю въ нѣмомъ забвеньи
Акордамъ неземнымъ внимать,
Ихъ тайный говоръ, въ упоеньи,
Догадкой сердца понимать!
Какъ я люблю струнъ трепетанье,
Ихъ отзывъ, дышущій тоской!
Какъ я люблю ловить бряцанья,
Ихъ въ даль преслѣдовать мечтой,
И изъ отрывочныхъ созвучій,
Изъ недоконченныхъ ихъ мѣръ
Возсоздавать себѣ размѣръ

Волшебной пѣсни, — и летучей,
Незримой Феѣ горнихъ сферъ
Приписывать той пѣсни сладость!
И тихо думать: «что манитъ
«Мою довѣрчивую младость? . .
«Какой восторгъ, какую радость
«Жилица чудныхъ странъ сулитъ? . .»
Молю: почаще надо мною
Звучи, звучи ночной порою
О! арфа стройная моя! . . .
И наводи своей игрою
Раздумья чары на меня! . .

Петровское, Іюль, 1831 г.

XXIV.

ЦЫГАНСКОЙ ТАБОРЪ.

И богатства не возьмемъ
За свою свободу! . .
Цыганская пѣсня.

Дика гармонія пол-дикаго народа,
И мраченъ и крикливъ звукъ громкихъ голосовъ;
Но дышатъ въ пѣсняхъ ихъ отвага и свобода,
Наслѣдье кровное ихъ дѣдовъ и отцовъ!

Когда веселіемъ, восторгомъ вдохновенный,
Вдругъ удалую пѣснь весь таборъ запоётъ,
И громкій плескъ похвалъ, повсюду пробуждённый,
Безпечные умы цыгановъ увлечётъ,
На смуглыхъ лицахъ ихъ вдругъ радость заиграетъ,
Въ глазахъ полуденныхъ веселье загоритъ,
И всё въ нихъ пламенно и ясно выражаетъ,
Что чувство сильное ихъ души шевелитъ:
Нельзя, нельза тогда внимать безъ восхищенья
Напѣву чудному взволнованныхъ страстей!

Нельзя не чувствовать музыки упоенья,
Не откликаться ей всей силою своей!
Поютъ, . . и имъ душа внушаетъ эти звуки;
То страшно бѣшены, то жалобны они;
Въ нихъ всё, и рѣзвый смѣхъ, и голосъ томной муки
И ревность грозная, и ворожба любви,
И брани смѣлый вопль, и буйное раздолье,
И жизни безъ заботъ похмѣльное приволье! . .
Ихъ таборъ сборище Алмей и удальцовъ,
Концертъ ихъ оргія, вой ада съ пѣснью рая,
Востока дивнаго поэзія живая,
Гимнъ фантастическій Шекспировыхъ духовъ!
Но вотъ гремящій хоръ внезапно умолкаетъ . . .
И Таня томная одня теперь слышна:
Ея пѣснь грустная до сердца проникаетъ,
И страстную тоску въ немъ шевелитъ она . . .
Блѣдна, задумчива, страдальчески-прекрасна,
Она измучена сердечною грозой,
На ней видна печаль любови нѣжной, страстной,
И всѣ черты ея искажены тоской.
О! какъ она мила! . . Какъ чуднымъ выраженьемъ
Волнуетъ, трогаетъ, и нравится она! . .
Душа внимаетъ ей съ тревожнымъ наслажденьемъ,
Какъ бы предчувствіемъ мучительнымъ полна!
Но если-жъ пѣснь ея, съ восторгомъ южной страсти,
Поетъ вамъ о любви, о незнакомомъ счастьи,

О! сердцу женскому напѣвы тѣ бѣда!
Не избѣжитъ оно заразы ихъ и власти,
Не смоетъ слёзами ихъ жгучаго слѣда! . . .

Дика гармонія полъ-дикаго народа
И мраченъ и крикливъ звукъ громкихъ голосовъ,
Но дышутъ въ пѣсняхъ ихъ отвага и свобода,
Наслѣдье кровное ихъ дѣдовъ и отцовъ!

Петровское, Августъ, 1831 г.

XXV.

ПРОСТОНАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

I.

Тучи черныя собираются,
И затмилося солнце красное:
Думы мрачныя крушатъ дѣвицу,
И волнуютъ въ ней сердце страстное.

Скучно дѣвицѣ одиночество, . . .
Она съ радостью распростилася,
Ей безъ милаго опостылѣлъ свѣтъ,
И тоска въ душѣ вкоренилася.

Тучи черныя разгуляются,
Засіяетъ вновь солнце красное;
Не осушатся слезы дѣвицы,
Не воскреснетъ въ ней сердце страстное! .

II.

Темнорусые кудри милаго,
Не достанется вами мнѣ играть!
Очи свѣтлыя, очи ясныя,
Я привѣта въ васъ не должна искать! . .

Взоры нѣжные, взоры страстные,
Не при мнѣ огнемъ вы пылаете!
Уста милыя, сладкогласныя,
Вы не мнѣ «люблю» восклицаете!

Ловкій молодецъ, ненаглядный мой,
Не видать тебя горемычной мнѣ!
Разлучили насъ бури лютыя,
Ты одинъ теперь на чужой странѣ! . .

III.

Дайте крылья мнѣ перелётныя,
Дайте волю мнѣ . . . волю сладкую!
Полечу въ страну чужеземную,
Къ другу милому я украдкою!

Не страшитъ меня путь томителный,
Я помчусь къ нему гдѣ-бы ни былъ онъ,
Чутьемъ сердца я доберусь къ нему,
И найду его, гдѣ бъ ни скрылся онъ!

Въ воду кану я, въ пламя брошусь я!
Одолѣю всё, чтобъ узрѣть его,
Отдохну при немъ отъ кручины злой,
Разцвѣту душой отъ любви его! . .

Петровское, Августъ, 1831 г

XXVI.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

De la dépouille de nos bois
L'autômne avait jonché la terre.
Millevoye.

Вѣтеръ свищетъ, вѣтеръ воетъ,
Ночь темна и холодна;
Сердце тяжко, тяжко ноетъ,
И томитъ его тоска.

Грустно осени мертвящей
Предугадывать приходъ;
Грустенъ видъ природы спящей
Въ пору въюгъ и непогодъ! . .

Вся природа обновится,
Воскреситъ ее весна,
Свѣтлымъ Маемъ озарится
Вновь подлунная страна.

Но когда въ борьбѣ съ судьбою
Сердце рано отцвѣтетъ,
Впредь вторичною весною
Ужъ оно не оживетъ! . .

Петровское, Сентябрь, 1831 г.

XXVII.

БѢЛАЯ ДАМА.

К. А. Тимашевой.

The cheek may be tinged with a warm sunny smile,
Though the cold heart to ruin runs darkly the while.
Th. Moore's Irish melodies.

И ризы черныя, и трауръ сбросивъ свой,
Очаровательна, въ одеждѣ бѣлоснѣжной,
Съ живой любезностью, съ привѣтливостью нѣжной,
Она, пѣвица думъ, явилась предо мной,
Блистая красотой и свѣжестью веселья.
Какой-то роскошью дышалъ нарядъ ея;
Прозрачный, легкій токъ, шарфъ, платье, ожерелье,
Всё свѣтлой бѣлизной сіяло вкругъ нея.
На томную лазурь очей уныло-ясныхъ
Рѣсницы черныя покровъ бросали свой;
Во взорахъ пламенныхъ, приманчиво-опасныхъ,
Изображался умъ съ чувствительной душой.
Въ ней что̀-то тайное и неземное было;
Она, казалося, пришла изъ царства фей,

Она влекла къ себѣ неодолимой силой,
Лишь одного жезла недоставало ей . . . .
Но съ равнодушіемъ привѣтъ нашъ принимая,
Но средь забавъ, одна скучна, невесела,
Никѣмъ не занята, безмолствуя, мечтая,
Она въ самой себѣ погружена была.
Прекрасное чело носило слѣдъ страданья,
И безпокойствіе взоръ бѣглый выражалъ;
Быть можетъ, мучило её воспоминанье?
Быть можетъ, сонъ былой ей душу волновалъ? . .
Подъ дымкой праздничной, кто знаетъ, что̀ таится,
Чѣмъ сердце сжатое и полно и больно! . .
Такъ въ день торжественный, домъ, брошенный давно,
Снаружи яркими огнями загорится,
А безъ жильцовъ внутри, всё мертво, всё темно!

Москва, Сентябрь, 1831 г.

XXVIII.

ЗАЧѢМЪ?

(Отвѣтъ на Стихи подъ заглавіемъ: «Что?»)

В. П. Горчакову.

«Вопросъ — убійца тайны! . . .»
Персидская пословица.

Зачѣмъ вы лестію лукавой
Смутили сонъ моей души?
Зачѣмъ предательской отравы
Слова исполнили свои? . . .
Зачѣмъ хвалою непомѣрной
Вы такъ осыпали меня,
И описавъ меня невѣрно,
Въ неправду облекли себя? . . .
Сказавши больше чѣмъ хотѣли,
Вы не ошиблись лишь въ одномъ,
И главную черту умѣли
Открыть въ характерѣ моемъ:
Такъ! . . я задумчива, уныла,
Душа угнетена тоской,
Думъ черныхъ роковая сила

Во мнѣ волнуетъ духъ младой! . . .
Но безотчётно непонятна
Мнѣ смутная печаль моя,
И лишь боязнію невнятной
Её назвать умѣю я.
Да! я боюсь, . . . сама не сная
Чего, зачѣмъ и почему! . . .
Всегда о будущемъ мечтая,
Боюсь повѣриться ему . . . . .
Я робко внемлю обѣщаньямъ
Надежды, радости, судьбы,
И приготовившись къ страданьямъ,
Жду грозной съ жребіемъ борьбы.
Вотъ вамъ загадки объясненье,
На вашъ вопросъ вотъ вамъ отвѣтъ:
Я вѣрю горю безъ сомнѣнья, ...
Но къ счастью въ сердцѣ вѣры нѣтъ!

Москва, Ноябрь, 1831 г.

XXIX.

НЕСРАВНИМАЯ.

К. А. Булгаковой.

E de vagheggiatori ella s'invola,
Alle lodi, agli sguardi inculta e sola.
Gerusalemma Liberata.

Твоя живая красота
Убійственно опасна!
Ты Рафаэлева мечта,
Ты идеалъ прекрасный!
Гречанокъ древнихъ статный рой,
Безъ спора, бѣзъ гордыни,
Остановился-бъ предъ тобой,
Поклонъ отдать богинѣ.
Твой взоръ не грѣетъ, не горитъ
Любовью жаркой, знойной. . .
Но онъ и губитъ и мертвитъ
Веселостью спокойной.
Пусть обожателей толпа
И молитъ и мечтаетъ,
Ты равнодушна! . . Никогда
Твой слухъ имъ не внимаетъ! . .

Межъ нихъ еще ты не нашла
Достойнаго участья. . .
И не пришла тебѣ пора
Невольнаго пристрастья.
О! нѣтъ! несмертный будетъ тотъ,
Кто сердце молодое
Въ тебѣ пробудитъ, и зажжетъ
Въ немъ пламя роковое! . .

Москва, 22-го Ноября 1831 г., на балѣ.

XXX.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Combien de fois déjà les ai-je vu renaître
Ces ans, si prompts à fuir, si prompts à revenir! . .
Combien en compterai-je encore? . . .
Lamartine.

Вотъ полночь! . . полночь бьетъ! . . Урочный звонъ раздался . .
За часомъ часъ звучитъ . . . послѣдній ужъ пробилъ . .
И вмѣстѣ съ нимъ, годъ цѣлый миновался,
И новый годъ въ замѣну наступилъ! . .

Прости, минувшій годъ, прости на безконечность!
Ничье могущество не возвратитъ тебя;
Съ волной былыхъ вѣковъ ты погрузился въ вѣчность —
И сгинешь, какъ они, во мглѣ небытія! . .

Какъ много тайныхъ слёзъ, какъ много впечатлѣній,
Какъ много свѣтлыхъ думъ уносишь ты съ собой!..
Какъ мало радостей . . . какъ много огорченій
Въ теченіи твоемъ испиты были мной!

Ихъ нѣтъ ... и нѣтъ тебя ... но вѣрное преданье
О нихъ и о тебѣ въ душѣ моей живетъ;
Ты вписанъ въ дневникѣ моихъ воспоминаній —
И время изъ него тебя не изженетъ.

А ты, годъ молодой, ты, годъ новорожденный ...
Я боязливостью привѣтствую тебя ..
Въ дали таинственной, отъ взоровъ сокровенной,
Что̀ приготовлено тобою для меня?

Скажи! .. что̀ ты несешь — блаженство иль несчастье?
Къ надеждѣ, .. къ страху-ли должна я привыкать?
Чего мнѣ ожидать, — дней ясныхъ иль ненастья?
Какъ недруга-ль тебя, какъ друга-ли встрѣчать?

Напрасно съ сердцемъ я о томъ хочу спроситься:
Оно передъ тобой робѣетъ и молчитъ!
Чего не миновать, тому со мной и сбыться! ..
Печаль утѣшится, .. а радость улетитъ!

Москва 1-го Января 1832 г.

XXXI.

ДУЭТЪ.

П. А. Бартеневой и А. Н. Дьякову.

«. . . Какіе звуки! . .
«Пламень душу всю проникъ! . .»
Жуковскій.

Два голоса, плѣнительно сливаясь,
Съ небесной сладостью пѣснь дивную поютъ;
Сдружившись стройностью, и въ звукахъ соглашаясь
Они въ таинственной гармоніи текутъ.

Одинъ, . . онъ чистъ, онъ свѣжъ, какъ сердца первый шопотъ,
Могущей юности восторгомъ онъ звучитъ,
Порывистъ и глубокъ, какъ волнъ вечерній ропотъ,
Про небо и про рай съ душой онъ говоритъ . . . .

Другой, измученный, плѣнительный и страстный,
Какъ отголосокъ чувствъ, какъ скорби тяжкій стонъ,
Вникаетъ въ глубь сердецъ, пронзительно-опасный;
Любовью, нѣгою, тоскою дышетъ онъ.

О! много, много думъ тотъ голосъ выражаетъ!
И сердцу внятное трепещетъ что̀-то въ немъ,
Какъ будто длинныхъ мукъ онъ повѣсть повторяетъ,
Какъ будто звукъ его душѣ давно знакомъ! . .

И оба голоса даръ вышній оживляетъ,
И оба дѣйствуютъ, о цѣли не спросясь:
Она, обвороживъ, на небо увлекаетъ,
А онъ, къ быту земли приковываетъ насъ.

Москва, Январь, 1832 г.

XXXII.

БЫВАЛО И ТЕПЕРЬ.

Шли годы; бурь порывъ мятежный
Развѣялъ прежнія мечты.
Пушкинъ.

I.

Бывало, . . пылкимъ вдохновеньемъ
Во мнѣ кипѣлъ духъ молодой,
И рвался вѣтренымъ стремленьемъ
За прихотливою мечтой;
Бывало, вся душа пылала
Безумной юности огнемъ,
И какъ въ неволѣ, тосковала
Передъ условнымъ бытіёмъ.

Поэзіи очарованье
Съ пристрастьемъ чувствовала я;
Любимыхъ книгъ одно названье
Въ восторгъ бросало вдругъ меня;
Я дружбу нѣжную, святую
Питала въ пламенной груди;
Я посвящала жизнь младую
Мечтамъ о счастьи и любви

Я вѣрила всему святому,
Всему, что̀ сердце тайно жгло,
Всему высоко-неземному,
Что̀ ослѣпляло, что̀ влекло . . . .
Я вѣрила, . . и поклонялась
Кумирамъ, созданнымъ мечтой . . .
Я съ дѣтскимъ жаромъ увлекалась
Воображенія игрой.

Тогда, я пѣла, часто пѣла,
Про всё, чѣмъ занята была,
Что̀ умъ плѣняло, душу грѣло,
Про всё, чѣмъ тѣшила судьба;
Про всё, что̀ сердце волновало,
Что̀ въ немъ питало чистый жаръ,
Про скорбь, которою страдала,
Про радость . . . рѣдкій рока даръ.

И томны, страстны, жизни полны,
Тѣ пѣсни ладились, текли,
Неукротимыя, какъ волны,
Невольныя, какъ сонъ любви.
Въ нихъ было всё, въ нихъ говорила
Языкомъ огненнымъ душа:
Изъ сердца что̀-то ихъ манило,
Затворъ молчанья разруша! . .

II.

Теперь, . . . желѣзною рукою
Сковала опытность меня,
И облита холодной мглою
Душа стѣсненная моя!
Исчезъ обманъ очарованья,
Исчезли призраки и сны! . .
Ни вдохновенья, ни мечтанья
Моей не тронутъ тишины!

Теперь, заботами иными,
Иными думами живу!
Теперь я снами золотыми
Не забываюсь на яву!
Я въ горній міръ не увлекаюсь,
Я пѣсней сердца не пою . . . .
Но къ хладу жизни пріучаюсь,
И ужъ существенность люблю!

Существенность! . . Она рѣшенье
Загадки жизни! . . Пусть она
Бѣдна, безъ чаръ, безъ украшенья,
Жалка, какъ мраморъ холодна, . .
Но должно, поздно или рано,
Въ нее страхъ сердца побѣдивъ,
Всмотрѣться близко, безъ обмана,
И подписать съ мечтой разрывъ!

Москва, Январь, 1832 г.

XXXIII.

ОТРИНУТОМУ ПОЭТУ.

«Нѣтъ! ты не поняла поэта . . .
«И не понять тебѣ его!»
Н. Павловъ.

Она не поняла поэта! . .
Но онъ зачѣмъ её избралъ?
Зачѣмъ, безумецъ, въ вихрѣ свѣта
Подруги по сердцу искалъ?

Зачѣмъ онъ такъ неосторожно
Былъ красотою соблазненъ?
Зачѣмъ надеждою тревожной
Онъ упивался, ослѣпленъ?

И какъ не знать ему заранѣй
Что всѣ кокетки холодны,
Что ихъ могущество въ обманѣ,
Что имъ поклонники нужны? . . .

И какъ съ душою полной чувства,
Отвѣта въ суетныхъ искать?
Въ нихъ всё наука, всё искуство,
Любви прямой имъ не понять!

Онъ сравнивалъ её съ картиной:
Онъ правъ! бездушно-весела,
Кумиръ всѣхъ мотыльковъ гостиной,
Она лишь слѣпокъ божества!..

Въ ней огнь возвышенный, небесный
Красу земную не живитъ...
И врядъ-ли мраморъ сей прелестный
Пигмаліонъ одушевитъ!..

Она кружится,.. и плѣняетъ,
Довольна рокомъ и собой;
Она чужой тоской играетъ;
Въ ней мысли полны суетой.

Въ ней спитъ душа,.. и не проснется,
Покуда молода она,..
Покуда жизнь ея несется
Рѣзва, блестяща и шумна!..

Когда же юность съ красотою
Начнутъ несчастной измѣнять;
Когда поклонники толпою
Уйдутъ, другихъ оковъ искать:

Тогда, покинувъ сцену свѣта,
И одинока, и грустна,
Воспомнитъ вѣрнаго поэта
Съ слезой раскаянья она! . .

Москва, Февраль, 1832 г.

XXXIV.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ.

Peut-être, quelque coeur en secret malheureux,
A l'inflexible autel se plaignoit de ses noeuds,
Et pour des souvenirs, encore trop pleins de charmes,
A la religion déroboit quelques larmes! . . .

Delille.

Обитель древняя, убѣжище святыни,
Какъ стало мнѣ легко въ стѣнахъ твоихъ!
Какъ живо чувствую я нынѣ
Всю суетность надеждъ и радостей земныхъ!
Съ разбитымъ сердцемъ я, съ взволнованной душою
Вступила въ сѣнь твою, мятежныхъ думъ полна;
За грань житейскую, сюда я за собою
Оковы бренности и грузъ тоски несла . . .
Но здѣсь меня отрада ожидала,
Здѣсь утѣшеніе спустилось свыше мнѣ:
Моленье теплое на время оторвало
Печаль, таимую въ сердечной глубинѣ.

* * *

На ликъ святой небесной Дѣвы
Я въ умиленіи гляжу,
И съ чистой вѣрою твержу
Ей приносимые напѣвы.

Ея глубоко-ясный взоръ
Мнѣ льетъ кручины злой забвенье;
Покой чела Ея — укоръ
Мнѣ за безумное волненье.

Свѣча горитъ передъ Святой, —
И свѣтъ неяркій проливаетъ;
Но свѣтъ сей сердце озаряетъ,
И тушитъ въ немъ огонь земной.

* * *

Съ очей упалъ покровъ: таинственная вѣчность
Явилась предо мной, разительно страшна!
Житейской бури я постигла скоротечность;
Отъ ложныхъ призраковъ душа отвращена.
Обширнѣе, полнѣе мысли стали;
Всё безконечное объемлю ими я;
Мечты мои горѣ полётъ пріяли,
Презрѣвъ ничтожность бытія!
Я чувствую покорное смиренье;
Я вѣрую, что благо Провидѣнье,
И нахожу въ обители святой
Давно-желаемый покой!

Когда въ мірскомъ быту свой подвигъ испытаній
Вполнѣ я совершу, когда испью до дна
Я чашу скорби и страданій,
Когда ужъ никому не буду я нужна:
Тогда, приду сюда окончить вѣкъ унылый!
Тогда приду сюда былое забывать, ...
Но чаще, можетъ быть, въ келейной мглѣ мечтать
О томъ, что̀ мучило, о томъ, что̀ было мило!..

Москва, Мартъ, 1832 г.

XXXV.

ПОЛУНОЧНИЦА.

«Veiller pour souffrir est triste, mais veiller pour rêver est doux.»
M-me de Staël, Delphine.

Гори, лампада! . . озаряй
Святыхъ иконъ кіотъ отрадный,
И слабый свѣтъ свой проливай
Въ пріютъ печали безпощадной! . .

Пусть отблескъ ризъ сихъ золотыхъ
Твое сіянье оттѣняетъ,
Пусть разноцвѣтность камней ихъ
Тебя въ отливъ свой одѣваетъ! . .

Въ сихъ ликахъ выраженья нѣтъ:
Мертва ихъ живопись простая,
Однообразенъ темный цвѣтъ,
И дремлетъ краска вѣковая:

Но въ этомъ Греческомъ письмѣ,
Но въ этой простотѣ старинной
Есть тайна, внятная душѣ,
Съ привѣтомъ для мольбы невинной!

Родное что́-то говоритъ
Въ чертахъ, повидимому хладныхъ;
Святая милость ихъ манитъ
Признанье пѣней безотрадныхъ.

На сердце сжатое тоской
Они наводятъ умиленье;
Они шлютъ горестямъ покой
И украшаютъ думъ волненье.

Какъ часто я, порой тоски,
Въ часы безмолвной полуночи,
Твержу имъ жалобы свои,
На нихъ вперя молящи очи!..

Какъ часто имъ ввѣряю я
Свой ропотъ страстный, безнадежный,
Когда, во прахъ главу склоня,
Борюсь я съ скорбію мятежной!..

И невидимо благодать
На душу слабую нисходитъ,
И долгой горести печать
Она съ чела мнѣ тихо сводитъ.

И вдругъ съ надеждой неземной
Ко мнѣ слетаетъ утѣшенье,
И вѣрой чистой и живой
Трепещетъ сердце въ упоеньи.

Гори жъ, лампада!.. озаряй
Моихъ иконъ кіотъ священный,
И тихимъ блескомъ освѣщай
Пріютъ, святынью осѣненный!..

Москва, Апрѣль, 1832 г.

XXXVI.

ФАНТАЗІЯ.

«Dahin! . . dahin! . .»
Mignon.

Хоть я съ полуденной душою
И съ сердцемъ страстнымъ рождена, —
Хоть нравъ мой живъ, хоть я мечтою
Волшебству звуковъ предана;
Хотя мои пылаютъ думы,
Хоть много южнаго во мнѣ . . .
Но сѣверъ хладный и угрюмый,
Родной мой сѣверъ милъ душѣ! . .

Порой меня воображенье
На крыльяхъ радужныхъ влечетъ
Туда, гдѣ дышетъ вдохновенье,
Гдѣ искони восторгъ живетъ.
Туда! . . въ страну очарованья,
Гдѣ воздухъ чище и яснѣй,
Гдѣ вся природа въ ликованьѣ
Гордится роскошью своей:

Я въ страстномъ забытьи блуждаю
Въ священныхъ Греческихъ горахъ!
Я прахъ обломковъ вопрошаю
О героическихъ вѣкахъ;
Я слышу бранный вопль Тиртея
И звукъ оружій боевыхъ . .
Я мчуся по волнамъ Пирея,
Брожу въ развалинахъ сѣдыхъ.

Аѳины, Спарта предо мною
Съ ихъ краснорѣчіемъ нѣмымъ,
Съ свободой, съ славой ихъ былою,
Съ ихъ злополучьемъ роковымъ!
И Миссолонги вдругъ дымится,
Весь свѣжей кровью обагренъ . . .
И обгорѣлый Хіосъ зрится,
Обитель горестныхъ племёнъ! . .

И есть тамъ новая могила . . . . .
Могила странника-пѣвца,
Кого страданье заклеймило,
Отъ колыбели до конца:
Несправедливость Альбіона
Презрѣлъ великой онъ душой, . . .
И тѣнь изгнанника Байрона
Сроднилась съ Греціей младой! . .

Но есть еще предѣлъ желанный,
Еще волшебная страна . . . .
Поэтовъ край обѣтованный,
Гдѣ имъ награда суждена,
Цѣль ихъ исканій благородныхъ,
Предметъ ихъ пѣсней и стиховъ,
Кумиръ душъ пылкихъ и свободныхъ
Эдемъ восторженныхъ умовъ!

И тамъ, въ Италіи чудесной,
Въ сердечныхъ снахъ бываю я . . .
И до неё игрой небесной
Несетъ фантазія меня!
Подъ тѣнью миртъ, оливъ душистыхъ
Я воздухъ ароматный пью,
Любуюсь блескомъ звѣздъ сребристыхъ,
И звуки серенадъ ловлю . . .

Но чу! . . Полночнаго моленья
Вотъ громкій благовѣстъ гудитъ! . .
Вотъ онъ, глаголъ богослуженья,
Единовѣрцамъ говоритъ!
Вотъ онъ величественнымъ стономъ
Мое раздумье перервалъ,
И русскимъ православнымъ звономъ
Видѣнья чуждыя прогналъ! . .

Очнулась я отъ сновъ любимыхъ.....
Въ обычный очеркъ бытія
Изъ дальныхъ странъ, восторгомъ зримыхъ,
Возвращена душа моя;
Забыты пылкія мечтанья,
И я, опомнившись вполнѣ,
Твержу въ сердечномъ изліяньѣ:
«Мой край родной!.. ты дорогъ мнѣ!»

Москва, Апрѣль, 1832 г.

XXXVII.

БѢЛОЙ ДАМѢ.

К. А. Тимашевой.

«Cachez votre coeur à ceux qui n'en ont point.»
M-lle de Sénancourt.

Нѣтъ, счастье васъ не баловало,
Знакомъ вамъ звукъ судьбы утрозъ,
Васъ жало скорби растерзало,
Вы разгадали тайну слёзъ;
Вы свыклись съ трауромъ страданья,
И, чашу горести испивъ,
Безъ упованья, безъ желанья,
Забыли радости порывъ.
Вы потушили ретивое,
Какъ сторожъ, тщетно ночь прождавъ,
Заутро пламя бреговое,
Лучи денницы увидавъ,
На башнѣ гаситъ одинокой, —
И самъ отходитъ на покой . . . . .
И вы устали! . . Сонъ глубокой
Владѣетъ вашею душой! . .
Но иногда, въ просони смутномъ

Былое вновь волнуетъ васъ;
Вы какъ пловецъ въ дому пріютномъ,
Который помнитъ бурный часъ! . .
И я, когда въ глазахъ прекрасныхъ
Увижу крупную слезу, —
Когда во взорахъ вашихъ страстныхъ
Замѣчу думу и тоску, —
Я понимаю васъ! . . Я знаю
Какой недугъ вамъ сердце сжалъ! . .
И отъ души тогда желаю,
Чтобъ безвозвратно миновалъ
Припадокъ грустныхъ вспоминаній! . . .
Что̀ пользы пепелъ шевелить? . .
Что̀ рану старую дразнить? . .
Забудьте быль своихъ страданій!

Москва, Апрѣль, 1832 г.

XXXVIII.

ЕЩЕ ВОПРОСЪ.

В. П. Горчакову.

«Соучастіе не любопытство.»

Скажите: отъ чего вашъ взоръ
Всегда горитъ тоской сердечной?
Зачѣмъ напитанъ грустью вѣчной
Вашъ непритворный разговоръ?
Зачѣмъ таинственныя думы
Легли на томное чело,
И скорбь оттѣнокъ свой угрюмый
На васъ вперила какъ клеймо?
Зачѣмъ вашъ сплинъ неизлѣчимый,
Болѣзнь душъ пламенныхъ, живыхъ,
Какъ гроба червь неумолимый
Васъ гложетъ въ цвѣтѣ лѣтъ младыхъ?
Какое горе такъ глубоко
Запало въ душу вамъ свинцемъ:
Тоска-ли жизни одинокой?..
Разлука-ли съ красой далекой?..

Иль пустота съ мертвящимъ сномъ? . .
Въ васъ что̀-то тайное, родное,
Краснорѣчиво говоритъ,
И состраданіе святое
Меня невольно къ вамъ стремитъ!
О! если бъ этимъ состраданьемъ
Могла купить я вамъ покой! . .
Но я богата лишь желаньемъ,
А не ходатай предъ судьбой! . .
Примите-жъ все, что̀ въ приношенье
Вамъ дать въ порывѣ умиленья
Я, безталанная, могу:
Души свободной уваженье,
И соучастія слезу!

Москва, Май, 1832 г.

XXXIX.

КАТИШѢ.

«Il est doux d'être belle alors qu'on est aimée!»
Delphine Gay.

Il n'est doux d'être belle qu'alors qu'on est aimée!
Moi.

Скажи, къ чему сегодня ты
Очаровательно-прелестна?..
Скажи, къ чему твои черты
Одушевилъ огонь небесный?..
Какъ головѣ твоей красивой
Присталъ твой греческій уборъ!
Какъ ярко рѣзвостью игривой
Горитъ полуденный твой взоръ!..
Умомъ, радушіемъ, весельемъ
Смѣются звѣздочки-глаза.
И ты, какъ новымъ ожерельемъ,
Улыбкой нынѣшней мила!
Но взоръ приверженный и страстный
Тебя не встрѣтитъ, милый другъ!
Пригожа ты какъ въ праздникъ красный...
А здѣсь, лишь будничный нашъ кругъ!..

И я съ досадою невольной
Любуюсь прелестью твоей:
Мнѣ за тебя обидно, больно,
Что нѐ-кому плѣниться ей! . .
Отъ всей души я негодую,
Что ты богиня безъ жрецовъ;
Какъ стражъ былаго, я ревную
За истинныхъ твоихъ рабовъ.
Когда бъ изъ ссылки отдаленья
Сегодня можно было имъ
Привѣтовъ дань, дань удивленья
Толпой принесть къ ногамъ твоимъ! . .
Какъ старый воинъ рати славной,
Увидя юношу въ крестахъ,
Припоминаетъ подвигъ давный
Своихъ собратій на бояхъ, —
Скорбя о прежнихъ удальцахъ, —
Такъ я, смотря на предстоящихъ,
Убывшихъ помню и хвалю, ...
И за тебя, о дняхъ увядшихъ,
О дняхъ побѣдъ твоихъ блестящихъ
И сожалѣю, и скорблю! . . .

Петровское, Іюнь, 1832 г.

XL.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

«Va, prends garde à l'amour, il menace ta vie!»
M-me Desbordes-Valmore.

Я сознаюсь въ своей ошибкѣ:
Передъ тобой дымится ѳиміамъ . . .
Жрецъ новый поступилъ въ твой храмъ, . . .
И снова царствуешь ты взоромъ и улыбкой!
Но я молю, не забывай
Что ты губительна, опасна;
Поклонника не завлекай,
И знай, зараза есть въ любви прамой и страстной!

Петровское, Іюль, 1832 г.

XLI.

НА ПАМЯТЬ.

Въ альбомъ М. П. Полторацкой.

These times are past, our joys are gone,
You leave us!
Byron. Miscellaneous poems.

Видали-ль вы, какъ на закатѣ дня,
Мгновенно озаря часъ бурный и туманный,
Вдругъ солнце выглянетъ изъ тучи златотканной,
Блеснетъ, . . и облакомъ задернетъ вновь себя? . .

Такъ вы намъ гостьею предстали мимолетной,
Такъ васъ на краткій срокъ судьба къ намъ занесла.
При васъ значительнѣй, полнѣе жизнь была,
Одушевлялося всё властью безотчетной!

Веселый, милый нравъ, умъ быстрый и живой,
И думы пылкія, и рѣчи безъ искуства,
И пѣсни томныя, исполненныя чувства,
И чары свѣтлыхъ глазъ вы принесли съ собой.

И совершивъ теперь вполнѣ обвороженье,
Вы удаляетесь, . . . какъ царь, собравшій дань,
Какъ воинъ, съ лаврами покинувъ бой и брань,
Какъ духъ, исполнившій земное назначенье!

Петровское, Августъ, 1832 г.

Digitized by Google

ЗЕЛЕНАЯ КНИГА.

1834 — 1838.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОСВЯЩЕНІЕ . . . . . .

Тебѣ!! . . . . — и никому другому
Не посвящу я думъ моихъ . . . . .
Дней лучшихъ другу дорогому, —
Тебѣ! . . . Ты былъ внушитель ихъ! . . .
Тебѣ! . . . Не ты-ль одинъ сроднился
Съ моимъ умомъ, съ моей душой? . . .
Не ты-ль, любя меня, гордился
Моею пѣснію и мной? . . .

Тебѣ, . . кому я довѣряла
Мечты неопытной души,
Кому безъ рнѳмъ, безъ словъ слагала
Такъ часто гимны я въ тиши,
Кто втайнѣ былъ мнѣ вдохновеньемъ,
Кто былъ мнѣ цѣль, совѣтъ и судъ, —
Я приношу съ благоговѣньемъ
Въ послѣдній даръ мой скромный трудъ! . .

Но тщетно свѣтъ нашъ любопытный
Разгадки будетъ здѣсь искать
Души поэта, страсти скрытной:
Нѣтъ! . . . ничего имъ не узнать! . . .
Тебѣ воздвигнутъ храмъ сердечный,
Но милымъ именемъ твоимъ
Не блещетъ онъ; подъ тайной вѣчной
Ты будешь въ немъ боготворимъ! . . . .

Вороново, 4-е Мая 1855 г.

I.

ПРОБУЖДЕНЬЕ.

Стансы для музыки.

Посвящено Аннѣ Ивановнѣ Бахметевой.

Подъ часъ измучившись тоскою
Тяжелымъ сномъ душа замретъ, —
И много дней своею чредою
Надъ мертвой время пронесетъ.

Она не ждетъ ужъ вдохновенья,
Всё холодѣетъ, всё пуста:
Её покинули волненья,
Её оставила мечта . . . . . .

Но если вдругъ она очнется,
И новой жизнью загоритъ, —
Когда въ ней радость встрепенется,
И чувство вновь заговоритъ:

То вѣрно гость обѣтованный
Думъ исполнитель ей предсталъ,
То вѣрно взоръ блеснулъ желанный,
То голосъ милый прозвучалъ! . . . .

Москва, Январь, 1834 г.

II.

МОРЕ И СЕРДЦЕ.

Романсъ на голосъ Бетговенова вальса.

Бушуй и волнуйся, глубокое море,
И ревомъ сердитымъ грозу оглушай!
О бѣдное сердце, тебя гложетъ горе,
Но гордой улыбкой судьбѣ отвѣчай!

Пусть небо дивится могучей пучинѣ
Пусть споритъ съ упрямой, какъ съ равной себѣ!..
Ты сильно, о сердце! не рабствуй кручинѣ, —
Разбейся . . . . но вживѣ не сдайся въ борьбѣ!..

Не вытерпитъ море ничье созерцанье,
Лишь Богу знакомо въ немъ тайное дно:
Высокому сердцу позоръ состраданье. —
Загадкою вѣчной да будетъ оно! . . . .

Москва, Январь, 1834 г.

III.

Я НЕ СКАЖУ.

Романсъ посвященный Князю Л. Г. Голицыну.

Я не скажу, зачѣмъ во цвѣтѣ лѣтъ
Я схоронилъ надежды и желанья,
Зачѣмъ мнѣ пустъ и дуженъ Божій свѣтъ,
Зачѣмъ пришлось отречься упованья;
И межъ людей зачѣмъ съ моей тоской
Брожу одинъ, какъ призракъ гробовой . . . .
Я не скажу! . . . .

Плохой я гость собратьямъ и друзьямъ;
Красавицъ взоръ встрѣчаю безъ волненья,
Безъ радости внимаю ихъ словамъ;
На сердцѣ смерть съ печатью отверженья . . . .
И если въ немъ мечта еще горитъ,
И если съ нимъ завѣтный образъ слитъ, —
Я не скажу! . . . .

Москва, февраль, 1834 г.

IV.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Что̀ ты, молодость моя,
Молодость напрасная,
Гаснешь, меркнешь, ясная
Не порадуешь меня? . . .
Что̀ ты, молодость моя,
Молодость напрасная? . . .

Что̀ мнѣ въ дѣвичей красѣ,
Расхваленной по̀-свѣту,
Омраченной до̀-цвѣту? . . .
Что̀ мнѣ въ шелковой косѣ? . . .
Прока нѣтъ въ моей красѣ,
Расхваленной по̀-свѣту! . . .

Что̀ мнѣ алыя уста,
Брови соболиныя,
Очи соколиныя,
Бѣлой груди полнота? . . .
Замирайте, вы, уста,
Очи соколиныя! . . .

Нѣтъ въ свѣтлицѣ огонька, . .
Нѣтъ въ душѣ зазнобушки,
Дорогой заботушки! . . .
Нѣтъ у дѣвицы дружка! . . .
Пропадай-же, жизнь-тоска
Безъ родной зазнобушки! . . .

Москва, Мартъ, 1834 г.

V.

ИЗМѢННИЦѢ.

Стансы для музыки Н. И. Бахметева.

Не мнѣ, не мнѣ ужъ говорятъ
Восторгомъ страсти полны очи,
Не для меня, какъ звѣзды ночи
Они сверкаютъ и горятъ! . . . .

Не для меня своихъ рѣчей
Ты тратишь мёдъ, моя Цирцея,
И не меня поишь, краснѣя,
Отравой нѣжности своей! . . .

Но помнишь-ли, пора была, —
И на любовное свиданье,
Меня всей силой заклинанья,
Ты заманила, ты звала? . . . .

Но помнишь-ли, — пора была, —
Въ моихъ объятьяхъ ежедневно,
Ты предавалась мнѣ безгнѣвно,
Какъ страсть довѣрчиво-смѣла? . . . .

И по сей день въ лѣсу густомъ,
Куда съ зарей ты прибѣгала,
Трава измятая не встала,
Улегшись на пути твоемъ . . . .

И до сихъ поръ еще звучитъ
Условный знакъ въ долинѣ спящей, . .
Твой поцѣлуй, на мнѣ горящій,
Еще уста мнѣ пепелитъ . . . .

А ты, — тебя похитилъ свѣтъ . . . .
А ты, ты чуждою мнѣ стала! . . . .
Любви твоей как ни бывало,
Её ужъ и въ поминѣ нѣтъ! . . . .

А ты! . . . . твои мечты живутъ
Забвеньемъ, лестью, суетою . . . .
И если встрѣтимся съ тобою, —
То спросишь: какъ меня зовутъ?

Москва, Мартъ, 1834 г.

VI.

ОСЕННІЕ ЛИСТЫ.

«Одинъ увядшій листъ несчастному милѣе
«Чѣмъ всѣ блестящіе весенніи цвѣты!»
Андрей Тургеневъ.

Сухіе, желтые листы,
Предвѣстники поры печальной,
Вы любы мнѣ! .... Мои мечты
Привыкли къ думѣ погребальной
Сдружились съ мыслью неземной;
И есть родство, родство святое
Межъ всѣмъ тоскующимъ и мной, —
Неизгладимо роковое
Клеймо дней прежнихъ надъ душой! ....

Люблю я колоколъ унылый
Въ вечерній часъ, вдали суетъ;
Мое любимое свѣтило
Не солнце пышное: о нѣтъ! ....
Нѣтъ! То луна, подъ покрываломъ
Прозрачно-сизыхъ облаковъ! ....

Я въ храмѣ древнемъ, обвѣтшаломъ,
Молюсь теплѣй; среди лѣсовъ,
Ищу не тополей красивыхъ,
Не лишъ роскошныхъ, горделивыхъ, —
Но громомъ сломанныхъ дубовъ! . . . .
Златаго утра блескъ роскошный
Встрѣчаю хладнымъ окомъ я:
Но бури шумъ, но вѣтръ полночный, —
Вотъ, вотъ поэзія моя! . . . .
И я отдамъ весну младую
Со всею жатвой гордыхъ розъ,
За осень блѣдную, нагую, —
Иль за порывы лѣтнихъ грозъ! . . . .

Но вы, — размётанные рокомъ,
Любимцы блёклые мои, —
На лоно матери — земли
Вы принесенные оброкомъ
Съ родимыхъ вѣтвей и вершинъ, —
Какъ много думъ и откровеній,
Какъ много горестныхъ явленій
И занимательныхъ судьбинъ
Я вижу въ низкой вашей долѣ! . . . .
Не много будущности въ васъ, —
Но всё-жъ, на жизненной юдоли,
Переживете вы не разъ
И рано скошенную младость,
И сонъ любви, и красоту,
И сердца пламеннаго радость,
И вдохновенную мечту! . . . .

Быть можетъ, вихръ своимъ дыханьемъ
Васъ на могилу нанесетъ? . . . .
Быть можетъ, васъ волна возьметъ, —
И васъ послѣднимъ призываньемъ
Младой утопленникъ почтетъ? . . . .
Быть можетъ, вамъ и мнѣ судьбою
Удѣлы равные даны: —
И вы, какъ я, обречены
Увянуть здѣсь передъ зимою? . . . .
И я, какъ вы, осуждена
Не покидать степи печальной, —
Въ ней изнывать, тоски полна,
Вотще душой стремясь въ путь дальній? . . .
Намъ вмѣстѣ-ль рокъ велѣлъ страдать, —
И вѣкъ отжить, и умирать
Въ своемъ углу непросвѣщенномъ,
Подъ небомъ вѣчно омраченномъ,
И странъ желанныхъ невидать? . . .
Быть можетъ, васъ со мной зароютъ
Снѣга родные въ саванъ свой, —
И вьюги русскія завоютъ
Надъ нами пѣснью гробовой! . . . . .

И горе, если уцѣлѣетъ
Одинъ изъ васъ! . . . . Весна придетъ,
Весна поляны отогрѣетъ,
И ихъ цвѣтами уберетъ, —
А онъ, изсохшій, одинокій,
Онъ не истлѣетъ на лугахъ, —
Но путника ногой жестокой

Растоптанъ будетъ въ пыль и прахъ! . . .
Такъ память первыхъ впечатлѣній,
Былыхъ надеждъ, былыхъ волненій
Душа и гонитъ и клянетъ, —
Когда рой скучныхъ сожалѣній
Любовь другая изженетъ! . . . .

Село Анна, Августъ, 1834 г.

VII.

МОЛИТВА О БОЛЬНОЙ.

(Передъ Иконою Богоматери на Монастырской стѣнѣ, противъ оконъ Графини Эмиліи Карловны Мусиной-Пушкиной, рожденной Шерваль.)

О Богородица святая,
Мать Искупителя — внемли!
Тебѣ и за вратами рая
Доступенъ скорбный гласъ земли! . . .

Смотри: страдалицу младую
Томитъ, терзаетъ недугъ злой;
И дней ея зарю вторую
Сближаетъ, съ первою зарей.

Спаси её! . . . . Какъ Ты, Марія,
Она красавица и мать . . . .
Да сохранитъ ей дни младые
Твоей защиты благодать!

Ты мировая голубица
Межъ Богомъ сильнымъ и людьми,
Ты чающихъ сердецъ Царица:
Мы чаемъ, Кроткая, вонми! . . . .

Звѣзда отрады и спасенья, —
Здѣсь чудо новое сверши! . . . .
Къ тебѣ стремится въ умиленьи
Мольба отъ искренней души! . . . .

Спаси, отдай намъ радость нашу, . . .
Ея страданья исцѣли! . . . .
Дай полную испить ей чашу
Всѣхъ благъ и радостей земли! . . .

Да много дней она съ Тобою
Живетъ въ приверженныхъ сердцахъ, —
Она, любовію земною,
А Ты, надеждой въ небесахъ! . . . .

Москва, 1834 г.

VIII.

ПѢСНЯ.

Гдѣ жъ ты жизнь? ... Когда настанешь? ...
Торопись! ... смотри, — я жду! ...
Ты сказала мнѣ: «Приду!»
Или ты меня обманешь? ...

Загорится-ль для меня
Счастья жданнаго денница? ...
Или вѣкъ мнѣ небылицей
Будетъ тайна бытія? ...

Оглянусь, — другимъ раздолье!
Всѣ любили, ... всѣ живутъ! ...
Мнѣ-ли только не дадутъ
Въ общемъ счастьи скромной доли? ...

Иль напрасно знать и жить
Удаль юной мощи рвется? ...
Иль напрасно сердце бьется
Или вѣкъ мнѣ не любить? ...

Москва, день моего рожденья,
23-го Декабря, 1834.

IX.

ПРЕЖНЕЙ НАПЕРСНИЦѢ.

Дитя, — вопросами своими,
Молю, мнѣ сердца не пытай! . . .
Боюсь что соблазнившись ими
Проговорюсь я невзначай! . . .

Боюсь что для тебя нарушу
Я тайну грустную свою, —
Какъ въ старину, — больную душу
Передъ тобой въ слезахъ пролью . . . .

Нѣтъ! нѣтъ! я гордаго молчанья
На вѣкъ дала благой обѣтъ. . . .
Не лучше-ль утаить страданья,
Которымъ исцѣленья нѣтъ? . . .

Не лучше-ль смѣло любопытныхъ
И постороннихъ обмануть,
Тоску и боль мученій скрытныхъ
Запрятать въ ноющую грудь? . . .

Не лучше-ли предстать на балѣ
Съ улыбкой, въ полномъ торжествѣ,
Чѣмъ жертвою прослыть печали,
И на зубокъ попасть молвѣ? . . . .

Увидя ранее крушенье
Своей надежды и мечты,
Повѣрь, — умно искать забвенья
Въ чаду и шумѣ суеты! . . .

Для женщины съ душой и сердцемъ
Онъ не опасенъ, свѣтъ большой! . . .
Она-ль откроетъ иновѣрцамъ
Святилище души младой? . . . .

Она-ль найдетъ въ толпѣ холодной
Призыву страстному отвѣтъ?
Или межъ молодежью модной
Для тайныхъ думъ своихъ предметъ? . . .

Межъ старцевъ, въ обществѣ пристойномъ,
Удасться-ль ей хоть помечтать,
И снамъ о счастьи безпокойнымъ
Пытливый умъ свой открывать . . . .

Вѣнокъ душистый, цвѣтъ убора,
О разныхъ вздорахъ болтовня,
Да скучныхъ чичизбеевъ взоры —
Знакъ ихъ нечистаго огня, —

Всё это ей не въ искушенье! . . .
Но вотъ что̀ гибель для нея, —
Въ дому пустомъ уединенье, —
И скука празднаго житья! . . . .

Въ ней чувство будить лишь молитва
Передъ кіотомъ золотымъ, —
Да нескончаемая битва
Съ мечтой и сердцемъ молодымъ. . . .

Да откровенное шептанье
Съ подругой дѣтства, милой ей,
О жизни робкое гаданье,
И память дѣвичьихъ затѣй! . . . .

Такъ дай-же, дай мнѣ позабыться, —
Въ замкнутомъ сердцѣ не читай!
Хочу кружиться, веселиться . . . .
О горѣ мнѣ не вспоминай! . . .

Подъ хитрымъ словомъ у мущины
Мысль часто въ рѣчи не видна:
Чтобъ скрыть нѣмой тоски причины
Улыбка женщинѣ дана! . . . .

Москва, 31-го Декабря, 1834.

X.

ОТЪѢЗЖАЮЩЕЙ РЕДЖИНѢ.*

Прасковьѣ Арсеньевнѣ Бартеневой.

«Deh! .. canta, canta,
Regina mia, tu chi m'incanta!» —
(Conservation que je n'ai pas entendue.)
«C'est une voix que l'on cesse d'entendre
sans l'oublier!»
M-me Desbordes-Valmore.

Волшебные звуки, унылые звуки
Пѣвицы моей,
Уже-ль вы предтечи холодной разлуки,
Разлуки мнѣ съ ней? . . . .
Уже-ль суждено мнѣ восторгомъ минутнымъ
Мой слухъ упоить,
И вскорѣ Реджину съ моленьемъ напутнымъ

*) *Regina*, прозвище данное П. А. Бартеневой ея друзьями, восхищенными ея чуднымъ голосомъ и задушевнымъ пѣньемъ.

Обнятѣ, проводить? . . . .
Уже-ль не услышу я трелей любимыхъ
Души-соловья, —
Ни томной Лучины напѣвовъ родимыхъ,
Плѣнявшихъ меня? . . .
Внимая пѣвицѣ, — уже-ль не приснится
Мнѣ шарфъ голубой? . . .
Подъ ладъ ея пѣсни, — уже-ль не слетится
Душа съ пол-душой? . . .*
Уже-ль не разскажетъ она Дездемоны
Тоску и любовь? . . .
Уже-ль Изабеллы молящіе стоны
Не выплачетъ вновь? . . .
Чарунья-пѣвица! Мнѣ скучно, мнѣ больно
Разстаться съ тобой!
Ловлю твои пѣсни, ловлю ихъ невольно
Съ глубокой тоской . . .
Ужъ нѐкому будетъ въ Москвѣ опустѣвшей
Всемъ сердцемъ внимать . . .
И нѐкому будетъ клавиръ онѣмѣвшій
Для насъ пробуждать! . . .
Но память живая о встрѣчѣ прощальной
Во мнѣ не умретъ,
И часто, и долго, къ ней думы печальной
Помчится полётъ . . .

*) *Una meta dell' anime!* романсъ Ѳ. М. Толстаго; Шарфъ голубой, романсъ Титова; Лучина и соловей, — любимыя мелодіи П. А. Бартеневой, и чудно ею пѣваемыя.

Прости! . . . благодарствуй за годы былые,
За прежніе дни,
За часъ умиленья, за звуки родные,
За пѣсни твои! . . .

Москва, Январь, 1835 г.

XI.

НАДѢВАЯ АЛБАНСКІЙ КОСТЮМЪ.

Нарядъ чужой, нарядъ восточный,
Хоть ты-бы счастье мнѣ принесъ, . . .
Меня отъ стужи полуночной
Подъ солнце юга перенесъ! . . .

Подъ красной фескою Албанки
Когда-бъ забыть могла я вдругъ
Балъ, свѣтскій шумъ, плѣнъ горожанки,
Молву, и тѣсной жизни кругъ! . . .

Когда-бъ хоть на день птичкой вольной,
Свободной дочерью лѣсовъ,
Могла-бы я дышать раздольно
У Іонійскихъ береговъ! . . .

Разбивши цѣпь приличій скучныхъ,
Поправъ у ногъ уставъ людей,
Идти часовъ благополучныхъ
Искать межъ гордыхъ дикарей! . . .

Какъ знать? . . . Далеко за горами
Нашла-бъ я въ хижинѣ простой
Друзей съ горячими сердцами,
Привѣтъ радушный и родной!

Нашла-бы счастія прямаго
Удѣлъ, — не знаемый въ дворцахъ, —
И Паликара молодаго
Со страстью пламенной въ очахъ! . . .

Москва, 6-го Января, 1835 г.

XII.

НЕ ВѢРЮ ВАМЪ! . . . .

—

И потому что мнѣ они сказали:
«Люблю тебя! . .»
И потому что честью увѣряли, —
Не вѣрю я! . . . .
И потому что расточали клятвы
У ногъ моихъ, —
Я говорю: «прочь, сатана! . . . . Назадъ, вы,
Сонмъ духовъ злыхъ! . . . .»

Не вѣрю вамъ! . . . Вы намъ враги издавна! . . .
Насъ искушать,
Насъ обмануть и бросить, вамъ забавно!
Вы расточать
Умѣете хвалу и лесть съ отравой;
Не вѣрю вамъ! . . .
Въ васъ сердца нѣтъ; вы хитры, вы лукавы,
Какъ демонъ самъ! . . .

Вы мстите намъ, съ досадой вспоминая
Что въ старину
Натъ общій дѣдъ, Адамъ, лишился рая
Черезъ жену,

Что первый мужъ былъ первою женою
Введенъ во грѣхъ . . . .
И любите вы страстною враждою
Съ тѣхъ поръ насъ всѣхъ! . . .

Съ тѣхъ поръ, война зажглася роковая
Межъ насъ и васъ;
И сладко вамъ сгубить, её лаская,
Одну изъ насъ . . . .
Для васъ, мущинъ, отраденъ видъ, страданья,
Слёзъ женскихъ видъ;
Вамъ наша честь нужна на поруганье, —
Вамъ милъ нашъ стыдъ! . . .

Я знаю васъ, — достаться вамъ въ игрушки
Я не боюсь! . . .
Напрасный трудъ, — въ коварныя ловушки
Не попадусь! . . .
И чистаго вамъ сердца для забавы
Я не отдамъ! . . .
Такъ полноте же и льстить и лгать . . . нѣтъ, право,
Не вѣрю вамъ! . . .

Москва, Январь, 1835 г.

XIII.

ПОКУДА . . . . . .

—

Всё прошло, — душа здорова!
Снова жизнью молодой
Сердце бьется, — и готово, —
Позабывъ недугъ свой, — снова
Смѣло выступить на бой! . . .

Нѣтъ! не страшно искушенье
Если видимъ въ немъ обманъ! . . .
Отъ слѣпаго увлеченья,
Отъ напраснаго волненья
Гордость женскій талисманъ! . . .

Не хочу я чтобъ смѣялись
Надъ моею простотой, . . .
Чтобъ надменно похвалялись
Тѣмъ, что въ сердце мнѣ закрались;
Овладѣвъ моей душой! . . .

Нѣтъ! душа моя свободно
Птичкой Божьею паритъ, —
Міръ суетъ презрѣвъ холодный,
Всё мечтою благородной
Въ небо горнихъ думъ летитъ . . .

Нѣтъ! её мнѣ не сковали,
Цѣпь ей не связала крылъ! . . .
И когда подъ-часъ печали
Сердце бѣдное терзали,
Чтобъ забыть, въ немъ много силъ! . . .

Поразсѣется, забудетъ, . . .
Разцвѣтетъ надеждой вновь, . . .
И дремать спокойно будетъ,
До тѣхъ поръ, пока разбудитъ
Жизнь въ немъ чистая любовь! . . .

Москва, Январь, 1835 г.

XIV.

НА ПРОЩАНЬЕ . . .

«As we two parted. . . . .»
Byron.

Вотъ видишь, мой другъ, — не напрасно
Предчувствіямъ вѣрила я:
Не даромъ такъ грустно, такъ страстно
Душа тосковала моя! . . .

Пришелъ онъ, день скучной разлуки . . .
Обоихъ въ расплохъ насъ засталъ,
Другъ другу холодныя руки
Пожать намъ, прощаясь, не далъ . . .

Нѣмыя души сожалѣнья
Глубоко въ груди затая,
О скоромъ твоемъ удаленьи
Извѣстье прослушала я . . .

И не было даже слезинки
Въ моихъ опущённыхъ глазахъ . . .
Я рѣчь завела безъ запинки
О балахъ, . . . о всѣхъ пустякахъ . . .

А люди смотрѣли лукаво,
  Качали, смѣясь, головой;
Завистливой, тайной отравы
  Былъ полонъ ихъ умыселъ злой.

Пускай они радятъ и судятъ
  Хотятъ насъ съ тобой разгадать!
Не бойся! . . . Меня не принудятъ
  Имъ сердце мое покасать! . . .

Я знаю, — они ужъ рѣшили
  Въ премудромъ сужденья своемъ
Что слишкомъ мы пылко любили,
  И часто видались вдвоёмъ . . .

Я знаю, — они не повѣрятъ
  Сближенью двухъ чистыхъ сердецъ! . . .
Вѣдь сами-жъ они лицемѣрятъ, —
  Имъ въ страсти одинъ лишь конецъ. . .

И вотъ почему ихъ насмѣшка
  Позоритъ чужую любовь! . . .
Зачѣмъ предъ ихъ грубой усмѣшкой
  Въ лице мнѣ бросается кровь! . . .

А мы-то, — мы помнимъ, мы знаемъ
  Какъ чистъ былъ союзъ нашъ святой! . . .
А мы о быломъ вспоминаемъ
  Безъ страха, — съ спокойной душой . .

Межъ нами такъ много созвучій!
  Сочувствій насъ цѣпь обвила,
И та-же мечта насъ въ міръ лучшій,
  Въ міръ грёзъ и чудесъ унесла.

  Въ поэзіи, въ музыкѣ, оба
  Мы ищемъ отрады живой,
Душой близнецы мы . . . Ахъ! что̀-бы
  Намъ встрѣтиться раньше съ тобой? . . .

Но нѣтъ! никогда здѣсь на свѣтѣ
  Попарно сердцамъ не сойтись! . . .
Безумцы съ тобой мы, . . . мы дѣти!
  Что дружбой своей увлеклись! . . .

Прощай! . . . Роковая разлука
  Настала . . О сердце мое! . . .
Поплатимся долгою мукой
  За краткое счастье свое! . . .

Москва, Январь, 1835.

XV.

ЧЕРНАЯ НЕМОЧЬ.

«Mich friert es hier! . . . .»
Mignon.

Снѣгъ, вьюга и морозъ . . . ночь страшно холодна . . .
Дрожу! . . Мой край родной, — зимы и бурь страна,
Мой бѣдный край родной, зачѣмъ власть мірозданья
Въ день гнѣва своего тебя произвела, —
И свѣту даруя свои благодѣянья
Лишь одного тебя забыла, обошла? . .
Зачѣмъ такъ холодно на сѣверѣ туманномъ? . .
Зачѣмъ свѣтило дня не хочетъ насъ согрѣть,
Спѣша съ любовію къ странамъ своимъ избраннымъ, —
Странамъ, гдѣ сладко жить, гдѣ грустно умереть? . . .
О солнце пышное, — скажи, какимъ завѣтомъ
Возбранено тебѣ насъ благотворнымъ свѣтомъ
Лучей спасительныхъ роскошно надѣлить,

И насъ изъ хладныхъ рукъ Борея искупить?...
Зачѣмъ позволено крещенскому морозу
И степи и умы сковать трескучимъ льдомъ, —
И съ русскимъ именемъ и съ русскимъ бытіемъ
Сростись на вѣкъ вѣковъ, другимъ краямъ въ угрозу? ...
Зачѣмъ онъ къ намъ примёрзъ, какъ роковой упрёкъ? ...
Чѣмъ виноваты мы, что намъ враждебный рокъ
Велѣлъ пол-года жить, и замирать пол-года,
И свѣта Божьяго почти-что не видать,
И мыслью и душой болѣзненно дремать,
Дрожа отъ холода, томясь отъ непогоды? ....

А я, рожденная для солнца и весны, —
Перенесенная изъ южной стороны
Ошибкою судьбы на стужу полупочи, —
Монгольскихъ хановъ дочь на берегахъ Москвы,—
Я вяну, я скорблю, — и всё мнѣ снитесь вы,
Полудня жаркаго плѣнительныя ночи .....
И всё въ умѣ моемъ и всё вы моихъ мечтахъ
Тотъ теплый небосклонъ, тотъ небосклонъ чудесный,
Лазурью блещущій въ счастливѣйшихъ странахъ, --
Который такъ давно красою неизвѣстной
Манитъ меня туда, . . . далеко, . . . на востокъ, —
Или въ Италію! . . . Я вижу въ сновидѣньи,
Ночь, море, дивный край... И берегъ не далёкъ, —

И вѣетъ уже мнѣ душистый вѣтерокъ
Отъ померанцовыхъ лѣсовъ, ... и въ упоеньи
На небо звѣздное гляжу, — и предо мной
Оно сливается съ серебряной волной, —
Бѣгущей вдоль сплошной рѣзныхъ дворцевъ Фасады . . .
Подъ окнами палатъ, у мраморныхъ колоннъ, ...
Вотъ дверь стрѣльчатая, . . . рѣшетчатый балконъ, —
Оттуда пѣснь звучитъ . . . О Боже! серенада! . . .
Нѣтъ! только бредъ души, — больнаго сердца сонъ! . . .
Я дома, — и твержу съ тоскою и моленьемъ:
«Ахъ! дайте, дайте мнѣ желанье утолить,
«Восторга жизнію невѣдомой пожить! . . .
«Ахъ! дайте подышать свободнымъ вдохновеньемъ,
«И душу зрѣлищемъ чудеснымъ упоить! . . .»
Здѣсь взоръ мой ослѣпленъ снѣговъ безцвѣтной тканью;
Здѣсь страждущую грудь сжимаетъ бури вой;
Морозъ схватилъ меня, и давитъ льдистой дланью,
И были страшныя въ часъ полночи глухой
Мнѣ свищетъ буйный вихрь, старинный недругъ мой . . .
Здѣсь слабый мой талантъ замретъ, зимой сраженный,
Не разгуляться здѣсь окованнымъ мечтамъ!
Здѣсь въ суетномъ быту уснувъ душой стѣсненной
Безсмертью имени и пѣсней не предамъ! . . .

Обѣтованная! . . . Отчизна Алигьери, . . .
Отчизна Тассова! . . . о край желанный мой!
Къ тебѣ мои мечты, — какъ думы страстной
Пери
Къ эдему тайному, — летятъ, бѣгутъ волной, —
Волной кипучею неукротимой лавы! . . .
Когда жъ, передъ тобой колѣна преклоня,
Устами жадными тебя, праматерь славы,
Въ безумной радости облобызаю я? . . .
А ты, — нашъ рѣдкій гость, намъ гость лишь
по ошибкѣ, —
А ты, родныхъ небесъ мгновенная улыбка, —
Весна желанная, пора! приди скорѣй!
Недугъ томитъ меня . . . отвѣй его, отвѣй
Отъ головы больной! . . . И робко оживая
Съ былинкой полевой подъ милымъ солнцемъ
Мая,
Благословлю тебя въ часъ благости твоей!
И средь родныхъ степей, въ надеждѣ исцѣленья,
Еще дней нѣсколько спокойно проведу, —
А тамъ, какъ ласточка умчусь я, — и пойду
Искать весны другой и думамъ исполненья! . . . .

Село Анна, Мартъ, 1835 г.

XVI.

НАИГРЫВАЯ ЛЮБИМЫЙ ВАЛЬСЪ.

Молчите звуки! . . не томите
Души тоскующей моей! . . .
О счастьи незабвенныхъ дней,
О прошломъ съ ней не говорите! . . .
Вы эхо счастья, — . . замолчите! . . .
Забыться дайте мнѣ скорѣй! . . .

Въ глуши, въ нѣмомъ уединеньи,
О шумѣ жизни вспоминать,
Напрасно грезить и желать, —
То не отрада, — а мученье! . . .
Опасно думать въ заточеньи,
И страшно въ грустный день мечтать! . . .

О томъ, что̀ дорого и мило,
Что̀ сердце жжетъ, волнуетъ кровь,
Знакомыхъ звуковъ прелесть вновь
Такъ сладко мнѣ заговорила! . . .
Молчи! . . . боюсь твоей я силы, —
О музыка, души любовь! . . . .

Село Анна, Мартъ, 1835 г.

XVII.

КТО ПОЭТЪ.

Sein Auge weilt auf dieser Erde kaum,
Sein Ohr vernimmt den Einklang der Natur,
Und sein Gefühl belebt das Unbelebte.
Goethe, Torquato Tasso.

Не тотъ Поэтъ, кто въ очеркѣ обычномъ,
Кто въ обществѣ людей спокойно взросъ;
Кто вскормленъ былъ разсѣяньемъ столичнымъ,
Кто крестъ тоски на раменахъ не нёсъ! . . .

Не тотъ Поэтъ, кто роскошью и счастьемъ
Взлелѣянъ былъ отъ колыбельныхъ дней, —
Кто не знавалъ бушующихъ страстей
Съ ихъ промежуточнымъ безстрастьемъ! . . .
Кто съ бальнаго паркета не сходилъ. —
Кого любовь въ гостинныхъ отыскала,
Кто суетой жену суетъ плѣнилъ;
Кто въ области святаго идеала
Страданьями гражданства не купилъ! . . .

Не тотъ Поэтъ, кто слова правды рѣзкой,
Кто мощный стихъ отвагой молодецкой,
Безстрашіемъ своимъ не заклеймилъ! . . .
Кто истины не высказалъ предъ свѣтомъ,
Чей слабый духъ пороку былъ клевретомъ,
Кто потакалъ грѣху, и сильнымъ льстилъ! . . .
Не тотъ Поэтъ, кто съ странничьей клюкою
Изгнанья путь терновый не прошелъ;
Кто, прислонясь о камень головою,
Ночь бурную въ чужбинѣ не провелъ! . . .
Не тотъ Поэтъ, кто съ смертью не братался,
Кто звукъ меча, свистъ пули не слыхалъ! . .
Кто синевой небесъ не восхищался,
Кто глубь морей мечтой не пожиралъ! . . .

Поэтъ прямой, кто съ раннихъ лѣтъ обжился
Съ грозой небесъ и бурею души! . . .
Кто чистому кумиру поклонился,
Но одинокъ, въ убійственной глуши,
Младые дни свои сглубилъ въ тиши . . . .
Кто выгорѣлъ возвышенной любовью,
Кто выплакалъ свой вдохновенный стихъ;
Кто призывалъ къ ночному изголовью
Рой свѣтлыхъ сновъ и чувствъ неподкупныхъ;
Кто былъ не скупъ младой и жаркой кровью
За край родной и за друзей своихъ! . . .
Поэтъ прямой, кто съ дѣтской простотою
Взмужалость думъ и мыслей сочеталъ,
Кто понялъ свѣтъ догадливой мечтою, —
Кто сердце прочь отъ свѣта оторвалъ, —

И отъ него, какъ отъ змѣи, бѣжалъ! . . .
Кто глухъ и слѣпъ для дольныхъ искуше-
ній,
Ни почестьми, ни златомъ не прельщенъ;
Кто въ пламени житейскихъ треволненій,
Какъ штыкъ стальной, на вѣки закаленъ! . . .

Поэтъ прямой, кто вышнему избранью
Не измѣнилъ, — въ борьбѣ съ судьбой не
палъ;
Кто обреченъ душевному изгнанью, —
Кто каждый день терялъ по упованью, —
Кто каждый шагъ утратой измѣрялъ! . . .

Пусть онъ поётъ! Пусть вѣщими струнами
Разскажетъ быль души своей живой! . . .
Пусть для толпы онъ облечетъ словами
Нетлѣнныхъ думъ, видѣній міръ святой! . . .
Пусть какъ пророкъ, торжественно-грозящій
Онъ вопіетъ на нашъ преступный свѣтъ,
Пусть возстаетъ онъ пѣснію гремящей
На чадъ земли и на рабовъ суетъ! . . .

Ему, ему наградой многоцѣнной
Пусть загоритъ восторгъ въ сердцахъ мла-
дыхъ! . . .
Пусть заблеститъ слеза въ глазахъ живыхъ! . . .
И пусть въ отвѣтъ онъ встретитъ, вдохновен-
ный,
Сочувственной души созвучный стихъ! . . .

Его поймутъ, его оцѣнятъ въ свѣтѣ
Немногіе, — по вправду, всей душой;
И онъ найдетъ въ ихъ взорѣ и привѣтѣ
Святаго братства жаръ святой! . . . .

Село Анна, Апрѣль, 1835.

XVIII.

ТРИ ПОРЫ ЖИЗНИ.

«Il ne s'agit pas d'occuper son coeur, mais de parvenir à le distraire. . . .»
Obermann, par de Sénancour.

Была пора: во мнѣ тревожное волненье, —
Какъ передъ пламенемъ въ волканѣ гулъ глухой,
Кипѣло день и ночь; я вся была стремленье, . . .
Я вторила судьбѣ улыбкой и слезой.
Удѣлъ таинственный мнѣ что-то предвѣщало;
Какъ жрица Бога ждетъ, — я будущность ждала, —
Я волю замысламъ, просторъ мечтамъ звала . . .
Я всё высокое душою понимала,
Всему прекрасному платила дань любви, —
Жила я сердцемъ въ оны-дни! . . .

Потомъ была пора, — и свѣта блескъ лукавый
Своею мишурой мой взоръ околдовалъ:
Балъ, — искуситель нашъ, — чарующей отравой
Прельстилъ меня, . . . завлекъ, . . . весь умъ мой обаялъ . . .

Пиры и праздники, алмазы и наряды,
Головокружный вальсъ вполнѣ владѣли мной;
Я упивалася роскошной суетой;
Я вдохновенья лучь тушила безъ пощады
Для свѣта бальныхъ свѣчь, . . . я женщиной
была, —
Тщеславьемъ женскимъ я жила! . . .

Но третія пора теперь мнѣ наступила, —
Но демонъ суеты изъ сердца изженёнъ,
Но свѣтлая мечта Поэзіи смѣнила
Тщеславья гордаго опасно-сладкій сонъ . . .
Воскресло, ожило святое вдохновенье! . . .
Дышу свободнѣе; думъ царственный полётъ
Витаетъ въ небесахъ, — и Божій міръ беретъ
Себѣ въ минутное, но полное владѣнье;
Не сердцемъ, — головой, не въ грёзахъ, —
на яву,
Я мыслію теперь живу! . . . .

Село Анна, Апрѣль, 1835.

XIX.

НА ПАМЯТНИКЪ, СООРУЖАЕМЫЙ СУСАНИНУ.

«Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.»
И. Дмитріевъ.

Тебѣ-ль чугунъ, тебѣ-ли мраморъ ставить,
Сусанинъ, доблестный и вѣрный гражданинъ,
Святой Руси достойный сынъ? . . . .
Тебя-ли можемъ мы чрезъ памятникъ прославить? —
Увѣковѣчимъ ли тебя въ странѣ твоей
Дѣяньемъ рукъ и грудами камней? . . .
Чугунъ растопится, . . . полудня мраморъ бѣлый
Раздробятъ долгіе морозы Русскихъ зимъ . . .
Есть памятникъ иной: онъ твердъ, несокрушимъ,
Онъ силенъ и великъ, какъ ты, Сусанинъ смѣлый!
Сей вѣчный памятникъ давно сооружёнъ
Тебѣ въ сердцахъ признательныхъ потомковъ:
Во дни крамолъ и смутъ, изъ пепла, изъ обломковъ,

Съ Россіей новою возсталъ какъ Фениксъ онъ, —
И съ нею всё ростётъ, могучій и спокойный.
Да! . . . благоденствіе и слава Россіянъ,
Да! . . . громкія хвалы позднѣйшихъ согражданъ,
Вотъ памятникъ, Сусанина достойный! . . .

Село Анна, Сентябрь, 1835 г.

XX.

ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ.

«J'avais pourtant quelque chose là» — dit-il
en se frappant le front . . .
Mort d'André Chénier.

Не дамъ тебѣ увянуть одинокимъ, —
Послѣдній цвѣтъ облистанныхъ полей!
Не пропадетъ въ безмѣрности степей
Твой ароматъ; тебя крыломъ жестокимъ
Не унесетъ холодный вихръ ночей!

Я напою съ заботливымъ стараньемъ
Тебя, мой гость, студёною водой;
Я нагляжусь, нарадуюсь съ тобой,
Ты отцвѣтешь, — и съ нѣжнымъ состраданьемъ
Вложу тебя въ молитвенникъ святой.

Чрезъ много лѣтъ, въ часъ тихаго мечтанья,
Я книги той переберу листы;
Засохшій мнѣ тогда предстанешь ты . . . .
Но оживешь въ моемъ воспоминаньи,
Какъ прежде, полнъ душистой красоты.

А я, цвѣтокъ, въ безвѣстности пустыни
Увяну я, . . . и мысли тщетный даръ,
И смѣлый духъ и вдохновенья жаръ,
Кто ихъ пойметъ? . . . Въ поэтѣ, лучь святыни
Кто разгдядитъ сквозь думъ неясныхъ паръ! . . .

Поэзія, — она благоуханье
И ѳиміамъ восторженной души . . . .
Но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши, —
Но не дано на языкѣ изгнанья
Ей высказать всѣ таинства свои! . . .

И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
Не имутъ словъ, глагола не найдутъ,
И на душу обратно западутъ . . .
И больно мнѣ что въ проблескахъ напрасныхъ
Порывы ихъ навѣкъ со мной умрутъ! . . .

Мнѣ суждено, подъ схимою молчанья
Святой мечты всё лучшее стаить, . . .
Знать свѣтъ въ душѣ, . . . и мракъ въ очахъ носить! . . .
Цвѣтокъ полей, забытый безъ вниманья,
Себя съ тобой могу-ли не сравнить? . . . .

Село Анна, Октябрь, 1835 г.

XXI.

СОНЕТЪ.

Là haut est un nid pour nos ailes,
Une terre, un lieu de repos.
Lamartine.

Когда непогода въ лѣсу забушуетъ
И ветеръ ломаетъ вершины дубовъ,
Зачѣмъ голубица такъ жалко воркуетъ,
Зачѣмъ притаилась подъ лиственный кровъ? . . .

Борьба противъ бури её утомила,
И бѣлыя перья измяты грозой;
Головушку томно крыломъ пріютила
Она, — и вкушаетъ желанный покой.

Когда въ шумѣ свѣта, въ его треволненьи,
Гонясь за весельемъ, прося наслажденій,
Умается сердце, душа упадетъ:

Тогда въ думѣ чистой пріюта ищу я, —
Тогда я мечтаю, — и, душу врачуя,
Поэзія крылья и мощь ей даетъ! . . .

Село Анна, Октябрь 1835.

XXII.

СОНЕТЪ.

The languor of a soul too richly blest. . . .
Thomas Moore.

Бываютъ дни, — я чую: вдохновенье
Вокругъ меня витаетъ и горитъ,
То пѣснію сердечной прозвучитъ,
То проскользнетъ, какъ райское видѣнье.

Въ тѣ дни, — гляжу, — и солнце ярче блещетъ,
Прислушаюсь, — и въ воздухѣ журчитъ;
Мой шагъ смѣлѣй, и выше взоръ паритъ;
На всё, на всѣхъ пріязнью сердце мещетъ.

Въ тѣ дни, мечты и горды и прекрасны;
Что мысль, то стихъ; въ душѣ свѣтло и ясно,
И жизнь моя поэзіей тепла.

И, въ немощи обрѣсть имъ выраженья,
Я пламенемъ одѣла-бъ вдохновенья,
Въ гармонію мечты-бы облекла!

Село Анна, Ноябрь 1835.

XXIII.

НЕЖИВШАЯ ДУША.

Фантастическая Ораторія.

Хоръ нежившихъ душъ.

Пойте Іегову!
Пойте, хвалите,
Славьте, любите
Благость Его!

Чистымъ воззваньемъ,
Теплой молитвой,
Гласомъ любови
Будьте Ему! . . .

Присно и вѣчно
Богу служите
Всепоклоненьемъ
Воли Его!

Въ высяхъ эѳирныхъ
Въ мірѣ надзвѣздномъ
Въ царствѣ безмѣрномъ
Слава Ему!

Намъ, недосозданнымъ,
Намъ, неиспытаннымъ,
Въ мірѣ другаго
Нѣтъ назначенія,
Нѣтъ намъ посланія,
Цѣли иной!

Пойте Іегову!
Пойте, хвалите,
Славьте, любите
Благость Его! . . .

Ангелъ Новорожденныхъ.

Гласъ Божій рѣкъ, насталъ урочный часъ:
Въ дому земныхъ сыновъ быть нынѣ ликованью
И вельей радости, зане еще созданью,
Младенцу внити въ жизнь! . . . . Рой юныхъ
душъ, — изъ васъ
Одной велятъ необновленной силой
Одушевить родившуюся тварь,
Да въ славу Господа купелью и могилой
Искупится она! . . . Да Вседержитель-Царь
Воспріиметъ отъ нея дань праведныхъ дѣяній,

Ея прославится хвалой!
Да выгоритъ она страданьемъ и мольбой! . . . .
Кого жъ изъ васъ въ обитель испытаній
Я провожу съ прощальною слезой?

Одна изъ неживших душъ.

Готова я! . . . Меня, . . меня, о Ангелъ Божій,
Изми изъ сонма ихъ! . . . Мнѣ дольнее житье! . . .
Овещести меня! . . . Младенца видъ пригожій
Наброс на бытіе незримое мое! . . .
Дай на землѣ узнать, что̀ временемъ зовется,
Что̀ очеркъ мѣста есть! . . . Дай образъ мнѣ и ликъ,
Многообѣтный взоръ, чарующій языкъ, . . .
Дай мнѣ улыбки власть, . . . и пусть во мнѣ забьется
И жизнь и сердце! . . .

Хоръ неживших душъ.

Что̀ ты просишь? . . . что̀ желаешь? . . .
Безпокойная, постой! . . .
Ты удѣлъ знакомый свой
На сокрытое мѣняешь! . . .
Иль не любо намъ играть
Въ небѣ съ радугой цвѣтистой,
На лучахъ зари огнистой
Въ предразсвѣтный часъ летать? . . .

Жемчугъ утреннихъ росинокъ,
Дождевой слезы алмазъ, —
Всё утѣхою для насъ,
Быстроногихъ невидимокъ! . . .
Намъ доступны, намъ даны
Солнце дня и звѣзды ночи,
Зной полудня, хладъ полночи,
И морскія глубины.
Въ отчемъ царствѣ вездѣсущемъ
Намъ преградъ, ни тайны нѣтъ!
Всё познавшимъ, всё имущимъ
Что̀ онъ скажетъ, смертныхъ свѣтъ? . . .
Слѣпоту слѣпцовъ юдольныхъ
Немощь ихъ ты-ль изберешь?
Ты-ль свободѣ крыльевъ вольныхъ
Плѣнъ и цѣпи предпочтешь? . . .

Душа.

Всё знаю я! . . . Но чувствовать когда же? . . .
Когда же жить сердечной полнотой? . . .
Да! грѣхъ роптать, — мы участью благой
Надѣлены; но вѣдь она всё-таже . . . .
Всегда, вездѣ, всё таже и одна! . . .
Вѣка бѣгутъ, ... земля кипитъ, бушуетъ, —
А насъ никто, ничто не возволнуетъ, —
А намъ удѣлъ — безстрастье, тишина! . . .
Роскошенъ онъ, блескъ радуги небесной, —
Но на землѣ есть жаръ младыхъ ланитъ . . .

Сіяетъ здѣсь денницы лучь учдесный, —
Тамъ есть глаза . . . . въ нихъ лучь любви горитъ, . . .
Тамъ есть любовь! . . . тамъ страсть и жизнь кипитъ! . . .

Хоръ отжившихъ Грѣшницъ.

Не вѣрь глазамъ! . . . Они чаруютъ, —
Но въ чарахъ ихъ обманъ и грѣхъ;
Ихъ соблазнительный успѣхъ
Стыдъ, скорбь и слёзы знаменуютъ.
Не вѣрь любви! . . . Ея пора
Минуетъ скоро, безвозвратно! . . .
Любовь то завтра, то вчера,
Живетъ надеждой и утратой:
Но настоящаго въ ней нѣтъ;
Но снамъ ея нѣтъ исполненья! . . .
Борьба страстей, страстей волненья,
Дремота скуки, море бѣдъ, —
Вотъ жизнь, — предметъ твоихъ желаній,
Вотъ жребій странниковъ земныхъ! . . .
Страшись, страшись ихъ испытаній, —
Не призывай удѣла ихъ!

Душа.

Пусть на землѣ ждетъ искушенье,
Пусть губитъ жизнь гроза страстей:

Гдѣ есть борьба, тамъ одолѣнье!
Гдѣ споръ, — тамъ мощное смѣлѣй! . .
Полна отваги и гордыни,
Несчастью вызовъ брошу я, —
И чашу жизненной полыни
Пусть рокъ готовитъ для меня! . . .
Поднявъ главу, съ веселымъ взглядомъ
Я встрѣчу жребій роковой!
Я перевѣдаюсь съ судьбой, —
Враждѣ воздамъ несмѣннымъ хладомъ,
Главу змѣи сотру стопой! . . .
Узнаю жизни искушенье, —
Надежду, счастье и любовь, . . .
Пусть всѣ безумныя волненья,
Пусть всѣ земныя упоенья
Мнѣ сердце жгутъ, тревожатъ кровь! . . .
Пусть долгимъ поплачусь страданьемъ
За сладкій мигъ, за ясный день!
Я совладаю съ испытаньемъ, —
Но жить хочу! . . . Не такъ какъ тѣнь,
Какъ духъ, какъ призракъ безтѣлесный, —
Нѣтъ! полной жизнію земной,
Кипучей, страстной и чудесной! . .
Затмится-ль вѣкъ мой молодой
Подъ преждевременной грозой,
Какъ всѣ страдальцы вдохновенья
Себя я міру воспою, —
Увѣковѣчатъ пѣснопѣнья
Мечты, и скорбь и жизнь мою! . . .

Хоръ отжившихъ Поэтовъ.

На жаркое солнце смотрѣть зоркимъ окомъ
Не пташкѣ надкровной, — орлу суждено:
Въ призваньѣ поэта, въ удѣлѣ высокомъ
Душѣ неизбранной горѣть не дано. —
Спроси, какъ боролись, — спроси, какъ страдали
Камоэнсъ, и Данте, и Тассъ, и Мильтонъ! . . .
Спроси, какъ обидой и ядомъ печали
Байронову славу затмилъ Альбіонъ! . . .
Издавна даръ пѣсни ярмомъ тяготѣетъ,
Даръ мысли въ борьбѣ и въ гоненіи зрѣетъ, —
И преданъ проклатью избранникъ-пѣвецъ;
Пусть міръ рукоплещетъ, гремя похвалою, —
Пусть слава сіяетъ надъ гордой главою,
Подъ этимъ сіяньемъ терновый вѣнецъ! . . .

Душа.

Напрасно всё! . . . рѣшимость крѣпкой воли
Вамъ всѣмъ не испугать! . . .
Могу, хочу грозамъ земной юдоли
Одна противостать! . . .

Пусть мой удѣлъ все сердца упованье
Зрѣть въ пеплѣ и золѣ;
Пусть генія терновое посланье
На кару дастся мнѣ:

Не убоясь, подъ ношею своею
Чрезъ жизнь пройду! . . .
И духомъ я въ скорбяхъ не оскудѣю,
Не упаду! . . .

Свершу мой путь; въ горнилѣ испытанья
Очищусь, обновлюсь . . . .
И въ небеса, наживъ воспоминанья,
На вѣчность возвращусь! . . . .

Ангелъ Новорожденныхъ.

Ступай, тревожная, ... удѣлъ свой соверши! . . . .

Хоръ отжившихъ Грѣшницъ.

Намъ страшно за нее! . . . жаль молодой души! . . .

Хоръ отжившихъ Поэтовъ.

Ступай!! . . . Ознакомься съ судьбою земною, —
Люби и страдай, и тоскуй, и борись, —
И выплачься пѣснью, слезами молись, —
И въ сонмъ нашъ вернися, и будь намъ сестрою! . . .

Хоръ неживших душъ.

Слава, хвала, поклоненье
Вышнему въ горнихъ странахъ! . . .

Души огня и томленья,
Души слѣпаго стремленья,
Буди вамъ въ помощь терпѣнье
У земнородныхъ въ гостяхъ! . . .
Жизнь на землѣ скоротечна,
Не загоститесь-же тамъ! . . .
Только у насъ, въ жизни вѣчной,
Миръ и покой дастся вамъ! . . . .

Село Анна, Декабрь, 1835 г.

XXIV.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

My heart took the hue of the hour.
Thomas Moore.

Когда, порой зимы, такъ рано вечерѣетъ,
И солнце безъ лучей на западѣ тускнѣетъ,
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ грустно мнѣ?
Когда природы день такъ молодъ умираетъ,
И день подложный нашъ его переживаетъ,
Зачѣмъ печаль встаетъ въ душѣ?

Смотрю, какъ стелются туманы черной мглою,
Внимаю птицъ ночныхъ пронзительному вою, —
И, мысли грёзой замѣня,
Видѣнья мрачныя, тоскующія думы,
Тревожатъ мой покой бесѣдою угрюмой
Уныньемъ вѣютъ на меня.

Зачѣмъ? . . Какая связь межъ сердцемъ безпокойнымъ,
Кипящемъ жизнію, и этимъ дивно стройнымъ,
Но хладнымъ, мертвымъ естествомъ? . . .

Зачѣмъ мечты мои цвѣтъ неба отражаютъ?
Зачѣмъ сочувствія міръ видимый сдружаютъ?
Съ неосязаемымъ умомъ? . . .

Иль перстъ зиждительный всему даетъ значенье? . .
Иль всё окрестное есть притча и сравненье
Прообразъ нашего житья?
Иль это таинство созвучій сокровенныхъ
Въ мигъ посвященія, въ часъ сумеркъ вдохновенныхъ
Чутьемъ души постигла я? . . .

И, можетъ быть, затѣмъ такъ сердце пріуныло,
Что есть и у него закатное свѣтило
И безотрадная зима . . .
Что полдень радости и утро унованья
Не долго намъ блестятъ, . . . что всякое сіянье
Невѣрно, — какъ мечта сама?

Не разъ младую жизнь страданья облекали
Могильнымъ саваномъ; нерѣдко ночь печали
Смѣняетъ счастья красный день . . .
И жертвы тайныя скорбей неизлѣчимыхъ
Живутъ, живутъ свой вѣкъ, . . но въ ихъ сердцахъ томимыхъ
Всё холодъ, пустота и тѣнь . . . .

Когда, порой зимы, такъ рано вечерѣетъ,
И солнце безъ лучей на западѣ тускнѣетъ,
Мнѣ жаль, мнѣ жаль младаго дня. . . .
Когда съ отцвѣтшею душою я встрѣчаюсь,
Я за неё грущу, участьемъ съ ней сливаюсь, —
Мнѣ страшно, ... страшно за себя! . . .

Село Анна, Январь, 1836 г.

XXV.

МЕСТЬ.

Female voice sings.
«By thy cold breast, and serpent smile,
«By thy unfathom'd gulfs of guile,
«By that most seeming sincere eye.
«By thy shut soul's hypocrisy, . .
«I call upon thee! . . and compel
«Thyself to be thy proper hell! . .»
Manfred.

Есть злая страсть, . . . есть чувство проклятое, . . .
Всё земнородное имъ страждетъ и болитъ;
Имъ сердце у людей трепещетъ ретивое, —
Имъ безсловесныхъ кровь губительно кипитъ.
Недугъ, — ему во исцѣленье
Чужая скорбь и тоски слезъ чужихъ;
Гладъ ненасытимый, въ терсаньи жертвъ своихъ,
Въ предсмертной мукѣ ихъ онъ ищетъ утолѣнья . . .
Отъ падшихъ Ангеловъ та страсть наслѣдство есть, . .
Та страсть, — ей имя Месть! . .

* * *

Месть чуетъ змѣй, какъ ненарокомъ
Наступитъ путникъ на него, —
И смерть изъ жала своего
Вонзитъ безпечному упрёкомъ
Въ пыли ползущій врагъ его. —

Въ груди мохнатой львицы смѣлой
Бушуетъ месть, — и передъ ней
Дрожутъ пришлецъ оторопѣлый,
Тропой забредшій опустѣлой
Къ убѣжищу ея дѣтей.

У львицы когти, когти злые,
У львицы зубъ, какъ мечь стальной, —
И вотъ, остыли подъ травой
Густой крови слѣды живые . . .
Пришлецъ погибъ въ глуши лѣсной.

Когда полуденною местью
Дитя Италіи горитъ,
Онъ весь вражда. . . . онъ дорожитъ
Своей враждой, . . . душой и честью
Онъ съ нею связанъ, съ нею слитъ.

Кинжалъ въ рукѣ его сверкаетъ,
Кинжаломъ бредитъ онъ во снѣ, . . .
Онъ въ вражью грудь ударъ во тьмѣ
Одинъ, — но мѣткій, — направляетъ, —
Живущимъ меньше на землѣ! . . .

Сыну набѣговъ и хищеній,
Черкесу, месть ужъ врождена;
Ему Коранскихъ повелѣній,
Ему Эдемскихъ упоеній
Милѣй, заманчивѣй она. —

Коня, красавицу и злато
На шашку промѣняетъ онъ:
Нещадный гнѣвъ ему вожатый, —
Ему сопутникъ звукъ булата, —
Онъ дѣлу крови обречёнъ! . . .

Въ ущельяхъ горъ, въ степи безбрежной,
Скитаясь тѣнью день и ночь,
Изсохнетъ въ злобѣ онъ мятежной,
Пока врагу булатъ надежный
Съ плечь головы не сброситъ прочь! . .

* * *

Всё мститъ! . . . Но женщинѣ безгласной, безоружной,
Чѣмъ ей воздать обидамъ клеветы? . . .
Что̀ дѣлать женщинѣ, когда, кумиръ ненужный, —
Развѣнчанный кумиръ забывчивой мечты, —
Она съ подножія мгновенныхъ поклоненій
Измѣной свержена? . . . Когда, безъ сожалѣній,
Слѣпой досадою ничтожной суеты

Она вдругъ брошена на судъ хмѣльныхъ суждений,
На смѣхъ язвительный бездушной остроты? . . .
Что̀ можетъ женщина, когда изъ устъ порока
Хула нечистая ей издали шипитъ? . . .
Неправду дерзкую она-ли обличитъ? . . .
Она-ль унизится до пошлаго упрёка? . . .
Нѣтъ! совѣсть за неё! Она вездѣ, всегда,
Вѣрна самой себѣ, спокойна и горда! . . .
Пусть на злорѣчіе въ ней сердце негодуетъ, —
Пусть душу ей измѣна омрачитъ:
Духъ милости ей сердце уврачуетъ, —
Духъ мудрости ей душу освѣжитъ! . . .
Она презрѣньемъ наказуетъ, —
Она забвеніемъ караетъ и казнитъ.

Село Анна, Августъ, 1836 г.

XXVI.

БАЮ-БАЮ.

Awey, awey, my early dreams! . . .
Byron.

Баю-баю, о сердце молодое! . . .
Дремотою безчувственной засни, . . .
Существенность скупую прокляни, —
И въ царствѣ грёзъ, забывъ житье земное,
Себѣ житье-раздолье сотвори! . . .
Баю-баю!

Баю, душа! . . . Весь этотъ міръ ничтожный,
Не стоитъ онъ участья твоего! . . .
Не трать себя напрасно для него, . . .
Не зажигай для суеты тревожной
Огонь небесъ и чистый блескъ его! . . .
Баю-баю!

Баю-баю, мое воображенье,
Баю-баю, обманщица-мечта! . . .

Что̀ слушать васъ? ... Ткань жизни пестрота,
Но пестрота безъ смысла и значенья! ...
Мои мечты, — вы ложь и пустота! ...
Баю-баю! ...

Село Анна, Октябрь, 1836 г.

XXVII.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Вставать, — чтобъ цѣлый день провесть на единѣ
Съ напрасными и грустными мечтами, . . .
Въ безжизненной степи, въ безмолвной тишинѣ,
Считать года потеряными днями, . . .
Не видѣть предъ собой ни цѣли, ни пути,
Отвыкнуть ждать, забыть надежды сладость, —
И молодость губить въ деревнѣ, взаперти, —
Вотъ жребій мой, . . . вотъ жизнь моя и радость! . . .

Когда ровесницамъ моимъ въ удѣлъ даны
Всѣ общества и свѣта развлеченья, —
И царствуютъ онѣ, всегда окружены
Толпой друзей, къ нимъ полныхъ снисхожденья;
Когда ихъ женскій слухъ ласкаетъ шумъ похвалъ,
Ихъ занятъ умъ, ихъ сердце бьется шибко, —
Меня враждебный рокъ здѣсь къ степи приковалъ, —
И жизнь моя лишь горькая ошибка! . . .

Напрасно я въ себѣ стараюсь заглушить
  Живой души желанья и стремленья. . . .
Напрасно зрѣлыхъ лѣтъ хочу къ себѣ привить
  Холодныя, сухія размышленья. . . .
Напрасно, чтобъ купить себѣ на вѣкъ покой,
  Состарѣться сейчасъ-бы я готова. . . .
Впередъ, . . . впередъ и вдаль я рвусь моей мечтой, —
  И жить съ людьми стремится сердце снова! . . . .

Село Анна, Октябрь, 1836 г.

XXVIII.

ЭЛЬБРУСЪ И Я.

There can be no farewell to scene like thine!
Childe-Harold, Byron.

Мнѣ говорили: «Чуденъ снѣжный!»
Мнѣ говорили: «Онъ могучь,
«Двуглавъ и гордъ, и съ небомъ смежный, —
«Онъ равенъ лёту Божьихъ тучь!» —

Мнѣ говорили: «Умиленье,
«Восторгъ на душу онъ нашлетъ, —
«И съ пылкой думы вдохновенье
«Онъ словно пошлину возьметъ! . . .» —

Мнѣ говорили: «Ежедневно,
«Ежеминутно стихъ живой,
«Какъ страстный зовъ, какъ гимнъ хвалебный
«Въ груди раздастся молодой! . . .» —

Но я, — я слушала, сердилась, —
Трясла упрямо головой, —
Молчала, . . . мнѣньемъ не дѣлилась
Своимъ съ безсмысленной толпой . . . .

Но я, — напутнымъ впечатлѣньемъ
Презрительно смѣялась я;
И заказнымъ ихъ вдохновеньямъ
Чужда была душа моя! . . . .

Но жалкимъ, низкимъ я считала,
Пройдя назначенную грань,
Вдругъ, какъ наёмный запѣвала,
Пѣть, и мечтать, природѣ въ дань.

И зареклась я предъ собою,
И клятву я дала себѣ
Кавказа дикой красотою
Дышать безъ словъ, наединѣ. —

Эльбрусъ предсталъ . . . . я любовалась,
Молчанья клятву сохраня;
Благоговѣла, восхищалась, —
Но пѣсней не слагала я!

Какъ предъ красавицей надменной
Поклонникъ страсть свою таитъ, —
Такъ предъ тобой, Эльбрусъ священный,
Весь мой восторгъ остался скрытъ! . . . .

Эльбрусъ, Эльбрусъ мой ненаглядный,
Тебя привѣтъ мой не почтилъ, —
Зато, какъ пламенно, какъ жадно
Мой взоръ искалъ тебя, ловилъ! . . .

Зато, твоимъ воспоминаньемъ
Какъ я богата, какъ горжусь! . . .
За то вдали моимъ мечтаньямъ
Все снишься ты, гигантъ Эльбрусъ! . . .

Село Анна, Октябрь, 1836 г.

XXIX.

ЧТО̀ Я ЛЮБЛЮ ВЪ КРАСОТѢ.

Варинькѣ Жихаревой.

Что̀ мнѣ до прелести румянца молодаго?
Что̀ въ правильныхъ чертахъ, въ роскошной красотѣ?.
Не говорятъ онѣ ни сердцу, ни мечтѣ,
Подъ оболочкой ихъ нѣтъ отблеска святаго. —
Земныя прелести, — безъ зависти на васъ
Я брошу бѣглый взоръ оцѣнки безпристрастной,
Воздамъ хвалу, — пройду, — и память о прекрасной
Во мнѣ изгладится тотчасъ. —

Но если встрѣчу я умильную головку,
Воздушный, стройный станъ, взглядъ умный и живой,
Въ движеньяхъ, въ поступи небрежную снаровку,
И длинныхъ локоновъ разсыпавшійся рой,
Тогда любуюсь я плѣнительнымъ видѣньемъ,
Духовной красоты понятны чары мнѣ, —
И долго мнѣ потомъ небеснымъ привидѣньемъ
Ликъ милой дѣвушки мерещится во снѣ. —

Проѣздомъ чрезъ Москву, 30-го Ноября, 1836 г.

XXX.

ВСТРѢЧА.

Ce beau jeune étranger à l'oeil sombre, au teint pâle,
Au sourire rêveur, à la voix si fatale. . . .
M-me Mélanie Waldor.

Зачѣмъ, зачѣмъ, въ день встрѣчи роковой,
Блеснули вы, задумчивыя очи? . . .
Вашъ долгій взоръ разрушилъ мой покой, —
Съ тѣхъ поръ, отъ васъ не оторвусь душой
Не отмолюсь усердною мольбой . . . . .
Днемъ помню васъ, — а въ мракѣ темной ночи
Мнѣ снитесь вы! . . . .

Зачѣмъ, зачѣмъ, мы встрѣтились съ тобой,
Зачѣмъ сошлись, чтобъ въ жизни разойтися? . . .
Мечту души, мой идеалъ былой
Узнала я въ тебѣ, — и предъ тобой
Робѣю и дрожу, какъ предъ судьбой . . . .
Но знай, — какъ счастье намъ ни улынися, —
Нѣтъ счастья намъ! . . .

Тебя вся жизнь, младая жизнь манитъ,
И будущность раскинулась широко
Передъ тобой; .... на мнѣ-же цѣпь лежитъ! ....
Надѣяться, — мнѣ разумъ не велитъ, ...
Любить, — ни Богъ, ни свѣтъ не разрѣшитъ! ...
Тяжелаго мы не измѣнимъ рока, —
Нѣтъ счастья намъ! ....

Петербургъ, 23-го Октября, 1837 г.

XXXI.

ТАЖЕ МЫСЛЬ ВЪ ДРУГИХЪ СЛОВАХЪ.

«Era lui! . . . .»
Tasso.

Я помню взоръ, . . . призывно и тоскливо
Меня онъ грустно провожалъ! . . . .
И много тайнъ, безъ словъ краснорѣчиво,
Мнѣ на прощанье разсказалъ . . . .
Я помню рѣчь, . . . проста и благородна,
И безискуственно-умна,
Она звучала мнѣ такъ мило, такъ свободно,
И такъ мнѣ нравилась она . . . .
Съ тѣхъ поръ, куда отъ страха ни уйду я, —
Какъ ни гоню видѣнье прочь, —
Какъ ни молюсь, — и сплю ли, иль не сплю я
Одно въ умѣ и день и ночь . . . .
Мнѣ слышится съ своимъ очарованьемъ
Тотъ незабвенный разговоръ . . . .
Мнѣ видится съ нѣмымъ его прощаньемъ
Тотъ долгій, грустный, нѣжный взоръ . . . .

Петербургъ, 24-го Октября, 1837 г.

XXXII.

РАЗГОВОРЪ ВО ВРЕМЯ МАЗУРКИ.

«Il disait qu'il m'aimait, et qu'il me trouvait belle,
«Et qu'à moi pour toujours son coeur s'était donné.»
Rességnier.

Смѣётесь вы? . . . Чему? . . . Тому-ль, что въ двадцать лѣть,
Разумно я смотрю безъ грёзъ на жизнь и свѣтъ, —
Что свято вѣрую я въ долгъ, и въ добродѣтель? . . .
Что совѣсти боюсь, что мнѣ она свидѣтель
Всѣхъ чувствъ и помысловъ, всѣхъ тайнъ моей души? . . .
Что сохранить себя въ покоѣ и тиши
Я искренно хочу, гнушаяся порока,
Чтобъ вѣкъ мой женщиной остаться безъ упрека? . . .
Тому-ль смѣетесь вы, что сердцу волю дать
Что участью своей безсмысленно играть
Я не намѣрена, страшась волненій страсти;
Что перестала я давно гадать о счастьи
Мнѣ неназначенномъ, — и голову склоня,

Сказала я себѣ: «Нѣтъ счастья для меня! . .»
Такъ это вамъ смѣшно?! . . Богъ съ вами! . . .
смѣйтесь, смѣйтесь! . . .
Но только, я прошу, напрасно не надѣйтесь
Лукавой рѣчію мой разумъ омрачить,
И сердце женское увлечь и побѣдить
Хитро-сплетенными софизмами своими! . . .
Я знаю, — мастеръ вы искусно сыпать ими! . . .
Оно въ привычку вамъ, и ужъ не въ первый
разъ, . .
И хоть вы молоды, — ужъ не одна изъ насъ
Вамъ слѣпо ввѣрилась, забывши честь и клятвы....
Но я не такова! . . . . Но съ ними вмѣстѣ въ
радъ вы
Не ставьте и меня! . . . . Я не шучу собой, ...
Я сердцемъ дорожу; . . . . восторженной душой
Я слишкомъ высоко цѣню любовь прямую,
Любовь безмолвную, безгрѣшную, святую, —
Какой намъ не найти здѣсь, въ обществѣ своемъ!..
Иной я не хочу! . . . — Другъ друга не поймемъ
Мы съ вами никогда! . . . . Такъ лучше намъ
разстаться, ...
Лишь рѣдко, издали, . . . безъ лишнихъ словъ
встрѣчаться! . . . .
Хоть я и говорю: «никто и никогда!» —
Я такъ неопытна, пылка, и молода, —
Что, право, за себя едва-ли поручусь я! . . .
Мнѣ страшно слышать васъ . . . . смотрѣть на
васъ боюсь я! . . . .
Подите! . . . Много здѣсь найдете вы другихъ,

Блистательнѣй меня, ... милѣй, .. смѣлѣй, ... такихъ,
Какихъ вамъ надобно для шутки, для игрушки!...
Кокетокъ много здѣсь, ... есть также и вертушки,
И львицы модныя ... подите ихъ плѣнять, —
И легкой клятвою ихъ легкость искушать! ....
А я, ... безрадостной судьбѣ моей послушна, —
Я буру вѣкъ одна, ... вѣкъ грустно-равнодушна ....

Петербургъ, 11-е Ноября, 1837 г.

XXXIII.

ОТВѢТЪ.

«Зачѣмъ вы не всегда такія?»
N. N.
(Изъ разговора на раутѣ.)

Зачѣмъ я не всегда такая, —
Не откровенна, не жива,
И средь забавъ не весела я,
И съ молодежью не рѣзва? . . .

Зачѣмъ внимаю безотвѣтно
Любви признавьямъ и мольбамъ, —
И холодна, и непривѣтна,
И не открою сердца вамъ? . . .

Зачѣмъ подъ діадимой бальной
Чело улыбкой не цвѣтетъ, —
Во взорахъ тѣнію печальной
Порою дума промелькнетъ? . . .

А вамъ на-что̀? . . . вы любопытны, —
И только, . . . больше ничего! . . .
И было-бъ горе въ думѣ скрытной, —
Что̀ вамъ до горя моего? . . .

Нѣтъ, не сердечное участье,
Не дружба въ васъ мнѣ говоритъ! . . .
И какъ понять вамъ, что безъ счастья
Веселье насъ не веселитъ? . . .

Я не могу дать сердцу воли, . . .
Своей души я не должна
Сроднить съ другой . . . такъ мудрено-ли
Что я грустна и холодна? . . .

Петербургъ, Декабрь, 1837 г.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРИНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ,

по Ея приказанію.

Digitized by Google

XXXIV.

ТАЙНЫЯ ДУМЫ.

Gott mit euch allen! . . . Für mein Singen
Ward Himmelsgabe mir zum Lohn! . . . .
Frau Kind.

Прекрасны и свѣтлы алмазы дорогіе
И камни чудные, блестящіе на Ней.
Всегда нарядъ Ея изящнѣй и милѣй
Всѣхъ прочихъ, — и предъ Ней красавицы другія
Какъ передъ лиліей былинки полевыя . . .
И нѣтъ подобной Ей, ни станомъ молодымъ,
Ни стройной плавностью походки лебединой,
Ни гибкой ловкостью, врожденной Ей единой,
Ни кроткаго чела спокойствіемъ святымъ.

Но я, когда за Ней слѣдятъ глаза мои,
Когда я издали любуюсь молча Ею, —
Забывъ всё внѣшнее, я умъ и сердце грѣю
Лишь созерцаніемъ одной Ея души.
Всѣхъ женскихъ доблестей, всѣхъ думъ и чувствъ высокихъ
Мнѣ повѣсть говоритъ взоръ голубыхъ очей;
Ей внятенъ, Ей знакомъ и гласъ небесъ далёкихъ,

И нищеты призывъ, и стонъ земныхъ скорбей.
Слезу несчастнаго, поэта вдохновенье,
Молитвы благодать, всё, всё пойметъ Она;
Въ душѣ Ея живутъ восторгъ и умиленье,
И тихая мечта на долю Ей дана.

И мнѣ-ль, когда при Ней любовью сердце полно,
Когда присутствіемъ Ея счастлива я
Мнѣ-ль замѣчать нарядъ и пышный блескъ Ея?...
Мнѣ-ль смѣть слагать въ стихи мечтаній робкихъ волны,
И Ей высказывать что̀ радуетъ меня? . . .
Нѣтъ! . . . Искренній языкъ смиренныхъ поклоненій
Не выразитъ завѣтныхъ думъ моихъ,
Не выскажетъ вполнѣ моихъ благословеній, —
Но пусть Она сама отгадываетъ ихъ! . . .

Петербургъ, 2-го Февраля, 1838 г.

XXXV.

ГДѢ МНѢ ХОРОШО.

Екатеринѣ Андрѣевнѣ Карамзиной.

To her who best will understand it!

(«Той, которая всѣхъ лучше пойметъ!» названіе одной изъ Элегій Байрона.)

Когда, насытившись весельемъ шумнымъ свѣта,
Я жизнью умственной вполнѣ хочу пожить, —
И просится душа, мечтою разогрѣта,
Среди душъ родственныхъ свободно погостить, —
Къ пріюту тихому бесѣды просвѣщенной,
Къ жилищу свѣтлыхъ думъ дорогу знаю я, —
И радостно спѣшу къ семьѣ благословенной,
Гдѣ дружескій пріемъ радушно ждетъ меня. —

Тамъ говорятъ и думаютъ по-русски,
Тамъ чувствомъ родины проникнуты сердца;
Тамъ чинность модная своею цѣпью узкой
Не душитъ, не тѣснитъ. Тамъ памятью отца
Великаго и славнаго всё дышетъ;
Тамъ святъ его примѣръ; тамъ какъ завѣтный кладъ
И духъ и мнѣнія его во всёмъ хранятъ.

Свидѣтель тронутый всегда тамъ видитъ, слышитъ
Семью согласную, счастливую семью,
Гдѣ души за-одно, гдѣ община святая
Надеждъ и радостей; гдѣ каждый жизнь свою
Другимъ приноситъ въ даръ, собой пренебрегая.
При этомъ зрѣлищѣ, добрѣешь каждый разъ,
Съ мечтой о счастіи невольно помирись!
При этомъ зрѣлищѣ, въ насъ сердце оживаетъ,
За круговымъ столомъ, у яркаго огня,
Хладъ зимній, свѣтскій хладъ оно позабываетъ,
И умиленное, внезапно постигаетъ
Поэзію домашнаго житья.

Отбросивши подъ часъ суетъ и дѣлъ оковы, —
Былое вспоминать готовые всегда,
Тамъ собираются, влекомые туда
Старинной дружбою (приманкой вѣчно новой!)
Всѣ тѣ, кто пѣснью, иль рѣчью, иль перомъ
Себя прославили, кто русскимъ путь открыли
Къ святой поэзіи, кто въ сердцѣ не забыли
Что этотъ мирный кровъ былъ ихъ роднымъ гнѣздомъ.
Они тамъ запросто, и дома, и покойны;
Ихъ кругъ разрозненный становится тѣснѣй....
Но много мѣстъ пустыхъ! ... Но бури вѣтеръ знойный,
Недавно, проходя надъ головой гостей,
Унесъ любимаго! ....

За то, воспоминанье
Въ разсказахъ искреннихъ всегда тамъ пополамъ!
За то, тамъ всѣхъ влечетъ незримое вліянье
Отъ смѣха рѣзваго къ возвышеннымъ мечтамъ! . . . .

Но кто, но кто межъ всѣхъ, какъ провидѣнье дома,
Своимъ присутствіемъ всё держитъ, всё хранитъ? . . . .
Кто, съ испытаньями житейскими знакома,
Душой, и разумомъ, и сердцемъ сторожитъ
Своихъ возлюбленныхъ на поприщахъ различныхъ;
Имъ опытность свою въ покровъ и щитъ даетъ;
Объ нихъ и день и ночь всё мыслитъ; создаетъ
Въ молитвахъ пламенныхъ, въ мечтаніяхъ привычныхъ
Имъ счастье полное, — и жизнью ихъ живетъ? . . . .
Кто, съ кроткой мудростью, съ небеснымъ снисхожденьемъ
Взираетъ на людей, на ихъ дѣла и свѣтъ,
Не судитъ никого, не вѣритъ обиненьямъ,
Не терпитъ при себѣ злорѣчія навѣтъ? . . . .
Кто рѣдкой красотой своей души высокой
Заставила забыть земную красоту,
И вѣкъ свой прожила, не зная почему
Для ней сердца полны любовію глубокой? . . . .
О! кто видалъ её, о! кто ей близокъ былъ,

Тотъ знаетъ, тотъ постигъ, какимъ обворо-
жеиьемъ
Она влечетъ къ себѣ! ... Тотъ скоро полюбилъ
И оцѣнилъ её! Тотъ собственнымъ стремленьемъ
Почувствуетъ, зачѣмъ своимъ благоговѣньемъ
Ее поэтовъ сонмъ издавна окружилъ, —
Зачѣмъ она была, межъ огненныхъ свѣтилъ,
Звѣздою мирною, священнымъ вдохновеньемъ! ...

Петербургъ, Мартъ, 1838 г.

XXXVI.

ССОРА.

. . . . . и сей свиданья часъ
Печаленъ, молчаливъ, и утомляетъ насъ! . . .
Озеровъ, Дм. Донской.

Всё кончено на вѣки между нами . . . .
И врозь сердца, и врозь шаги . . .
Хоть оба любимъ мы, . . . но встрѣтившись друзьями
Мы разошлися какъ враги!

Онъ наступилъ, тотъ вечеръ долго жданный,
Пробилъ свиданья краткій часъ, —
Столь страшный мнѣ, и вмѣстѣ столь желанный,
Который свелъ и сблизилъ насъ.

Мы встрѣтились средь залы освѣщенной,
Гдѣ свѣтъ въ свои сто глазъ глядѣлъ;
Жизнь замерла въ груди моей стѣсненной,
Отъ страха голосъ онѣмѣлъ . . . .

Не даромъ страхъ! . . . заранѣе я знала,
Что съ нимъ должна я иль молчать, —
Иль измѣнить себѣ! . . . . заранѣй пріучала
Языкъ, лице, и сердце лгать . . . .

Онъ подошелъ, . . . онъ протянулъ мнѣ руку . . . .
Своей руки я не дала . . . .
Я съ нимъ была, скрывая сердца муку,
И холодна, и весела.

Онъ говорилъ всё о любви возможной,
О счастьи въ связи двухъ сердецъ . . . .
Онъ говорилъ, такъ сладко, такъ тревожно
Что я смутилась наконецъ . . . .

И кто-бъ, ему внимая, не смутился? . . .
Онъ ждалъ отвѣта моего:
Онъ на меня смотрѣлъ, . . . онъ ближе наклонился,
Я отвернулась отъ него!

Я шуткою отвѣтила небрежной . . . .
Онъ всталъ, . . . во взорахъ гнѣвъ пылалъ . . . .
Въ душѣ, въ груди моей былъ плачь и стонъ мятежный . .
Онъ ничего не угадалъ!!!

Онъ не видалъ, какъ сердце билось больно
Подъ платьемъ дымковымъ моимъ . . . .
Онъ не слыхалъ страданья вопль невольный
Подъ женскимъ смѣхомъ заказнымъ! . . .

Не понялъ онъ, какъ страстно, какъ безумно,
Какъ искренно любила я!! . . .
Онъ отошелъ! . . . А балъ кружился шумный,
И бѣсновался вкругъ меня! . . . .

Вѣрна себѣ, — не выдала я тайны
Любви запретной, но святой:
Меня кокеткой онъ зоветъ необычайной, —
Считаетъ куклою пустой . . . .

Всё кончено на вѣки между нами!
И врозь сердца, и врозь шаги! . . . .
Всё кончено на вѣкъ! . . . мы встрѣтились друзьями,
А разошлися какъ враги! . . . .

Петербургъ, 10-го Марта, 1838 г.

XXXVII.

ОНЪ СТАРЪ И СѢДЪ.

Алексѣю Петровичу Ермолову.

«Well by his visage you might know
«He was a stalworth knight, and keen;
«And had in many a battle been!
Walter-Scott.

Онъ старъ, онъ сѣдъ, . . . но какъ прекрасенъ! . . .
Какимъ огнемъ глаза горятъ!
Какъ проницателенъ и ясенъ,
Какъ смѣлъ его орлиный взглядъ! . . .
Какъ разговоръ его блистаетъ
Любезностью, умомъ живымъ;
Какъ онъ довѣріе внушаетъ
Привѣтомъ ласковымъ своимъ!
Какъ Провидѣнье надѣлило
Его и сердцемъ и душой!
Какъ онъ кокетничаетъ мило
Своею славной сѣдиной! . . .
Онъ старъ, — но съ нимъ не состязайтесь,
О вы, ровесники мои!
И отъ сравненья удаляйтесь,
Расправя локоны свои! . . .
Онъ старъ, но бьется ретивое

Въ трепещущей груди его, —
Но мощная рука героя
Штыкъ носитъ бодро и легко! . . .
И если-бъ наша Русь святая,
Своихъ дѣтей на брань сзывая,
Вдругъ загремѣла бы: «пора!»
Онъ собрался-бы всѣхъ живѣе,
Онъ поскакалъ-бы всѣхъ смѣлѣе, —
Всѣхъ громче крикнулъ-бы: ура!! . . .

Петербургъ, Апрѣль, 1838 г.

XXXVIII.

ВЫ ВСПОМНИТЕ МЕНЯ.

Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrais! . .
Simple histoire.

Вы вспомните меня когда нибудь, ... но поздно! ...
Когда въ своихъ степяхъ далеко буду я, ...
Когда надолго мы, навѣки будемъ розно, —
Тогда поймете вы, и вспомните меня! . . .
Проѣхавъ иногда предъ домомъ опустѣлымъ,
Гдѣ васъ всегда встрѣчалъ радушный мой привѣтъ,
Вы грустно спросите: — «Такъ здѣсь ея ужъ нѣтъ?» —
И мимо торопясь, — махнувъ султаномъ бѣлымъ,
Вы вспомните меня! . . .

Вы вспомните меня не разъ, — когда другая
Кокетствомъ хитрымъ васъ коварно увлечетъ,
И не любя, въ любви васъ ложно увѣряя,
Тщеславью своему васъ въ жертву принесетъ! . . .

Когда уста ея, на клятвы тороваты,
Обѣты льстивые вамъ станутъ расточать,
Чтобъ скоро бросить васъ, и нагло осмѣ-
ять, . . .
Съ ней первый сердца цвѣтъ утративъ безъ
возврата,
Вы вспомните меня! . . .

Когда, избави Богъ! . . . вы встрѣтите иную, —
Усердную рабу всѣхъ мелочныхъ суетъ,
Съ пол-сердцемъ лишь въ груди, съ полу-
душой, — такую,
Какихъ ихъ создаетъ себѣ въ угодность свѣтъ:
И это существо васъ на бѣду полюбитъ, —
Съ жемчужною серьгой, иль съ перстнемъ на
равнѣ . . .
И вамъ любви узнать дастъ горести однѣ, —
И васъ, безстрастная, измучитъ и погубитъ, —
Вы вспомните меня! . . .

Вы вспомните меня, — мечтая одиноко
Подъ вечеръ, въ сумерки, въ таинственной
тиши, —
И сердце вамъ шепнетъ: «Какъ жаль! она
далёко, —
«Здѣсь не-съ-кѣмъ раздѣлить ни мысли, ни
души! . .»
Когда гостинныхъ міръ вамъ станетъ пустъ и
тѣсенъ,

Наскучитъ вамъ острить средь модныхъ львицъ
и львовъ, —
И жаждать станете не заученныхъ словъ,
И чувствъ не вычурныхъ, и томныхъ жен-
скихъ пѣсенъ,
Вы вспомните меня! . . .

Петербургъ, Апрѣль, 1838 г.

XXXIX.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

If I should meet thee
After long years,
How should I greet thee? . . .
With silence and tears! . . .
Byron.

Сіяетъ торжественно зала,
Въ ней сотни блестящихъ гостей;
Гордятся хозяева бала
Вельможной палатой своей.

Съ зеркальной сошелся стѣною
Богатый лѣпной потолокъ;
А рамы рѣзьбой золотою
Художникъ искусный облёкъ.

Зеленыхъ деревьевъ побѣги
Вкругъ мраморныхъ вьются колоннъ . . .
И пиръ для услады и нѣги
Устроенъ, какъ сказочный сонъ . . .

А ночь-то, . . . а ночь! . . . что̀ за диво! . . .
Тепла, ароматна она, —
Въ ней дышетъ ужъ Май торопливый,
Въ ней дышетъ младая весна . . .

Открыты широкія окна;
Весь Невскій огнями горитъ;
И на небѣ, облакъ волокна
Луна чародѣи серебритъ . . .

Алмазы, цвѣты и наряды
На дѣвахъ и жёнахъ блестятъ;
Всѣ веселы, счастливы, рады, . . .
Сердца наслажденьемъ кипятъ.

Одна, — затаивши глубоко
Завѣтную думу мою, —
Готовясь къ разлукѣ далёкой,
Печально въ толпѣ я стою.

И всѣ говорятъ: «Какъ вы блѣдны! . . .
«Что съ вами? . . . Разсмѣйтесь скорѣй! . . .
«Вотъ вальсъ загремѣлъ ужъ побѣдный,
«Звучитъ всё призывнѣй, живѣй! . . .

«Вамъ любы его упоенья? . . .
«Спѣшите! . . . — онъ вылечитъ васъ! . . .»
Но тщетно! . . . на всѣ приглашенья
Отвѣтъ мой — безсмѣнный отказъ! . . .

И вотъ, ко мнѣ кто-то подходитъ . . .
И сердце забилось скорѣй . . .
Онъ рѣчь о стороннемъ заводитъ, —
Но смыслъ есть таинственный въ ней.

Въ ней слышится скорбь разставанья, . . .
И вѣчный, напрасный упрёкъ . . .
А что̀-жъ я скажу въ оправданье? . . .
Межъ нами и совѣсть, и рокъ! . . .

И наше послѣднее слово
Всё-тотъ же обманъ, та-же ложь . . .
Признаться хоть оба готовы, —
Но поздно теперь, — и на что̀-жъ? . . . .

Ни тотъ ни другой не рѣшились
Мы высказать тайны своей! . . . .
Мы холодно, сухо простились . . .
Кто знаетъ, на много-ли дней? . . .

И гдѣ-то сойдемся мы снова? . . .
Сойдемся-ли даже когда? . . .
И будетъ-ли первое слово
Отъ сердца межъ нами тогда? . . .

Развяжетъ-ли радость свиданья
И души и рѣчь за-одно? . . .
О грустное слово прощанья,
Послѣднимъ-ли будетъ оно? . . .

Петербургъ, 24-го Апрѣля, 1838 г.

XL.

ВЪ СТЕПИ.

«And then, I am in the world alone! . . .»
Childe-Harold.

Разстались мы! . . . Въ степи далёкой
Течетъ безмолвно жизнь моя . . . .
Въ деревнѣ, скукѣ одинокой
Обречена на долго я . . .
Томитъ безрадостная доля
Стѣсненный умъ, больную грудь;
Хочу разсѣять грусть неволи
Хоть какъ нибудь, хоть чѣмъ нибудь!
Боюсь, сердечная тревога
Здѣсь развлеченья не найдетъ, —
А въ праздной головѣ такъ много,
Такъ много страстныхъ грёзъ живетъ! . . .
Вдали отъ городскаго шума
Здѣсь ропотъ сердца мнѣ слышнѣй,
Свободнѣй пламенная дума,
Мечта отважнѣй и сильнѣй . . .
Не сдержитъ здѣсь порывъ желаній
Приличій, предразсудковъ цѣпь, —

Не заглушитъ воспоминаній
Затишьемъ мертвымъ эта стень! . . .
Живую въ душную могилу
Пусть схоронили въ двадцать лѣтъ, —
Въ ней не убьютъ ни страсть, ни силу! . . .
Ей милъ и любъ, ей нуженъ свѣтъ! . . .
Тамъ всё, чѣмъ сердце тайно билось,
Чѣмъ полонъ міръ, чѣмъ жизнь свѣтла, . . .
И тотъ, къ кому душа стремилась,
Кого въ кумиры избрала . . .
А онъ? . . . Минуты увлеченье
Давно забылъ, быть можетъ, онъ,
Какъ промелькнувшее видѣнье,
Какъ прерванный, неясный сонъ? . . .
Гдѣ жъ помнить, что въ пустынѣ дальной
О немъ тоскуютъ и грустятъ, . . .
Что думы женщины печальной
Его зовутъ, . . . къ нему летятъ? . . .
Ему-ль знать горечь сожалѣній,
И объ уѣхавшей мечтать,
Когда такъ много искушеній
Его готово утѣшать? . . .
Кого теперь въ блестящихъ залахъ
Его пытливый ищетъ взглядъ? . . .
Кого на многолюдныхъ балахъ
Онъ тайно ждетъ, . . . кому онъ радъ? . . .
Кому твердитъ онъ, съ пыломъ страстнымъ,
Любви привѣтъ, любви слова,
И для кого теперь опаснымъ
Его прославила молва? . . .

Чье сердце робкое волнуетъ
Полу-признаньемъ онъ теперь? . . .
Кого, прельщенный, очаруетъ?
Кому твердитъ: «Люби, и вѣрь!? . .»
Хочу, хочу въ тоскѣ мятежной
Всё знать я, — кѣмъ онъ дорожитъ, —
И на кого онъ смотритъ нѣжно,
И съ кѣмъ всѣхъ дольше говоритъ? . . .

Село Анна, Май, 1838 г.

XLI.

МОЖЕТЪ БЫТЬ.

. . . . . Si je m'étais trompée? . . .
«Si tout n'était que rêve, erreur? . . .»
M-me Mélanie Waldor.

И можетъ быть, мечты мои безумны,
Безумны слёзы и тоска . . .
Не вспомнятъ тамъ, въ столицѣ многошумной,
Что я одна и далека . . . .
И можетъ быть, давно я позабыта,
Не думалъ онъ меня любить? . . .
Чужой души изгибы намъ закрыты —
Чужое сердце какъ судить? . . .

И можетъ быть, я только по ошибкѣ
За правду шутку приняла,
Его рѣчамъ, и всорамъ, и улыбкѣ
Сама значенье придала? . . .
Какъ женщина, повѣрила я скоро,
И слишкомъ скоро увлеклась . . .
Отъ бѣглыхъ словъ пустаго разговора
Какъ порохъ мысль моя зажглась . . .

И пылкое чрезъ чуръ воображенье
Прельстилось чудною мечтой, . . .
И милое лаская заблужденье
Я предалась ему душой.
Приснилось мнѣ, иль просто показалось
Что онъ готовъ меня любить, —
Не знаю я! . . . Въ отраду мнѣ осталось
Одно пустое «можетъ быть!»

Село Анна, 1838 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

1838 — 1843.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО,

къ Графинѣ Е. И. Ростопчиной, при посылкѣ ей черновой книги Александра Пушкина.

«Посылаю вамъ, Графиня, на память книгу, «которая можетъ имѣть для васъ нѣкоторую «цѣну. Она принадлежала Пушкину; онъ при«готовилъ её для новыхъ своихъ стиховъ, и не «успѣлъ написать ни одного; мнѣ она досталась «изъ рукъ смерти, я началъ её; то, что̀ въ «ней найдете, не напечатано нигдѣ. Вы до«полните и докончите эту книгу его. Она теперь «достигла настоящаго своего назначенія. Всё это «въ старые годы я написалъ бы стихами, и «стихи были бы хороши, потому что дѣло-бы «шло о васъ и о вашей поэзіи; но стихи уже не «такъ льются, какъ бывало, — кончу просто:

«не забудьте моихъ наставленій; пускай этотъ «годъ уединенія будетъ истинно поэтическимъ «годомъ вашей жизни».

Вашъ

Жуковскій.

25-го Апрѣля 1838 г.

I.

ЧЕРНОВАЯ КНИГА ПУШКИНА *.

Василію Андреевичу Жуковскому.

Sic transit gloria mundi! . . .
Devise de Louis XIV.

Смотрю съ волненіемъ, съ тоскою умиленной
На книгу сироту, на бѣлые листы,
Куда усопшій нашъ рукою вдохновенной
Сбирался вписывать и пѣсни и мечты;
Куда фантазіи созрѣвшей, въ полной силѣ,
Созданья дивныя онъ собирать хотѣлъ . . .
И гдѣ, доставшійся безвременно могилѣ, —
Онъ начертать ни слова не успѣлъ! . . .
Смотрю, и думаю: судьбою легконравной
Какой удѣлъ благой, возвышенный и славный
Страницамъ симъ пустымъ назначенъ прежде былъ!

*) Пушкинъ заказалъ себѣ черновую книгу. Она, послѣ его смерти, перешла къ В. А. Жуковскому, который написалъ въ ней нѣсколько недоконченныхъ стихотвореній, и потомъ подарилъ ее мнѣ, съ наказомъ дополнить и докончить ее.

Какъ много творческихъ, высокихъ помышленій,
Какъ много свѣтлыхъ думъ, безцѣнныхъ откровеній
Онъ имъ повѣрилъ бы . . . .
И гробъ всё истребилъ!! . .
Принявъ наслѣдіе утраченнаго друга,
Свидѣтель горестный предсмертнаго недуга,
Другой, восторженный, мечтательный поэтъ
Болѣзненно взиралъ на сей нѣмой завѣтъ, ...
И сердце въ немъ стѣснялось отъ испуга . . .

«Давно ли» — думалъ онъ — «давно ли предо мной
«Онъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, здоровый, молодой,
«Мечталъ о будущемъ, загадывалъ, трудился?..
«И вотъ онъ на всегда отъ глазъ моихъ сокрылся! . . .
«Нѣтъ! полно въ даль смотрѣть! . . . не подъ моимъ перомъ
«Ты, книга, оживешь духовнымъ бытіемъ! . . .»

И мнѣ, и мнѣ сей даръ! мнѣ, слабой, недостойной,
Мой сердца духовникъ пришелъ его вручить,
Мнѣ пѣснью робкою, неопытной, нестройной
Стихъ чудный Пушкина велѣлъ онъ замѣнить! . .
Но не исполнить мнѣ такого назначенья,

Но не достигнуть мнѣ желанной вышины!
Не всѣ источники живаго пѣснопѣнья
Не всѣ предметы мнѣ доступны и даны:
Я женщина! . . . во мнѣ и мысль и вдохновенье
Смиренной скромностью быть скованы должны

Петербургъ, Апрѣль 1838 г.

II.

СЛОМАННЫЙ ДОМЪ.

Ces lieux avaient été les confidents de ses plus intimes pensées; à force d'avoir mis son âme en rapport avec ces murs solitaires, il s'était habitué à leur prêter une sorte d'existence; embarrassé d'un superflu de vie, il l'avait répandu sur les objets inaminés qui l'entouraient, et avait multiplié son âme pour n'être plus seul.

Edouard Alletz, Souffrances morales.

Оно разрушено — смиренное жилище,
Гдѣ я дней нѣсколько когда-то провела,
Гдѣ я поэзіей навѣщена была, ...
И тщетно ласточка, какъ погорѣлый нищій,
Отыскиваетъ слѣдъ родимаго гнѣзда,
Гдѣ надо-мной она пѣвала иногда! . .
Ужъ нѣтъ ея гнѣзда, ужъ съ нимъ на вѣкъ пропали
Досчатый кровъ, дубовый домъ,
И окна низкія, и предъ кривымъ крыльцомъ
Двѣ липы старыя, что мнѣ благоухали . . .
Исчезло всё, . . всему конецъ! . . .

Утѣшься ласточка! смотри: домъ выросъ новый,
И кровля новая принять тебя готова;
И тамъ, защитою небеснаго покрова
Обѣихъ насъ помилуетъ Творецъ!
Но мнѣ, — мнѣ жаль былаго дома,
Хоть былъ онъ страненъ, не красивъ,
Хоть часто гордости скучающей порывъ
Мнѣ пышныя Московскія хоромы
Въ вечерній часъ пировъ живописалъ,
И искусительнымъ сравненьемъ омрачалъ
Жилище сельское! . . Мнѣ жаль, хотя бывало
На тѣсноту его и ветхость я роптала,
Хоть было въ немъ тогда и сыро и темно
Душѣ, изнѣженной мечтательною лѣнью,
Хоть былъ онъ цѣлью мнѣ насмѣшекъ, охужденья,
Хоть мной паденіе его ускорено.

Да̀! въ немъ ничто для взора не блистало,
Но жизнью внутренней мой духъ въ немъ много жилъ;
Да̀! онъ изящности моей противенъ былъ,
Но я такъ сладко въ немъ мечтала! . .
Въ немъ часто свѣтлые часы видала я,
Познавъ себя въ тиши уединенья;
Въ немъ водворилися раздумья, вдохновенья,
Въ немъ обжилася мысль моя.
Онъ освященъ въ моемъ воспоминаньи,

Всѣмъ тѣмъ что̀ нѣкогда, въ дни тихихъ созер-
цаній,
Я передумала, перемечтала въ немъ,
И на всегда въ умѣ моемъ
Я сохраню о немъ преданье.

Село Анна, Май, 1838 г.

III.

ПѢСНИ ТРУВЕРА.

Баллада.

Es preist der süsse Klang der Lieder,
Der Liebe Glück, der Liebe Qual.
Frau Kind.

«Пѣвецъ мой, приближься! . . святыхъ вдохновеній
«Божественнымъ даромъ со мной подѣлись! . . .
«Сегодня я жажду твоихъ откровеній —
«Порывы восторга во мнѣ поднялись;
«Сегодня пойму я языкъ пѣснопѣній —
«Небесныя силы надъ мной пронеслись:
«За повѣсть, за пѣсни пѣвца молодаго
«Сегодня всю душу отдать я готова.

«Причуды и воля, мечты и желанья
«Поэзіи просятъ: въ тревожной груди
«Избытокъ участья, избытокъ вниманья . . .
«Простора и цѣли лишь ищутъ они.

«Дрожитъ на рѣсницахъ слеза состраданья;
«Умѣй её вызвать на пѣсни свои!
«Умѣй тронуть сердце — и чувствомъ глубокимъ
«Оно отзовется напѣвамъ высокимъ!»

* * *

Такъ говоритъ Барона дочь младая
Труверу пылкому; и молча передъ ней
Съ благоговѣніемъ колѣно преклоняя,
Ужъ онъ въ умѣ своемъ слагаетъ пѣсню ей.
Онъ струны лютни въ ладъ приводитъ,
Мечтою сердце грѣетъ онъ,
И гордой госпожи красой одушевленъ,
Онъ взора страстнаго съ чела ея не сводитъ.

Вельможно обведя свой гордый взглядъ кругомъ,
Она къ губамъ свой пальчикъ приложила,
Молчанья требуя, и знакъ свой подтвердила
Махая кружевнымъ платкомъ . . . .
Умолкли голоса прислужницъ говорливыхъ;
Забывъ веретено, съ почтеньемъ, въ тишинѣ,
Вокругъ владычицы усѣлися онѣ,
Въ радушной тѣснотѣ, какъ рядъ картинъ красивыхъ.
Лелѣется небрежный отдыхъ ихъ
На креслахъ бархатныхъ и на коврахъ востока;
И двѣ невольницы, поклонницы пророка,
Жгутъ чистый ароматъ куреній дорогихъ.

Запѣлъ Труверъ. Онъ робко славитъ
Всевластье женской красоты —
Дѣвицъ внимательныхъ забавитъ
Стихъ полный страсти и мечты.
Глазъ черныхъ блескъ и выраженье,
Ихъ зной, ихъ тысячи огней,
И нѣжныхъ голубыхъ очей
Приманка, полная томленья, —
И шелкъ разсыпанныхъ кудрей,
И стройныхъ ножекъ совершенство,
Румянецъ жаркій, гордый станъ,
Улыбки ласковой обманъ,
Когда сулитъ она блаженство, —
Всё въ звучной пѣсни славитъ онъ,
Всё цѣнитъ онъ, всё превозноситъ,
Всему хваленье и поклонъ,
Какъ подобаетъ, онъ приноситъ.
И женщинъ пламенный пѣвецъ,
Ключь женскихъ онъ нашелъ сердецъ!

Рукоплесканьями наполнилася зала . . . .
Самодовольная улыбка пробѣгала
Въ собраньѣ круговомъ по молодымъ устамъ;
И каждая украдкой направляла
Свой затаенный взглядъ къ высокимъ зеркаламъ.
Барона дочь осталась недвижима,
Разсѣянно блуждалъ непостижимый взоръ,
И до ея души, раздуміемъ томимой,
Недоходилъ подругъ тщеславный разговоръ.

* * *

Уста и улыбка красавицы нѣмы . . .
Труверъ это видитъ, — и съ первою темой
Онъ ладъ своей пѣсни умно измѣнилъ:
Онъ юности славитъ пиры и забавы,
Ея хороводы подъ тѣнью дубравы,
При тихомъ сіяньи вечернихъ свѣтилъ;
И шумныя ловли, и рыцарей бои,
Турнировъ блескъ чудный, и чести вѣнецъ
Дрожащею дамой врученный герою,
При слабомъ біеньи созвучныхъ сердецъ . . . .
Онъ вспомнилъ, онъ назвалъ, съ живымъ наслажденьемъ
Всѣ праздники въ замкахъ, съ ихъ пляской и пѣньемъ,
Всѣ свадьбы, крестины въ вельможныхъ семьяхъ,
Всѣ съѣзды при свѣтлыхъ державныхъ дворахъ,
Гдѣ столько явилось, гдѣ столько блистало
Красотъ лучезарныхъ, . . гдѣ въ юныхъ сердцахъ
И радость горѣла и жизнь ликовала! . . .
И голосъ Трувера весельемъ звучитъ,
И дѣвичье сердце весельемъ кипитъ,
И рѣзвыя ножки бьютъ тактъ съ нетерпѣньемъ,
И алыя губки ужъ вторятъ тайкомъ, ...
И дѣвушекъ мысли полны упоеньемъ,
И въ танцы стремятся за чуднымъ пѣвцомъ . . .
Но пѣсни игривой спокойно внимая,
Какъ прежде, межъ ними безмолвна одна, —
Одна безъ участья, важна, холодна . . .
Барона то дочь молодая.

* * *

И Труверъ замѣтилъ — и въ умѣ его
Мысль блеснула, ... мысль, святыня для него! ...
Вѣщихъ струнъ ладъ вновь измѣняется
Отъ живыхъ созвучій перешли онѣ
Къ той гармоніи, что говоритъ душѣ ...
Въ ихъ напѣвахъ нѣга выражается,
Ихъ усладой сердце восхищается,
Ихъ чудесный гимнъ опасенъ красотѣ.
Про любовь взаимную, счастливую
Сталъ разсказывать восторженный пѣвецъ,
И покрылись краскою стыдливою,
Вѣрнымъ признакомъ взволнованныхъ сердецъ,
Лица дѣвушекъ, ... и свадебный вѣнецъ
Въ ихъ мечтахъ блеститъ звѣздой игривою.
Очи свѣтлыя туманятся слезой,
Иль горятъ огнемъ и думой тайною;
И иная, удрученная тоской,
Ожила надеждою случайною,
И привидѣлся ей образъ дорогой .....
Но не трогаетъ всесильной пѣсни сладость
Недоступную ихъ только госпожу ...
За немилаго, за стараго, сѣдова
Ей велятъ идти, ... дано ужъ слово! ...
Для нея чужда, невнятна радость,
И «люблю» она не скажетъ никому!

* * *

И пѣснь печальную началъ теперь Труверъ,
Онъ вдохновленъ теперь уныньемъ и страданьемъ.

Онъ выражаетъ страсть, покрытую молчаньемъ,
И тихъ, какъ тайный плачь, и простъ его размѣръ,
Какъ повѣсть краткая любови безнадежной, —
Когда душа горитъ въ борьбѣ съ тоской мятежной,
А въ взорахъ и рѣчахъ спокойствіе и ледъ....
И вдругъ Барона дочь смущенная встаетъ,
Съ груди взволнованной засохшій миртъ срываетъ ...
И съ громкимъ плачемъ прочь идетъ!
Ушла! ... Безмолвны всѣ! ... подруги молодыя
Переглянулися, ... кивнули головой ....
Труверъ глядитъ ей вслѣдъ, ... дрожащею рукой
Онъ поднялъ вѣщій миртъ, ... и слесы огневыя
Изъ глазъ его вдругъ брызнули струей....
Изъ залы, изъ дворца выходитъ онъ въ волненьи, ...
Безумный, по скаламъ и по лѣсу бѣжитъ ....
На гордый замокъ не глядитъ! ...
Межъ тѣмъ, Барона дочь стыдливая спѣшитъ
Въ молельню тёмную, ... чтобъ скрыть свое смятенье,
Чтобъ долгой думою, усердною мольбой
Прогнать, разсѣять искушенье ....
Чтобъ позабыть въ своемъ уединеньѣ
И пѣсню и пѣвца, ... чтобъ тайною слезой
Оплакать разъ еще безрадостную долю,
И дѣвичью любовь, и барскую неволю! ...

Село Анна, Іюнь, 1838.

IV.

СОЧУВСТВІЕ.

Графинѣ Софьѣ Александровнѣ Бобринской.

C'était un de ces êtres qui attachent, par la délicatesse de leurs sentiments, la bienveillance de leur âme: l'égalité de leur caractère, par un esprit vif et éclairé s'intéressant à tout et comprenant tout. *Chateaubriand.*

Встрѣчаются на жизненной дорогѣ
Такія существа, которымъ Богъ велѣлъ
Собою облегчить другимъ земной удѣлъ;
И скорби здѣшнія, и здѣшнія тревоги
Неутомимою заботой услаждать
Увѣчнымъ, старому путь тяжкій украшать
Святыми чарами догадливости нѣжной.
Къ тоскующимъ сердцамъ, къ душѣ больной, мятежной
Они участья рѣчь умѣютъ примѣнять;
Волшебной кротостью и разумомъ высокимъ
Они смягчаютъ гнѣвъ, враждующихъ мирятъ;
Они себѣ межъ насъ міръ ясныхъ думъ творятъ;

И въ немъ блаженствуя, съ вниманіемъ глубокимъ
За нашими волненьями слѣдятъ,
Чтобъ руку помощи и голосъ ободренья
Подать уставшему въ изнеможенья часъ;
Чтобъ робость оживить; чтобъ рушить заблужденья;
Чтобъ тайную слезу принять съ блестящихъ глазъ . . .
И каждому, въ комъ точно сердце бьется,
Въ комъ дарованье есть, въ комъ свѣтлый умъ горитъ,
При нихъ, у нихъ отраднѣе живется;
И ими избранный, къ нимъ радостно спѣшитъ.
Такія существа у предковъ были Феи,
И нынче пери ихъ зоветъ еще Востокъ;
Имъ имя ангеловъ придумали Евреи, . . .
Богъ женщинами ихъ нарёкъ! . . .

* * *

Я знаю комнату, въ дому изящно-пышномъ,
Въ концѣ блестящихъ залъ, въ таинственной тиши . . .
Тамъ есть убѣжище для мысли и души;
Туда лишь отзвукомъ, лишь ропотомъ чуть слышнымъ,
Доходитъ свѣта шумъ, гулъ жизни городской....
Тамъ рай: тамъ дышетъ всё искуствомъ вдохновеннымъ,

Умѣньемъ жить, радушіемъ безцѣннымъ;
Тамъ всё устроено причудливой мечтой,
Воображеніемъ и вкусомъ совершеннымъ.
Въ бесѣдѣ искренней, въ привѣтной простотѣ.
И сердцу женщины и голосу поэта
Равно внимаютъ тамъ; вдали суетъ и свѣта,
Тамъ сладко шепчется о милой суетѣ . . . .
О! счастливъ, кто унесъ изъ свѣтлаго пріюта
Воспоминанія пріятнаго запасъ,
Кто тамъ успѣлъ провесть блаженныя минуты,
Кого тамъ снова ждетъ очарованья часъ! . .
О! счастливъ, чьи слова, чей взоръ тамъ принимаютъ
Съ улыбкой ласковой, съ участіемъ живымъ . . .
Кого какъ друга тамъ порою поминаютъ,
Кого встрѣчаютъ тамъ съ сочувствіемъ роднымъ! . . .

Село Анна, Іюнь, 1838.

V.

СМЕРТЬ ЮНОШИ.

Памяти Платона Жихарева.

Could youth and virtue claim a short delay,
Or beauty charm the spectre from his prey,
Thou still hadst lived! . . .

Byron.

Печаленъ онъ, видъ дуба старожила,
Сраженнаго нещадною грозой,
Когда во прахъ она главу его склонила,
Сломала гордый станъ, и низко подъ травой
Его истлѣвшіе остатки схоронила,
Гдѣ точатъ черви ихъ, и топчетъ муравей;
А отъ него лишь пень, безъ листьевъ и вѣтвей,
Остался, самъ себѣ унылый мавзолей . . . .

Но намъ стократъ прискорбнѣй и больнѣе,
Какъ съ корнемъ вдругъ порывы бурь снесутъ
Младаго тополя, . . . и гибелью навѣя,
Дозеленѣть ему роскошно не дадутъ.
Заря взойдетъ надъ нимъ, его не отогрѣя,
Весна цвѣтущая его не оживитъ;
Онъ въ полѣ оставомъ засохнувшимъ лежитъ,
И быль превратности прохожимъ говоритъ.

Такъ точно горестью въ насъ сердце обдается,
Когда жестокій рокъ надъ счастливой семьей
Внезапно карою громовой пронесется,
Обрушившись надъ юной головой;
Надъ тою головой, кѣмъ свѣтъ и жизнь дается,
Кѣмъ отчій домъ гордится и блеститъ,
Кѣмъ всё блаженствуетъ, кѣмъ всякой дорожитъ,
Кто будущность взамѣнъ минувшаго сулитъ.

И какъ не плакать намъ? . . . Такъ много упованій,
Такъ много свѣтлыхъ сновъ навѣкъ погребено! . . .
Такъ много горькихъ слёзъ, крушительныхъ рыданій
Надъ прахомъ въ дань отцомъ вотще принесено! . . .
О бѣдный юноша! Гдѣ цѣль твоихъ мечтаній?...
Ты столько радостей отъ жизни ожидалъ,
Ты ждалъ любви, страстей, ты славу призывалъ ...
Холодный гробъ тебя объялъ! . . .

Твой путь не кончился, о нѣтъ! твой путь прервался.
На лучемъ поприщѣ его ты довершишь! . . .
Ты съ жизнію сердечною разстался,
Но ясно жизнію души теперь горишь . . .

И тотъ, кто о тебѣ мечтаньямъ предавался,
Кто для тебя просилъ непрочныхъ благъ земныхъ, —
Пусть нынѣ молитъ онъ среди скорбей своихъ,
Чтобъ вѣчной радости удѣлъ тебѣ достался!

Село Анна, Ноябрь, 1838 г.

VI.

СОВѢТЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Dalla perturbazione de'quali sogni destate, riconoscevano se stesse vie più infelice, perchè ne ritraevano che ingannevoli conforti.
Le Notti Romane.

О женщины, . . . любить не торопитесь,
О! не спѣшите вы даръ сердца совершить . . .
Ищите, медлите, мечтайте и молитесь! . . .
Надѣйтеся! . . . надѣяться есть жить!

Вы не минуете земнаго назначенья.
Вы будете и плакать, и любить! . . .
Зачѣмъ безуміемъ младаго нетерпѣнья
Искусъ душевный торопить? . . .

Зачѣмъ идти судьбѣ во стрѣтенье безъ нужды?
Воображенію зачѣмъ давать полетъ?
Истомы нѣжности вамъ не пребудутъ чужды,
И васъ волненіе страстей не обойдетъ.

Пора любви придетъ, пора любви наступитъ, . . .
Пусть до нея созрѣвъ вашъ разумъ жизнь поймет;
Пусть силъ и твердости душа себѣ закупитъ;
Отъ злата мишуру пусть взоръ вашъ познаетъ.

Когда довѣрчиво, мечтой руководимы,
Первопредставшему несете вы поклонъ,
И рушится во прахъ кумиръ боготворимый,
И плачь раскаянья прерветъ минутный сонъ;

И заблужденіе смѣняетъ заблужденье,
И за обманомъ вслѣдъ другой взманитъ обманъ;
Что̀ шагъ, то опытъ вамъ внушаетъ по сомнѣнью;
То съ сердца по цвѣтку уноситъ ураганъ: —

О! горе, горе вамъ!! . . . При каждомъ испытаньи
Вы слабостью чужой заражены,
Всё дальше отъ небесъ, всё ближе къ пресмыканью,
Съ ничтожествомъ тѣснѣй сопряжены!

Примѣръ любимаго, урокъ его безумный
Тлетворно дѣйствуютъ на женскую мечту,
Она, смущенная, теряетъ въ бурѣ шумной
Невинныхъ помысловъ святую чистоту.

На васъ бездушіе свой холодъ навѣваетъ;
Вамъ отрицанья духъ чернитъ весь міръ земной;
Васъ себялюбіе расчету научаетъ,
Тщеславіе сдружаетъ съ суетой.

И если, наконецъ, убитымъ, утомленнымъ,
Онъ, вашъ мечтаемый, внезапно вамъ предсталъ,
И если на пути, мгновенно озаренномъ,
Желанный встрѣтился, и найденъ идеалъ:

Его-ль возлюбите любовію не новой? . . .
Ему-ли бросите обломки сердца въ даръ? . . .
Вы можете-ль, забывъ былыхъ суетъ оковы,
Въ душѣ погаснувшей возжечь священный жаръ? . . .

Рабыни суеты, юродивыя дѣвы,
На встрѣчу жениху пойдете-ль вы въ потьмахъ? . . .
Съ пустымъ свѣтильникомъ, безъ брачной ризы, . . . гдѣ вы
Его обрящете на скрещенныхъ путяхъ? . . .

Ужъ вы истратили души и сердца силы,
И свѣжесть первыхъ чувствъ, и жизни первоцвѣтъ . . . .
Вы поздно хватитесь сокровищей, — и милый,
Предметъ любви, предсталъ, — но въ васъ любви ужъ нѣтъ! . . .

Такъ, шествуя на пиръ, жемчужнымъ ожерельемъ
Безпечная красавица шалитъ,
Заранѣй счастлива задуманнымъ весельемъ,
И розовымъ перстомъ нить слабую крутитъ....

И нить оборвалась, ... за перломъ перлъ чудесный
Скатился, ... канулъ въ пыль.... и скоро спали всѣ ...
Вотъ пиршества порогъ, но гдѣ-жъ нарядъ прелестный?
Увы! растоптанъ въ прахъ, потускъ въ ночной росѣ! ..

О женщины, любить не торопитесь!
Дороже жемчуга любовь души младой;
Съ слѣпымъ невѣдѣньемъ вы ею не дѣлитесь:
Достойному огонь ея святой! ...

Предъ гордымъ, суетнымъ, блажнымъ, самолюбивымъ
Вы жемчугъ женскихъ слезъ не сыпьте въ пыль и прахъ! ...
Не покланяйтесь вы кумирамъ нечестивымъ,
Достойный пусть царитъ у васъ въ сердцахъ! ...

Село Анна, Декабря 1838 г.

VII.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

Петру Александровичу Плетневу.

Es giebt im Menschenleben ewige Minuten! . .
Bouterwek.

I.

Я помню, на гульбищѣ шумномъ,
Дыша веселіемъ безумнымъ,
И говорлива и жива,
Толпилась нѣкогда Москва, —
Какъ встарину любя качели,
Веселый даръ Святой недѣли . . . .
Ни свѣтлый праздникъ, ни весна
Не любы ей, — когда она
Не насладится Подновинскимъ,
Своимъ гуляньемъ исполинскимъ! . . .
Пестро и пышно убрана,
Въ одеждѣ праздничной, она
Слила, смѣшала безъ вниманья
Сословья всѣ, всѣ состоянья;

На день одинъ, на краткій часъ
Сошлись, другъ-другу на-показъ,
Хмѣльной разгулъ простолюдина
Съ степеннымъ хладомъ знати чинной,
Міръ черни съ міромъ богачей,
И старость съ рѣзвостью дѣтей . . . .
И я, ребенокъ боязливый,
Смотрѣла съ робостью стыдливой
На этотъ незнакомый свѣтъ,
Еще на много, много лѣтъ
Мнѣ недоступный . . . . Я мечтала
Приподымая покрывало
Съ грядущихъ дней, о той веснѣ,
Когда достанется и мнѣ
Вкусить забавы жизни свѣтской —
И съ нетерпѣньемъ думы дѣтской
Желала время ускорить,
Чтобъ видѣть, слышать, знать, и жить!...

Народа волны протекали . . .
Однѣ другихъ онѣ смѣняли . . .
Но я не замѣчала ихъ,
Предавшись лету грезъ своихъ.
Вдругъ, всё стѣснилось, и съ волненьемъ,
Однимъ стремительнымъ движеньемъ
Толпа рванулася впередъ, . .
И мнѣ сказали: «Онъ *) идетъ!
«Онъ, нашъ поэтъ, онъ, наша слава,

*) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

«Любимецъ общій! . .» Величавый
Въ своей особѣ небольшой, —
Но смѣлый, ловкій и живой,
Прошелъ онъ быстро предо мной . . .
И глубоко въ воображеньѣ
Напѣчатлѣлось выраженье
Его высокаго чела. —
Я отгадала, поняла
На немъ и генія сіянье
И тайну высшаго призванья,
И пламенныхъ страстей порывъ,
И смѣлость думъ, — наперерывъ
Всегда волнующихъ поэта, —
Смѣсь жизни, правды, силы, свѣта! . . .
Въ его неправильныхъ чертахъ,
Въ его полуденныхъ глазахъ,
Въ его измученной улыбкѣ,
Я прочитала безъ ошибки
Что много, горько сердцемъ жилъ
Нашъ вдохновенный, — и любилъ,
И презиралъ, и ненавидѣлъ, ...
Что свѣтъ не разъ его обидѣлъ, . . .
Что рокъ не разъ ужъ уязвилъ
Больное сердце, . . . что манилъ
Его напрасно сонъ лукавый
Надеждъ обманчивыхъ, . . . что слава
Досталася ему цѣной
И роковой и дорогой! . . .
Ужъ онъ прошелъ, — а я въ волненьи
Мечтала о своемъ видѣньи, —

И долго, долго въ грёзахъ сна
Имъ мысль моя была полна! . . .
Мнѣ образъ памятный являлся,
Арабскій профиль рисовался,
Блисталъ молніеносный взоръ, —
Взоръ выражающій укоръ
И пѣни раны затаенной! . . .
И часто дѣвочкѣ смиренной
Сіяньемъ чуднымъ озаренъ
Всё представалъ, всё снился онъ! . . .

II.

Я помню, я помню другое свиданье:
На балѣ блестящемъ, въ кипящемъ собраньѣ,
Гордясь кавалеромъ, и обруку съ нимъ,
Вмѣшалась я въ танцы, . . . и счастьемъ моимъ
Въ тотъ вечеръ прекрасный весь міръ озлащался.
Онъ съ нѣжнымъ привѣтомъ ко мнѣ обращался;
Онъ дружбой безъ лести меня ободрялъ;
Онъ думъ моихъ тайну развѣдать желалъ . . . .
Ему разсказала молва городская,
Что душу небесною пищей питая,
Поэзіи чары постигла и я, —
И онъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на меня, —
Пѣснь женскаго сердца, пѣснь женскихъ страданій,
Всю повѣсть простую младыхъ упованій,
Изъ устъ моихъ робкихъ услышать хотѣлъ . . . .

Онъ выманить скоро признанье успѣлъ
У дѣвочки, мало знакомой съ участьемъ,
Но свыкшейся рано съ тоской и несчастьемъ....
И тайны не стало въ душѣ для него! . . .
Мнѣ было не страшно, не стыдно его . . .
Въ душѣ геніальной есть братство святое:
Она обѣщаетъ участье родное,
И съ нею сойтись намъ отрадно, легко;
Надъ нами паритъ она такъ высоко.
Что ей неизвѣстны, въ ея возвышеньѣ,
Взыскательныхъ дольныхъ умовъ осужденья....
Вниманьемъ поэта въ душѣ дорожа, —
Подъ говоръ музыки, украдкой, дрожа,
Стихи безъ искусства ему я шептала,
И взоръ снисхожденья съ восторгомъ встрѣчала.
Но онъ, вдохновенный, съ какой простотой
Онъ исповѣдь слушалъ души молодой!
Какъ съ кроткимъ участьемъ, съ улыбкою друга,
Отъ раннихъ страданій, отъ злаго недуга,
Отъ мрачныхъ предчувствій онъ сердце лечилъ,
И жить его въ мирѣ съ судьбою училъ! . . .
Онъ пылкостью прежней тогда оживлялся,
Онъ къ юности знойной своей возвращался,
О ней говорилъ мнѣ, её вспоминалъ . . . .
Со мной молодѣя, онъ снова мечталъ . . . . . .
Жалѣлъ онъ что прежде, въ разгульные годы
Его одинокой и буйной свободы
Судьба не свела насъ, . . . что раньше меня
Онъ отжилъ, . . . что поздно родилася я . . . .
Жалѣлъ онъ что пѣсни дѣвической страсти

Другому поются, . . . что тайныя власти
Велѣли любить мнѣ, любить не его, —
Другаго! . . . И много сказалъ онъ всего! . . .
Слова его въ душу свою принимая,
Ему благодарна всѣмъ сердцемъ была я . . . .
И много минуло годовъ съ того дня,
И много узнала, извѣдала я . . . .
Но живо и нынѣ о немъ вспоминанье;
Но рѣчи поэта, его предвѣщанье
Я въ памяти сердца храню, какъ завѣтъ,
И ими горжусь, ... хоть его уже нѣтъ! . . .
Но эти двѣ первыя, чудныя встрѣчи
Безоблачной дружбы мнѣ были предтечи, —
И каждое слово его, каждый взглядъ
Въ мечтахъ моихъ свѣтлою точкой горятъ! . . .

Село Анна, Декабрь, 1839 г.

VIII.

СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ.

When vapours, rolling the valley, made
A lonely scene more lonesome.
Wordsworth.

Весеннихъ дней цвѣтущее убранство,
Березы, тополи, душистыхъ липъ семья,
Прекрасны вы, . . . но нѣтъ въ васъ постоянства;
Не вамъ, не вамъ душа сочувствуетъ моя!

Какъ ложный другъ, какъ съ конченнаго пира
Гость поспѣшавшій прочь, вкусивъ веселья часъ....
Такъ измѣня поблекнувшему міру,
Предъ зимнею порой вы умерли для насъ.

Густой листвой въ день майскій вы одѣты,
И зеленью вѣнчанны какъ цари;
Но осень лишь дохнетъ, смѣняя лѣто,
И вы роняете наряды всѣ свои . . . .

Нагіе, нищіе, какъ привидѣнья
Вы намъ являетесь, пугая смертныхъ взоръ,
Стѣсняя грудь, какъ грозныя сравненья,
Всего живущаго нещадный приговоръ . . . .

Пристала вамъ блестящая картина
Полей муравчатыхъ, украшенныхъ садовъ;
Растете вы въ угодьяхъ властелина,
У дома богачей, какъ рой нѣмыхъ льстецовъ.

Подъ вашу тѣнь, подъ роскошные своды
Веселье, счастье, смѣхъ, сама любовь бѣгутъ;
Вы любите и пѣснь, и хороводы;
Всѣмъ жизни праздникамъ даете вы пріютъ.

Но дерево другое мной любимо:
Въ безлюдьи, въ пустынѣ въ глуши живетъ оно;
Имъ населенъ и сѣверъ нашъ родимый,
И на развалинахъ рости ему дано.

Товарищъ слёзъ, стражъ вѣрный при могилахъ,
Утѣха и нарядъ безрадостной зимы,
Среди снѣговъ, или въ пескахъ унылыхъ
Съ любовью искренней его встрѣчаемъ мы.

•

Оно, какъ другъ намъ вѣрный въ испытаньѣ,
Какъ безкорыстный рабъ, нашъ спутникъ въ черный день;
Всегда, вездѣ, въ смиренномъ одѣяньѣ,
Оно отрадную намъ представляетъ тѣнь.

Сосна, сосна! мрачна ты, вѣковая;
Безсмѣнный твой нарядъ печаленъ и угрюмъ:
Но я тебя въ снѣгахъ родныхъ встрѣчая
Люблю и чевствую, какъ друга скорбныхъ думъ.

Въ Хрѣновскомъ лѣсу, 17 Декабря, 1838 г.

IX.

КНЯЗЮ В. Ѳ. ОДОЕВСКОМУ.

Попечителю младенческихъ пріютовъ, посылая ему, въ пользу сихъ заведеній мою поэму *).

У нашихъ бабушекъ обычай былъ старинный,
Обычай кроткій и святой,
Къ подножью алтарей нести съ своей мольбой
Трудолюбивыхъ рукъ даръ чистый и невинный.
Усердія залогъ не дорогой . . . .
На свѣчи въ Божій храмъ, на ладонъ, на елей,
Онѣ работали за плату,
Забывъ спѣсь барскую, и родовое злато,
И жертвуя Кресту всей гордостью своей, —

*) Обстоятельства помѣшали ей быть напечатанной тогда: предполагаемый сборникъ въ пользу заведенья не состоялся, и рукопись была мнѣ возвращена: это Дневникъ Дѣвушки.

На свѣчи въ Божій домъ, на ладанъ, на элей,
Онѣ работали за плату . . . .
Прялася пряжа въ теремахъ
Бѣлились и мотались нитки, . . .
Постъ наступалъ, — смиренные пожитки
Въ продажу шли на рынкахъ, на торгахъ . . . .
И выручивъ трудовую копѣйку.
Боярышни, княжны, довольныя собой,
Накинутъ на плечо парчевую шубѣйку,
Покроются шелковою фатой, —
И въ Божій храмъ пойдутъ съ мольбой....
Какъ бѣдная библейская вдовица
Что лепту принесла добытую въ трудахъ, —
Онѣ съ даяніемъ являлися въ церквахъ, —
И улыбалась имъ Небесная Царица
Съ своей надзвѣздной высоты.
Любя духъ кротости, смиренья, простоты . . . .
отъ вѣкъ давно прошелъ, — но я его преданья
Душою русскою всегда люблю и чту, —
И нынче, тайную осуществивъ мечту,
Всѣмъ сердцемъ приношу посильное даянье,
Чтобъ пріютить, согрѣть младенцевъ нищету! . . .
Какъ свѣчи бабушекъ, ихъ вѣчныя лампады,
Какъ ихъ трудовые гроши. —
Для бѣдныхъ, для сиротъ пожертвовать я рада
Созданье думъ моихъ, и мысль и жизнь души!...
Двухъ женщинъ набожныхъ то было назначенье;

Я повинуюсь имъ! пусть это приношенье
За нихъ, за здравье ихъ, за счастье и покой
Отъ неба примется, пусть даръ пребудетъ мой
Ходатаемъ за нихъ у провидѣнья! . . .

Село Анна, Февраль, 1839 г.

X.

ИСКУШЕНЬЕ.

J'aime l'ivresse d'une fête
Le comte de Rességuier.

Двѣнадцать бьетъ, двѣнадцать бьетъ! . .
  О! баловъ часъ блестящій, —
Какъ незамѣтенъ твой приходъ
  Среди природы спящей!
Какъ здѣсь, въ безлюдной тишинѣ,
  Въ свѣтлицѣ безмятежной,
Ты прозвучалъ протяжно мнѣ,
  Беззывно, безнадежно! . .

Бывало, только ты пробьешь,
  Я въ полномъ упоеньи,
И ты мнѣ радостно несешь
  Всѣ свѣта обольщенья . . . . .
Теперь находишь ты меня
  За книгой, за работой, . . .
Двухъ люлекъ шорохъ слышу я
  Съ улыбкой и заботой.

И свѣтелъ, сладокъ мой покой,
И дома мнѣ не тѣсно, ...
Но ты смутилъ умъ слабый мой
Тревогою безвѣстной;
Но ты внезапно оживилъ
Мои воспоминанья;
Въ безумномъ сердцѣ пробудилъ
Безумныя желанья!

И мнѣ представилось: теперь танцуютъ тамъ,
На дальной родинѣ, навѣкъ избранной мною . . . .
Рисуются въ толпѣ наряды нашихъ дамъ,
Ихъ ткани легкія съ отдѣлкой щегольскою;
Ярчей наслѣдственныхъ алмазовъ тамъ блестятъ,
Глаза безчетные, весельемъ разгорѣвшись . . . . .
Опередивъ весну, до время разогрѣвшись,
Тамъ свѣжіе цвѣты свой сыплютъ ароматъ . . .
Красавицы летятъ, красавицы порхаютъ,
Ихъ вальсы Ланнера и Штрауса увлекаютъ
Неодолимою игривостью своей . . .
И всё шумнѣе балъ . . . и танцы всё живѣй! . . .

И мнѣ всё чудится! . . Но, ахъ! . . въ одномъ мечтаньѣ! . . .
Меня тамъ нѣтъ! меня тамъ нѣтъ! . .
И можетъ быть, мое существованье
Давно забылъ безпамятный сей свѣтъ! . .
Въ тотъ часъ, когда меня волнуетъ искушенье,
Когда къ утраченнымъ утѣхамъ я стремлюсь,
Я сердцемъ мнительнымъ боюсь —

Что всякое о мнѣ умолкло сожалѣнье . . .
Что если бы теперь межъ нихъ предстала я,
Они спросили бы, минутные друзья:
«Кто это новое явленье?» . . .

О! пусть сокроются навѣкъ мои мечты,
Мое пристрастіе и къ обществу и къ свѣту
Отъ васъ, гонители невинной суеты! . .
Неумолимые, вы женщинѣ — поэту
Велите мыслію и вдохновеньемъ жить,
Живую молодость лишь пѣснямъ посвятить,
Отъ всѣхъ блистательныхъ игрушекъ отказаться,
Всё намъ врожденное надменно истребить,
Отъ рѣзвыхъ прихотей раздумьемъ ограждаться...
Вамъ, судьи строгіе, вамъ недоступенъ онъ,
Ребяческій восторгъ на праздникахъ веселыхъ!
Вы не поймете насъ, — вашъ умъ предубѣжденъ,
Вашъ умъ привыкъ коснѣть въ мышленіяхъ тяжелыхъ.
Чтобъ обаяніе средь свѣта находить,
Быть надо женщиной, иль юношей безпечнымъ,
Безспорно слѣдовать влеченіямъ сердечнымъ,
Не мудрствовать вотще, радушный смѣхъ любить...
А я, я женщина во всемъ значеньи слова,
Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполнѣ;
Я только женщина, . . . гордиться тѣмъ готова,...
Я балъ люблю! . . отдайте балы мнѣ! . .

Село Анна, Февраль, 1839 г.

XI.

НОВОБРАЧНОЙ.

. . . . . Voyez l'espérance
Marcher sur tous vos pas et dans tous vos chemins!
Le comte Jules de Rességuier.

Какъ свѣтлая долина, развернулось
Твое грядущее блестящей полосой;
Тебѣ судьба привѣтно улыбнулась,
Благословенія разсыпавъ надъ тобой.
Ты обрѣла желаемаго друга,
О комъ давно въ тиши любила ты мечтать,
Кого въ часы страданья и недуга,
Давно привыкла ты на помощь призывать;
Ты не одна! . . и взоры безъ участья
Теперь ужъ твой покой, твой духъ не возмутятъ;
Ты не одна! . . . Васъ двое! Ваше счастье
Ни козни ни враги теперь не устрашатъ;
Ложь прежнихъ сновъ, былыхъ надеждъ ошибки,
Забыто все! . . . Тебя ужъ сны не соблазнятъ! . . .
И вмѣсто слёзъ, однѣ любви улыбки

Отнынѣ твой удѣлъ . . .
Я на тебя гляжу
Съ невольнымъ трепетомъ, съ душою умиленной:
Любуюся тобой, ожившей, обновленной,
И радости полна, невольно дорожу
Блаженства зрѣлищемъ, какъ рѣдкостью безцѣнной.
Такъ любовалась я черёмухой младой,
Какъ нѣкогда, въ саду моемъ тѣнистомъ,
Она, измятая ненастьемъ и грозой,
Внезапно ожила предъ утренней зарей,
И солнце увидавъ, одѣлась въ цвѣтъ душистый.

Село Анна, 10-го Марта, 1839 г.

XII.

ВОСПОМИНАНЬЕ.

Александрѣ Осиповнѣ Смирновой.

Въ веселой рѣзвости мила,
Въ тоскѣ задумчивой милѣе...
Козловъ, Чернецъ.

Нѣтъ, вы не знаете её,
Кто ей лишь въ свѣтѣ покланялись,
Куренье страстное свое.
Восторгъ и жаръ боготвореній
И паѳосъ пышныхъ всесожженій
Въ дань принося смиренно ей! ...
Вы всѣ, — кто удивлялись въ ней
Уму блистательно-живому,
Непринужденной простотѣ,
И своенравной красотѣ,
И глазокъ взору огневому, —
Нѣтъ! ... Вы не знаете её! ...
Вы, кто слыхали, кто дѣлили
Ея бесѣду, кто забыли

На мигъ заботное житье,
Внимая ей въ гостинныхъ свѣтскихъ!..
Кто суетно её любилъ
Кто въ ней лишь внѣшній блескъ цѣнилъ;
Кто первый пылъ мечтаній дѣтскихъ
Ей безъ сознанья посвятилъ, —
Повѣрьте, — вы её не знали, —
Нѣтъ!... Вы её не понимали, —
Вы искру нѣжности святой,
Вы свѣтлый лучь любви живой
Въ ея душѣ не угадали!...

А вы, степенные друзья,
Вы тѣсный кругъ ея избранныхъ,
Вы, разумъ въ ней боготворя,
Любя въ ней волю мыслей странныхъ,
Вы мните знать её вполнѣ?..
Вы мните, — въ дальней глубинѣ.
Ея души необъясненной
Для васъ нѣтъ тайны сокровенной?..
Но вамъ являлась-ли она,
Раздумья томнаго полна,
Въ тоскѣ тревожной и смятенной,
Когда хулою вдохновенной,
Въ разувѣренья горькій часъ,
Она клянетъ тщету земную,
Обманы сердца, жизнь пустую,
И женщинъ долю роковую,
И всё, и всѣхъ.... себя и васъ?...
Когда съ прелестныхъ черныхъ глазъ

Слеза жемчужная струится, . . .
Когда змѣею вороной
Коса отъ плечъ къ ногамъ ложится, . . .
Когда мечта ея стремится
Въ міръ лучшій, въ міръ ея родной,
Гдѣ обрѣтетъ она покой, —
Иль въ тѣсный гробъ, иль въ склѣпъ могильный,
Гдѣ объяснится наконецъ
Души больной, души безсильной
Начало, тайна, и конецъ, . . .
Гдѣ мнится ей что оставъ пыльный
Почіетъ въ мракѣ гробовомъ
Ничтожества спокойнымъ сномъ . . . .
Её я помню въ дни такіе:
Какъ хороша она была! . .
Какъ дружба къ ней меня влекла . .
Какъ сердца взрывы роковые
Я сердцемъ чуткимъ стерегла! . .
Нѣтъ, не улыбки къ ней пристали,
Но вздохъ возвышенной печали;
Но буря, страсть, тоска, борьба, . . .
То бредъ унынья, то мольба, . . .
То смѣлость гордыхъ упованій,
То слабость женскихъ возставаній! . . .
Нѣтъ, не на сборищахъ людскихъ,
И не въ нарядахъ дорогихъ
Она сама собой бываетъ:
И нравъ и духъ свой проявляетъ
Кто хочетъ сердце видѣть въ ней,

Кто хочетъ знать всю цѣну ей,
Тотъ изучай ее въ страданьи,
Когда душа ея болитъ,
И рвется въ ней, и въ ней горитъ,
Тоскуя въ жизни, какъ въ изгнаньи! . . .

Село Анна, Апрѣль, 1839 г.

XIII.

КЛЕЙМО ТОСКИ.

Son sourire est jeune, il s'en est si peu servi! . .
Alphonse Karr, sous les tilleuls.

Ce signe de malheur que les anciens appelaient fatalité . . .
Léa Cornélia.

Vingt ans, et triste? . . Ah! vous me faites peur . . .
M-me Desbordes-Valmore.

Да! есть клёмо тоски на лицахъ омраченныхъ,
Клеймо несчастія, предвѣстье мукъ и слёзъ!
Да! знакомъ роковымъ проклятья и угрозъ
Судьба отмѣтила всѣхъ горю обрѣченныхъ!

Какъ ихъ легко узнать по блеску ихъ очей,
По гордому челу, по рѣдкой ихъ улыбкѣ,
По рѣчи пламенной, гдѣ слышенъ безъ ошибки
Весь отзвукъ жалобный подавленныхъ страстей!..

Съ какой отвагою безумной и тревожной
Они преслѣдуютъ надеждъ и сновъ зарю!
Какъ щедры на восторгъ, на преданность свою,
И какъ въ любви неосторожны! . .

Судьба, вдохнувши имъ опасныя мечты,
Ихъ отъ скалы крутой къ сокрытой безднѣ водитъ,
То въ искушенье ихъ лукавой шуткой вводитъ,
То броситъ ихъ къ ногамъ бездушной красоты.

И не минуетъ ихъ, и сбудется надъ ними
Несчастный приговоръ, предосудившій ихъ:
Ничто ихъ не спасетъ, ни дружба къ нимъ родныхъ . . .
Ни тайныя мольбы, невѣдомыя ими! . . .

Не даромъ въ ихъ чертахъ клеймо тоски горитъ,
Не даромъ взоры ихъ такъ полны выраженья,
И бурной ихъ души высказываютъ пѣни:
Имъ испытанье предстоитъ! . .

Недаромъ такъ грустна улыбка ихъ нѣмая;
Недаромъ сердце ихъ глубокихъ чувствъ полно,—
И ходятъ голову къ землѣ они склоняя:
Имъ много горя суждено! . .

Да! есть клеймо тоски на лицахъ омраченныхъ,...
За то, кто, встрѣтя ихъ, безъ трепета пройдетъ?...
Чье сердце блѣдность ихъ, ихъ взоръ не увлечетъ?
Кто не мечталъ о незабвенныхъ? . . .

Село Анна, Апрѣль, 1839 г.

XIV.

ЦВѢТОКЪ НА МОГИЛУ.

На смерть Елисаветы Михайловны Хитровой, урожденной Княжны Кутузовой-Смоленской.

Light be the turf of thy tomb!
Bright be the peace of thy soul!
Byron, Miscellaneous poems.

Ея ужъ нѣтъ! . . . одной душой прекрасной
Бѣднѣе сталъ нашъ коловратный свѣтъ;
И громкій плачь, и плачь единогласный
Провозвѣстилъ: «Ея ужъ нѣтъ! . .»

На-дняхъ еще, на дняхъ она блистала
Осенною, но свѣжею красой,
Любила жизнь . . . и вдругъ ея не стало . . .
Пресѣкся путь ея земной!

Красавицы! усыпьте вы цвѣтами
Тотъ гробъ гдѣ спитъ какъ падшій цвѣтъ она!
Она была прославлена межъ вами:
Молва хвалой ея полна.

Прощальный гимнъ воспойте ей, поэты!
Въ васъ даръ небесъ цѣнила, поняла
Она душой, святымъ огнемъ согрѣтой —
И другомъ Пушкину была!

Страдальцевъ рой, сиротъ и вдовъ собранье,
Кто въ ней нашли заступницу и мать, —
Вы знаете, какъ скорби и страданья
Она умѣла утѣшать!

Вашъ плачь ей дастъ небесное блаженство;
Онъ вѣчную ей память обрѣтетъ.
Пусть гибнутъ всѣ земныя совершенства —
Благотворенье не умретъ!

Въ Пятигорскѣ, на Кавказѣ, Іюнь, 1839 г.

XV.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОНЪ НОЧЬЮ.

Those evening bells, those evening bells!
How many a tale their music tells
Of youth and home! . .
Thomas Moore.

Онъ томно загудѣлъ, торжественный, нежданный,
Въ необычайный часъ;
Онъ мой покой прервалъ, и мигомъ сонъ желанный
Прогналъ отъ жаркихъ глазъ.

Мнѣ сладко грезилось . . . волшебныя видѣнья
Носились надо мной,
Смѣнивъ дня знойнаго тревоги и волненья
Отрадной тишиной.

Мнѣ сладко грезилось, . . . и вдругъ вотъ онъ раздался,
Неумолимый звонъ . . . .
Какъ жалобный набатъ, онъ въ сердцѣ отзывался,
Какъ близкой смерти стонъ . . .

Невольный, чудный страхъ мнѣ душу обдалъ хладомъ,
Мнѣ мысли взволновалъ,
Земныя бѣдствія въ картинахъ мрачныхъ рядомъ
Мнѣ живо рисовалъ.

Я вспомнила что здѣсь, при церкви одинокой,
Одна и таже мѣдь
Гласитъ всѣ вѣсти зла, и надъ людьми высоко
Съ людьми должна скорбѣть.

Что къ отходящему таинственное мѵро
Сопутствуетъ она,
И надъ усопшими плачь сродниковъ, пѣснь клира,
Всё вторитъ, чуть слышна;

Что гибельный пожаръ трезвонистымъ набатомъ
Ей должно возвѣщать,
И горцевъ яростныхъ съ арканомъ и булатомъ
Стеречь и упреждать . . .

И долго я потомъ внимала въ удивленьѣ
Взывающей меди . . .
И долго маялось унылое смятенье
Въ измученной груди.

Боязнью и тоской я долго трепетала,
Мой духъ былъ омраченъ;
Больная голова горѣла и пылала . . .
Не возвращался сонъ!

Луны волшебный свѣтъ надъ садомъ ароматнымъ,
Полуденная ночь,
И вамъ не удалось вліяньемъ благодатнымъ
Думъ грустныхъ превозмочь! . .

Меня предчувствіе зловѣщее томило,
Какъ будто предъ бѣдой . . .
Какъ будто облако всю будущность затмило
Предъ гибельной грозой.

Пятигорскъ; 20-го Іюля, 1839 г.

XVI.

НАРДЗАНЪ.

Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll . . .
Goethe.

О, нѣтъ! не сравнивайте съ нимъ
Ручьи Швейцаріи подгорной,
Ни памятный сердцамъ младымъ
Воспѣтый Пушкинымъ самимъ
Бахчисарая ключь покорный! . . .
О, нѣтъ! . . Какъ въ свѣтѣ межъ людей
Безъ вдохновенья и страстей,
Страдальцы есть съ душой кипучей,
Залогомъ мысли и любви, —
Съ страстями жаркими въ крови,
Съ стременьемъ воли всемогучей;
Такъ мехъ потоковъ и ключей
Текущихъ, бьющихъ по вселенной,
Порывной силою своей
Нардзанъ извѣстенъ сребропѣнный.
Такъ онъ, нашъ богатырь-родникъ, *)

*) Нардъ-занъ, въ нарѣчіи горныхъ племенъ значитъ: «вода-богатырь.»

Подземной феей очарованъ
Остался воленъ, гордъ и дикъ,
Хоть крѣпкимъ онъ окопомъ скованъ;
Такъ онъ источникамъ другимъ
Ни въ чемъ не равенъ, не подобенъ! . .
Кавказа честь, онъ превосходенъ
Стремленьемъ бѣшено-живымъ,
Огнемъ разлитымъ въ хладной влагѣ,
Цѣлебнымъ свойствомъ, чистымъ дномъ,
И дикой прихотью отваги,
И вѣчно зыблемымъ жерломъ.
Онъ блещетъ пѣною алмазной,
Онъ сыплетъ искры, онъ кипитъ,
И разсыпаясь въ нѣгѣ праздной,
Поетъ, и пляшетъ, и шумитъ.
Въ немъ воля есть; въ немъ силъ избытокъ,
Въ немъ блажь порывная видна.
Неукротимъ, мятеженъ, прытокъ,
Онъ отъ поверхности до дна
Всегда бѣжитъ, . . всегда стремится, . .
Трепещетъ полный тайныхъ смутъ;
Какъ лава, въ клубахъ онъ струится,
Но жизнь струи его несутъ.
Онъ наше лучшее стяжанье
Средь завоеванной страны!
Онъ намъ осуществилъ преданье
Родимой нашей старины
О баснословной, знаменитой
Живой водѣ, такъ часто питой
Богатыремъ, илъ красотой,

Во исцѣленье порчи злой . . . .
Для слуха, сколько въ немъ отрады!
Для взора, сколько въ немъ красы! . .
Какъ въ полдень въ знойные часы,
Онъ благодатною прохладой
Усталыхъ путниковъ поитъ! . . .
О! миръ ему, и миръ долинѣ,
Гдѣ изъ ущелистой пустыни
Онъ пристань райскую творитъ! . .

Кисловодскъ, 25-го Іюля, 1839 г.

XVII.

ОЛЬХОВКА.

Ручей, віющійся по свѣтлому песку,
Сколь тихая твоя гармонія пріятна!
Жуковскій.

Я днемъ волны не вижу блескъ,
Я днемъ не слушаю твой плескъ,
Моя прелестная Ольховка:
Когда толпа вокругъ меня
Въ заботахъ и занятьяхъ дня
Шумитъ и бродитъ, — мнѣ неловко,
Мнѣ совѣстно тебѣ внимать
Разсѣяннымъ, прерывнымъ слухомъ;
Я не могу тревожнымъ духомъ
Природы чары оцѣнать! . .
Чтобъ созерцать, чтобъ наслаждаться,
Чтобъ чувствовать её вполнѣ,
Люблю съ мечтой наединѣ
Отъ жизни внѣшней удаляться,
Жить созерцаньемъ и душой . . . . .
И можно-ли, подъ шумъ пустой
Рѣчей условныхъ, безъ значенья,

Имъ отвѣчать изъ снисхожденья,
Улыбкой ложною дарить
Привѣтовъ пошлыхъ смыслъ тяжелый,
Въ бесѣдѣ скучной быть веселой,
И въ сердцѣ думу хоронить? . .

О нѣтъ! . . Поэзія святая
Въ разводѣ съ свѣтомъ навсегда! . .
Межъ ними время раздѣляя,
И дома жизнь мечтой питая,
Я въ обществѣ мечтамъ чужда;
Смѣюсь, шучу, . . . и мнѣ тогда
Нѣтъ дѣла до красы природы,
До горныхъ видовъ, снѣжныхъ главъ,
До южныхъ птицъ и рѣдкихъ травъ,
До чудно-голубаго свода . .
Тебя-ль, смиреннаго ручья,
Тогда услышу и замѣчу? . .
Тебя-ль съ привѣтной думой встрѣчу,
Ольховка милая моя? . .

* * *

Но ночь приходитъ. На балконѣ
Въ раздумьѣ сладостномъ сижу.
Луна горитъ на небосклонѣ,
Сіяютъ звѣзды; я гляжу, —
И вздохомъ душу отвожу
Отъ смутъ дневныхъ, суетъ тревожныхъ,
Отъ мыслей и бесѣдъ ничтожныхъ . . .

Тогда, твой ропотъ, говоръ твой,
Твое волшебное журчанье
Мнѣ въ сердце льютъ очарованье
И нѣгу съ томной тишиной.
Тогда, плесканью струй шумящихъ
Прислушиваюсь жадно я:
Тогда полна душа моя
Думъ и восторговъ вдохновящихъ.
Тогда я жизнію вполнѣ,
Сердечной жизнью существую,
И праздникъ сердца торжествую
Благоговѣя, въ тишинѣ.
Поэзіей и умиленьемъ
Блаженствомъ, небомъ, восхищеньемъ
Тогда спѣшу упиться я,
И наяву, — мнѣ сновидѣньемъ
Сдается прелесть бытія . . .

И ты, и ты, съ твоимъ журчаньемъ,
Очарованью тѣхъ минутъ,
Безцѣннымъ ихъ воспоминаньямъ
Принадлежишь! . . . Не унесутъ
Тебя изъ памяти сердечной
Ни дни, ни годы, — и твой шумъ,
Твое журчанье будутъ вѣчно
Мнѣ приходить вдали на умъ
Въ минуту тихихъ ясныхъ думъ . . . .

Кисловодскъ, 5-го Августа, 1839 г.

XVIII.

ПРОСТИ КАВКАЗЪ!

Fair clime, farewell!
Byron.

Прости, волшебный край, гдѣ нѣсколько счастливыхъ
Я провела часовъ подъ небомъ голубымъ!
Гдѣ нѣжилась душа въ покоѣ грёзъ лѣнивыхъ;
Гдѣ южной теплотой и солнцемъ огневымъ,
Давно желанными, вполнѣ я насладилась;
Гдѣ съ горнимъ воздухомъ я свыклась и сроднилась,
Какъ съ односвойственной землей привозный цвѣтъ:
Гдѣ вѣчно убрана въ улыбку и привѣтъ,
Всей прелестью своей природа облачилась
Гостямъ издалека какъ будто на показъ; —
Прости, прости Кавказъ! . .

Ты породилъ во мнѣ восторгъ и удивленье,
Ты взоры тѣшилъ мнѣ, мечты мои питалъ,
Ты чуднымъ зрѣлищемъ возвышенныхъ явленій
Воображеніе безсмѣнно поражалъ.

Хоть мысль, кипя во мнѣ, въ ладъ пѣсни не клѣилась,
Хоть дума въ мѣрный стихъ и въ звукъ не обратилась,
Но много, много ихъ мнѣ въ душу залегло . . .
Ихъ много въ памяти и сердцѣ разцвѣло! . .
Я жить и чувствовать всечасно торопилась, —
Я уношу съ собой и чувствъ и думъ запасъ, ...
Прости, прости Кавказъ!

Пора въ обратный путь, къ своимъ степямъ засохшимъ
Въ страну несносныхъ бурь, тумановъ и снѣговъ,
Въ однообразный край, гдѣ по тропамъ заглохшимъ
Ковылью поростетъ и тѣнь моихъ слѣдовъ;
Гдѣ мертвой тишиной, унылымъ запустѣньемъ
Полны и мысль и взоръ; гдѣ скучнымъ отдаленьемъ
Отъ свѣта и людей почти отчуждена,
Я одинокому мечтанью предана!!!
Пора въ обратный путь! . . . Съ напраснымъ сожалѣньемъ
На всё окрестное гляжу въ послѣдній разъ . . . .
Прости, прости Кавказъ!

Кисловодскъ, 11-го Августа, 1839 г.

XIX.

ХОЛОДЪ И МГЛА.

> Les premiers froids comme les premiers malheurs de la vie, saisissent le plus vivement; c'est qu'ils flétrissent les feuilles et les espérances! . .
>
> *Gustave Drouineau, L'ironie.*

Ахъ! солнца хочу я . . . ахъ! солнца хочу! . .
Мнѣ тёмно, . . . мнѣ грустно, . . мнѣ скучно! . .
Годами безъ счёта теперь заплачу
За солнца привѣтъ я радушный,
За теплый день юга, за небо безъ тучь,
За воздухъ, душѣ благотворный
Пусть сердце согрѣлъ-бы живительный лучь,
Напрасны желанья и слёзы:
Разсѣялъ-бы мглу думы черной! . .
Но нѣтъ! . . вы напрасны, моленья больной,
Напрасны желанья и слёзы:
Природа увяла, съ блестящей весной
Увяли и радости — розы! . .

Село Анна, Сентября, 1839 г.

XX.

ОСИРОТѢЛЫЙ КОНЬ.

Посвящается Дарьѣ Алексѣевнѣ Полтавцевой.

Ce superbe coursier, qu'on voyait autrefois
Plein d'une ardeur si noble obéir à sa voix,
L'oeil morne maintenant et la tête baissée . . .
Racine.

Гирей! куда тебя ведутъ? . .
Зачѣмъ усердно берегутъ? . .
Какому всаднику готовятъ? . .
Кто, нетерпѣніемъ горя
И жадно на тебя смотря,
Твой поводъ шелковый уловитъ?
Кто, на могучій твой хребетъ
Вспрыгнетъ съ отвагой молодецкой,
Кто, смѣлый, съ радостію дѣтской
Встряхнувъ обновку-эполетъ,
Предъ строемъ на тебѣ предстанетъ,
Съ тобой красуясь заодно, —
И зависть сослуживцевъ взманитъ
Конемъ, расхваленнымъ давно? . . .
Подъ кѣмъ твой пылъ воспламенится?
Подъ кѣмъ свободно и слегка

Ретивый бѣгъ твой укротится,
И выя гибкая скруглится,
Почуя волю ѣздока?
Кто будетъ съ лаской горделивой
Тебя голубить и холить?
Твоею статностью спѣсивой
Кто будетъ взоръ свой веселить? . .

Увы! . . Онъ спитъ въ сырой могилѣ,
Твой бѣдный баринъ молодой . . . .
И вмѣстѣ съ нимъ, скорбя, зарыли
Надеждъ блестящихъ сонъ златой! . .
Земныя всѣ предположенья,
Всѣ думы, всѣ мечты о немъ, —
Какой конецъ имъ? . . разрушенье!!
Семьи несчастной сокрушенье,
Да память вѣчная съ крестомъ! . .
Теперь, серебряныя латы
Надъ сердцемъ жаркимъ не горятъ;
Теперь, въ роскошныя палаты
Пиры его не заманятъ . . . .
Не долго длилось наслажденье,
Не много онъ для счастья жилъ!
Ни красоты, ни упоенья
Въ немъ лютый рокъ не пощадилъ!

А ты, товарищъ нарѣченный
Его воинственныхъ трудовъ,
Твой подвигъ конченъ, — и готовъ
Тебѣ покой незаслуженный!

Тебя печально отведутъ
Въ денникъ, обитый чёрной тканью . .
Тебя на поле славной брани
Возгласы трубъ не призовутъ! . . .
Поникни буйной головою,
Искристый взоръ свой потуши! . .
Тебѣ назначено судьбою
Отжить свой вѣкъ въ нѣмой глуши! . . .

Село Анна, Сентябрь, 1839 г.

XXI.

РАЗДУМЬЕ РЫЦАРЯ.

Баллада.

Блаженъ, кто вѣруетъ! . . тепло ему на свѣтѣ! . .
Горе отъ ума

«Со всѣми на пиру красавица моя
Радушно, мило говорила;
Но круговая рѣчь коснулась до меня, —
Она рѣчь гордо прекратила . . . .
Всѣ собесѣдницы шутили надо мной,
Мою задумчивость пытали;
Её не разсмѣшилъ ихъ хохотъ молодой,
Уста и взоръ ея молчали.

«Потомъ, когда гостямъ пришла пора поднесть
Заздравный кубокъ угощенья, —
Съ улыбкой ласковой она привѣтъ и честь
Всѣмъ воздала безъ исключенья;
Но въ очередь мою, краснѣя, смущена,
Мнѣ чашу трепетной рукою
Безъ ласки и безъ словъ напѣнила она . . .
И быстро скрылась за толпою!

«На дняхъ, когда въ толпѣ товарищей-друзей
Къ ея балкону подъѣзжалъ я
На борзомъ скакунѣ, — и счастливъ встрѣчей съ ней
Восторгомъ радостнымъ пылалъ я, —
Съ другими кланяясь, она бросала имъ
Цвѣты душистаго букета . . .
А мнѣ, лишь строгій взоръ, съ презрѣніемъ нѣмымъ! . .
Мнѣ ни поклона, ни привѣта! . .

«Зачѣмъ преслѣдуетъ упорно такъ меня
Она немилостью своею? . .
Зачѣмъ, межъ юношей, ей чуждъ одинъ лишь я,
Одинъ лишь я отверженъ ею? . . .
Вражду ея душа умѣетъ ли питать? . .
Она-ли можетъ ненавидѣть? . .
Скорѣй . . . о! сладкій сонъ! . . я въ правѣ уповать, —
И въ гнѣвѣ, признакъ страсти видѣть! . .

Село Анна, Сентябрь, 1839 г.

XXII.

ОДНИМЪ МЕНЬШЕ!

На смерть партизана Дениса В. Давыдова.

Нашъ боецъ чернокудравый,
Съ бѣлымъ локономъ во лбу . . .
Языковъ.

Гдѣ ты, нашъ воинъ-стихотворецъ, . . .
Вдвойнѣ отчизнѣ милый сынъ,
Ея пѣвецъ и ратоборецъ,
Куда ты скрылся? . . Ты одинъ
Не пробужденъ еще призывомъ,
Собравшимъ тысячи полковъ;
Одинъ всеобщимъ войскъ приливомъ,
Единодушнымъ ихъ порывомъ
Не привлеченъ на пиръ штыковъ.
Проснись! . . Всѣ русскія дружины
Шлютъ представителей своихъ
На Бородинскія равнины,
Свершить поминьки битвъ святыхъ.
Проснись! . . тамъ всѣ ужъ остальные, . .
Всѣ однокашники твои, —
Съ кѣмъ ты дѣлилъ труды былые,

Съ кѣмъ ты, въ торжественные дни,
За наши рубежи родные,
За Русь, за вѣру, въ бой леталъ;
Предъ кѣмъ губительной стрѣлою
Кровавый путь ты пролагалъ;
Кого, какъ молнья предъ грозою,
Съ своей ватагой удалою
Врагамъ ты смертью предвѣщалъ . . . . . .
Всѣ тамъ! . . . Вожди ужъ съ удивленьемъ
Тебя искали межъ собой;
Солдаты наши съ нетерпѣньемъ
Уже справлялись: «Гдѣ-жъ лихой? . . .»
И Онъ Хозяинъ Вседержавный,
Кто храбрыхъ царски угощалъ,
И Онъ, быть можетъ, вопрошалъ:
«Гдѣ званый гость? . . гдѣ ратникъ славный? . .»
И вотъ, на смотръ весь станъ спѣшитъ;
Вотъ выстрѣлъ заревой раздался . . .
Грохочетъ пушка, штыкъ блеститъ . . .
И поле стонетъ и дрожитъ . . . .
Какъ будто-бъ снова разгарался
На жизнь и смерть Европы бой, ...
Какъ будто-бъ годъ нашъ роковой
Двунадесятый возвращался! . .
Но до тебя не достигалъ
Ни шумный гулъ, ни зовъ почётный!
Твой стихъ замолкъ; твой мечь упалъ;
Ты самъ, какъ призракъ мимолётный,
Въ мигъ изъ среды живыхъ пропалъ . . . .
Такъ! безъ тебя торжествовала

Россія день Бородина, . . .
И въ часъ молебствія, Она,
Когда защитниковъ считала, —
«Еще однимъ ихъ меньше стало! . .»
Сказала, горести полна.

Село Анна, Сентябрь, 1839 г.

XXIII.

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

«Quand une étoile tombe, il faut se hâter de lui dire ce qu'on souhaite, — et ce souhait sera exaucé sans faute!»

Superstition populaire.

Она катилась . . . . я смотрѣла
Съ участьемъ тайнымъ ей во слѣдъ, —
И дошептать ей не успѣла
Свое желанье, свой обѣтъ . . . .

Она скатилась, и пропала! . . . .
Зачѣмъ падучею звѣздой
Богъ не судилъ быть? — я мечтала, —
Мнѣ не далъ воли съ быстротой? . . .

Подобно ей, и я ушла-бы,
Покинувъ недойденный путь! . . .
Подобно ей, и я могла-бы
Летѣть, умчаться, ускользнуть! . .

Село Анна, Сентябрь, 1839 г.

XXIV.

ДВОЙНЫЯ РАМЫ.

Ich aber lieb' euch all;
Rose, Schmetterling, Sonnenstrahl,
Abendstern und Nachtigall.
H. Heine.

Примѣта скучныхъ зимнихъ дней,
Снѣговъ, морозовъ предвѣщанье,
Двойныя рамы здѣсь! . . скорѣй
Пошлю я лѣту взоръ прощанья!

Теперь, въ окно издалека
Не слышу шумъ рѣки лѣнивой,
Лѣсные звуки, пѣснь рожка,
И листьевъ шорохъ торопливый.

Двойныя рамы вложены! . . .
И одиночества страданья
Еще живѣй средь тишины
Ненарушимаго молчанья.

Отнынѣ слѣпъ и глухъ нашъ домъ,
Нѣтъ съ жизнью внѣшней сообщенья. . .
Онъ загражденъ, — какъ будто въ немъ
Кто далъ обѣтъ уединенья.

Подъ мертвой тяжестью зимы,
Безъ воздуха, въ глуши печальной,
Мнѣ вѣетъ сыростю тюрьмы,
Затворомъ кельи погребальной.

И какъ здѣсь мрачно, какъ темно! . .
Хоть солнце въ небѣ загорится,
Сквозь стекла тусклыя оно
Ко мнѣ лучемъ не заронится.

Хоть улыбнется ясный день,
Гость мимолетный, запоздалый,
Онъ не разсѣетъ мглу и тѣнь
Въ моей свѣтлицѣ одичалой.

Ни щебетанье воробья,
Ни пѣсни иволги пустынной
Достичь не могутъ до меня,
Чтобъ сократить мнѣ вечеръ длинный.

Со всей природою разрывъ
Мнѣ на пол-года уготованъ;
И только думъ моихъ порывъ
Не замедленъ, и не окованъ.

Село Анна, Октябрь, 1839 г.

XXV.

СКАЖИТЕ?

Know ye the land . .
Where the flowers ever blossom, the beams ever shine?
Byron, Bride of Abydos.

Скажите, есть-ли край, гдѣ-бъ умъ и сердце жили
Въ ладу съ условленнымъ, общественнымъ бытомъ?
Гдѣ-бъ душу вольную не мяли, не тѣснили,
Уставы свѣтскіе удушливымъ ярмомъ? . .
Гдѣ чувства-бъ говорить могли, не опасаясь
Что зависть пошлая перетолкуетъ ихъ?
Гдѣ-бъ искренную мысль въ словахъ незаказныхъ
Размѣнивали мы, другъ друга не чуждаясь?
Гдѣ-бъ непришлось вовѣкъ обманъ и злость встрѣчать?
Ахъ! есть-ли край такой . . . и гдѣ его искать,
Скажите? . . .

Скажите, есть-ли край, гдѣ-бъ сердца увлеченье
Не даромъ, не вотще смущало нашъ покой,
Гдѣ-бъ дружба и пріязнь намъ были въ утѣшенье,
Гдѣ-бъ ихъ не отравлялъ хладъ суеты чужой?..
Гдѣ-бъ власть сочувствія сближала и сроднила
Всѣхъ однородныхъ душъ въ одинъ союзъ святой,
Гдѣ-бъ, ихъ, сошедшихся, не рознилъ жребій злой,
Гдѣ-бъ имъ, понявшимся, разлука не грозила?
Гдѣ не знавали-бы ужаснаго «прости!»
Ахъ! есть-ли край такой, ... и какъ его найти?
Скажите? ...

Село Анна, Октябрь, 1839 г.

XXVI.

ПЛЮЩЪ.

The warm sun is failing, the bleak wind is wailing,
The bare boughs are sighing, the pale flowers are dying . .
Shelley.

Гдѣ онѣ, гдѣ онѣ, куда скрылись онѣ,
Тѣ душистыя розы мои,
Что недавно еще улыбалися мнѣ,
Такъ роскошно, такъ пышно цвѣли? . .
Ахъ! какъ скоро поблекъ ихъ румянецъ младой,
Ахъ! какъ скоро ихъ запахъ увялъ! . .
Наступила пора, минулъ часъ роковой, —
И ихъ вѣтеръ шумя облисталъ.

И не розы однѣ, — всѣ даянья весны,
Всѣ минутные перлы садовъ,
Всѣ пропали они, . . . всѣ зимой сгублены . . .
Нѣтъ блестящихъ, красивыхъ цвѣтовъ! . .
Уцѣлѣлъ лишь одинъ, неизмѣнный межъ нихъ —
То мой плющъ, плющъ взлелѣянный мной;
Онъ по-прежнему свѣжъ, и на вѣтвахъ густыхъ
Вьются листья зеленой волной.

Разнотѣнны, легки, заплетясь въ высотѣ,
Разрослися изгибы его,
Разметались вокругъ; и въ своей красотѣ
Онъ живетъ, когда всё здѣсь мертво.
Прежде, въ лѣтніе дни, скромной ризой своей —
Незамѣтный, — онъ взоръ не манилъ:
Нынче взоры къ нему; онъ отрада очей;
Онъ пріютъ мой собой нарядилъ.

Такъ и вы, такъ и вы, шумныхъ радостей рой,
Наслажденій, веселій разгаръ,
Упоительный чадъ, чары жизни младой,
Миновали, исчезли какъ паръ! . .
Всё, что̀ въ лучшіе дни утѣшало меня,
Всё прошло съ мимолетностью сна . .
Мнѣ осталась вѣрна только дума моя,
Только дума моя спасена.

Село Анна, Октябрь, 1839 г.

XXVII.

ХРАНИТЕЛЬ-КРЕСТЪ.

. . . mais je crois, mais je prie!
M-me Desbordes-Valmore.

Мой крестъ, хранитель мой, съ молитвой, съ упованьемъ,
Съ живѣйшей вѣрою тебя я берегу!
Тебѣ лишь одному, — и предъ тобой не лгу! —
Я исповѣдуюсь и мыслью, и желаньемъ! . .
Когда въ скорбяхъ земныхъ душой изнемогу,
Когда терпѣніе и бодрость потеряю,
Когда отчаянья всю горечь я узнаю, —
Ты подкрѣпишь меня!

Когда въ бореніи съ житейской неудачей
Усилій и надеждъ тщету увижу я;
Когда въ безрадостной истомѣ бытія
Мечты послѣднія, послѣдній пылъ утрачу;
Когда злорѣчіе и злоба на меня
Грозой враждебною подымутся лукаво,
И мой покой смутятъ коварною отравой,
Ты защитишь меня!

Но если суждено мнѣ видѣть исполненье
Любимыхъ сердца сновъ; но если надо мной
Денница радости прольетъ свой блескъ златой;
Но если жизнь мою небесъ благословенье
Блаженствомъ облечетъ, какъ праздничной фатой;
Тогда, чтобъ въ счастіи душа не забывалась,
Чтобъ искушеніямъ она не предавалась,
Ты вразумишь меня!

Село Анна, Октябрь, 1839 г.

XXVIII.

НЕДОКОНЧЕННОЕ ШИТЬЕ.

Freudvoll
Und leidvoll,
Gedankenvoll sein . .
Klarens Lied, aus Egmont.

Нѣтъ! прочь съ работою! . . нѣтъ! болѣе ни шва! . .
Нигдѣ и никогда мой коврикъ не дошьется,
Трудолюбивая игла не прикоснется
Къ работѣ прерванной, и бѣлая канва
Шитьемъ узорчатымъ вовѣкъ не облечется! . .
Затѣйливый разводъ, блестящіе цвѣты,
Въ иное время мной вы были начаты . . . . . .
И много сладостныхъ, живыхъ воспоминаній
Вашъ видъ наводитъ на меня,
И много думъ, событій, упованій,
Съ отдѣлкой пестрой этой ткани
Во дни минувшіе слила душа моя! . .

Для женщины, часъ скромныхъ рукодѣлій
Есть часъ спокойствія, молчанья, думъ святыхъ,

Самопознанья часъ вдали суетъ мірскихъ;
То промежутокъ ей межъ выѣздовъ, веселій,
То отдыхъ отъ заботъ, отъ свѣта, отъ людей,
Досугъ чтобъ прозрѣвать, читать въ душѣ своей.
Когда надъ пяльцами, за столикомъ богатымъ,
Она склоняется, работой занята, —
Повѣрьте, тайная, любимая мечта
То тѣнью робкою, то призракомъ крылатымъ
Мелькаетъ передъ ней, зоветъ её, манитъ, . . .
Быть можетъ, той порой, въ ней чувство говоритъ, . . .
Быть можетъ, сердце въ ней волнуется тревожно,
И сонъ надежды невозможной
Она на днѣ души голубитъ и хранитъ . . . . .
Завѣтныхъ тайнъ ея свидѣтель безопасный,
Наперсникъ вѣрный и безгласный,
Жизнь задушевную шитье проводитъ съ ней,
И дорого, и любо ей.

Былаго памятникъ, мой коврикъ недошитый,
Когда тебѣ досугъ я посвящала свой, —
Тогда, видаемы бывали часто мной
Минуты свѣтлыя, . . . и вѣрною душой
Онѣ теперь еще не позабыты! . . .
Но ихъ блестящая, счастливая чреда, —
Увы! . . она навѣки миновала!
Былыхъ тревогъ, былыхъ надеждъ не стало,
И думы милыя не придутъ никогда
Мнѣ въ голову опять съ ихъ прелестью бывалой.

Теперь, работая, о радостномъ вчера
Съ волненьемъ и тоской ужъ я не вспоминаю....
Теперь, работая, о завтра не мечтаю,
Не жду, ... и мнѣ пришла безцвѣтныхъ дней пора! ...
Съ холодною душой, съ напраснымъ сожалѣньемъ
Свой трудъ некончанный брать въ руки нехочу,
Его, блестящаго, вотще не омрачу
Отливомъ мрачныхъ думъ! .. Тѣхъ дней поминовеньемъ
Пусть онъ останется! .. и глядя на него,
Забывъ ходъ времени, вновь сердца своего
Услышу исповѣдь съ унылымъ наслажденьемъ!....

Село Анна, Октябрь, 1839 г.

XXIX.

КАКЪ ЖАЛЬ ЕЕ!

Some die of withered or of broken hearts.
Shakespeare.

Ея не стало! . . . . . Замолчите,
Укоръ любви, раздоръ былой,
Судъ мести страстной! . . . Пощадите
Усопшей имя и покой! . . . .

Какъ дорого она платила
За слёзы друга прежнихъ дней!
Какой борьбою искупила
Ошибки юности своей!

Какъ долго бѣдная томилась
Желѣзной цѣпью обвита,
Какъ рано сгибла и затмилась
Ея живая красота! . . . . .

Родныхъ холодные расчёты
На жертву предали её . . . . . .
Власть сокрушительнаго гнёта
Ей отравила бытіе,

Блестящій свѣтъ она видала
Какъ узникъ видитъ свѣтъ дневной;
Ей ревность строго запрещала
Смѣхъ рѣзвый воли молодой

Неумолимое сомнѣнье
За нею всюду слѣдомъ шло;
Улыбки, взоры и движенья
Въ ней подозрѣнье стерегло

Нѣмымъ свидѣтелемъ являлась
Она на праздники другихъ,
Въ нихъ безучастная мѣшалась
Страшилась искушенья ихъ . . . . .

Въ своемъ пріютѣ одинокомъ,
Быть можетъ, въ часъ мольбы ночной,
Она мечтала о далекомъ, ...
Къ нему стремилася душой, ...

Быть можетъ, съ жаркими слезами
Съ живымъ раскаяньемъ, она
Передъ святыми образами.
И тороплива и грустна, —

Своей измѣны принужденной
Не разъ жестокость прокляла, ...
Богатствъ и сана блескъ мгновенный
Обманомъ горькимъ назвала.

А онъ — въ отчаяньѣ сокрытомъ
Назвавшійся ея врагомъ, —
Онъ почиталъ себя забытымъ,
Онъ проклялъ думу о быломъ.

Они встрѣчались какъ чужіе: —
На нихъ обоихъ свѣтъ смотрѣлъ, ...
Пріемы, рѣчи заказные
Обоимъ затвердить велѣлъ.

Сердца, разрозненные рокомъ,
Сойдетесь вы въ краю иномъ!! . . . . .
Конецъ всѣмъ распрямъ, всѣмъ упрекамъ, —
Она въ пріютѣ гробовомъ!

Передъ безвременной могилой
Пусть обвиненье замолчитъ;
Пусть слово мира тѣни милой
Жилецъ земли проговоритъ! . . . . .

Село-Анна, 8-го Января, 1840 г.

XXX.

КРАСНЫЕ ДНИ.

Радость тихая летитъ
Перелетной пташкой.
Баронъ Дельвигъ.

Они такъ мало продолжались,
Они такъ скоро протекли! . . .
Едва начавшись, миновались
Какъ сонъ дни красные мои!

Къ ихъ упоенью, къ ихъ сіянью
Лишь только пріучалась я, —
Грозы повѣяло дыханье,
И отцвѣла весна моя! . .

Для сердца есть пора волненій, —
Я той поры недожила . . .
Есть чаша юныхъ наслажденій, —
Я чаши той не допила! . . .

Не всѣ мечты, не всѣ желаньи
Осуществились и сбылись, . . .
И сердце полно ожиданья,
И смуты въ немъ не унялись.

Уединенье освѣжило
Стихію жизни молодой:
Стремленья, мыслей, гордой силы
Во мнѣ кипитъ родникъ живой.

Душа изгнанья не выноситъ,
Тоской по родинѣ больна,
И рвется въ даль, . . . и воли проситъ, . . .
И сожалѣньямъ предана.

О! еслибъ скорби миновались,
И вновь дни красные пришли!! . . .
Они такъ мало продолжались.
Они такъ скоро протекли!! . . .

Село Анна, Мартъ, 1840 г.

XXXI.

ЦВѢТЫ НА ШИТЬѢ.

Les affections changent, le coeur se détruit,
la vie passe avant de finir.
Obermann.

Счастливые цвѣты! не сохнутъ, и не вянутъ,
И не мѣняются! . . . Для нихъ года пройдутъ
Безвредно, и красы отъ нихъ не унесутъ,
Блѣстящей свѣжести въ нихъ разрушать не станутъ.
И съ удовольствіемъ владѣльца взоръ на нихъ
Вперится, ласки полнъ, когда подъ небомъ дальнимъ
Рука любимая, набросившая ихъ,
Уже состарится, и оставомъ печальнымъ
Изсохнетъ, праздная, въ морщинахъ роковыхъ;
Или, остынувши подъ камнемъ погребальнымъ,
Ужъ превратится въ прахъ. — Счастливые цвѣты
Ихъ будутъ сберегать почтительно и нѣжно,
Какъ память сладкихъ грёзъ, разлуки безнадежной,
Какъ завѣщаніе плѣнительной мечты. . .

Но той мечты, тѣхъ грёзъ, — ужъ ихъ тогда
не будетъ
Уже послѣдняя ихъ искра отгоритъ
И пережившій позабудетъ
То, что̀ теперь боготворитъ! . . .

Село Анна, Мартъ 1840 г.

XXXII.

ВИКТОРУ ГЮГО,

Отверженному Французскою Академіею.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Александръ Пушкинъ.

Не избранъ ты, . . . отверженъ ты, . . . но слава
Своими лаврами осыпала тебя,
Въ тебѣ гонимаго радушнѣй полюбя! . . .
У ногъ твоихъ лежитъ съ безсильною отравой
Ничтожной зависти презрѣнная змѣя;
И вмѣсто голосовъ той партіи враждебной,
Взамѣнъ шестнадцати строптивыхъ стариковъ,
Весь просвѣщенный міръ принесть тебѣ готовъ
Рукоплесканій дань, восторга гласъ хвалебный.
Но ктожъ они, цѣнители искуства,
Твореній генія верховный судъ? — Межъ нихъ
Кто въ свѣтѣ знаменитъ? . . . Гдѣ, гдѣ заслуги ихъ?
Въ чемъ отразилися ихъ умъ, ихъ вкусъ, ихъ чувства? . . .
Что̀ выкажутъ они въ защиту правъ своихъ?

Двѣ — три трагедіи сиотворныя, сухія;
Да консульскихъ временъ тяжелые стихи,
Да водевильный прахъ, ... вотъ всё!! ... Вотъ ихъ грѣхи
Передъ поэзіей — трофеи ихъ былые! ...
Имъ можно-ли назвать тебя собратомъ? —
Трудомъ, успѣхами молва твоя гремитъ,
Тогда какъ праздность ихъ нѣмая вѣчно спитъ;
Предъ мракомъ ихъ именъ, предъ тусклымъ ихъ закатомъ,
Блестящій полдень твой свѣтлѣе загоритъ.
И ты, трепещущій отвагою и силой,
Грядущимъ ты богатъ, надеждой ты живешь,
Всё далѣе, всё выше ты пойдешь, —
Тогда какъ ихъ удѣлъ забвенье и могила!
Ты отомстишь завистникамъ безгласнымъ,
Классическимъ гонителямъ своимъ,
Стремленьемъ къ творчеству усерднымъ и живымъ,
И вдохновеніемъ возвышенно-прекраснымъ;
Ты новымъ торжествомъ себя напомнишь имъ!
Поэтъ, — въ рукахъ твоихъ три средства громкой славы:
Восторженная пѣснь; плѣнительный разсказъ;
И драма, — чей уставъ ты презрѣлъ столько разъ,
Раскола смѣлый вождь, эретикъ величавый! ...

Село Анна, 22-го Марта, 1840 г.

XXXIII.

ОБѢЩАНЬЕ.

Mon Dieu! . . . . . .
Et je remis mon âme et la sienne à ta grâce!
Jocelyn, livre VIII.

Чтобъ облегчить страданье
И недугъ тяжкій твой,
Дала я обѣщанье,
Младенецъ милый мой,
Одежду тремъ убогимъ
Для свѣтлой Пасхи сшить,
День Божій хоть немногимъ
Отрадой озарить!
Изъ ткани имъ приличной,
И грубой и простой,
Рукою невривычной,
Изнѣженной рукой
Не ловко и не смѣло
Шью нищенскій нарядъ;
Мнѣ весело, и дѣло
Почти пошло на ладъ. —
Мечты воображенья

Рисуютъ предо мной
Трехъ нищихъ удивленье,
Когда даръ скромный мой,
Нежданный, имъ предстанетъ,
Чтобъ бѣдность ихъ покрыть,
Когда обновка станетъ
Ихъ взоры веселить.
Младенца въ часъ моленья
Имъ скажутъ поминать.
И ихъ благословенья
Должны здоровье дать.
На личикѣ любимомъ
Улыбку встрѣчу я,
Румянымъ херувимомъ
Увижу вновь тебя.
Съ живымъ благодареньемъ,
Съ смиренною мольбой,
Тогда предъ провидѣньемъ
Я умилюсь душой;
Дни страха и страданья
День радости смѣнитъ,
И вѣры обѣщанье
Тебя предохранитъ!

Село Анна, Апрѣль, 1840.

XXXIV.

НЕГОДОВАНЬЕ.

«Le colonel Fitz-Patrick est arrivé à St.-Marks «avec 30 à 40 bloodhounds; (chiens de chasse) «ce régiment carnassier et carnivore est destiné «à combattre les Indiens séminoles.»

Gazette de France du 21 Mars 1840.

Свобода!! . . . Равенство!! . . . — Вотъ что кричатъ они,
Младой Америки богатые граждане,
Земель украденныхъ владѣльцы искони,
Республиканцы, Пуритане,
Народъ торгующій, и мыслящій народъ,
Благотворенія придумавшій науку,
Который гибнущимъ спасающую руку
Въ воскресный день не подаетъ.

Свобода!! . . . Равенство!! . . . — И съ этимъ громкимъ кликомъ
Натравленныхъ собакъ они на брань ведутъ, —
И хищности звѣрей, въ своемъ свирѣпствѣ дикомъ,
Людей на жертву отдаютъ! . . .

Неистовой борьбы свидѣтели нѣмые,
Они безъ ужаса глядятъ на смерть и кровь,
И къ человѣчеству забыта ихъ любовь,
  Забыты чувства выказныя! . . .

Ихъ мудрость съ толку сбилъ Индейцевъ красный цвѣтъ;
Лѣсные племена гордынѣ ихъ не братья;
Не просвѣщенному закрыты ихъ объятья,
  Для дикаря въ нихъ сердца нѣтъ.
Корысть и выгоды внушили ихъ расчёты;
Имъ нужны рѣки, лѣсъ, и пажити, и степь;
Сосѣдъ помѣха имъ, — сосѣду смерть, иль цѣпь!!...
  Пусть торжествуютъ обороты!

И вотъ какъ дѣйствуетъ та мощная страна,
Съ кого примѣръ берутъ народы вѣковые,
Кто шлетъ изъ-за-морей законы, утопіи,
Кто мещетъ въ старый міръ крамоловъ семена!...

* * *

О Боже! гдѣ твой громъ? И скоро-ль осужденье
Мятежныхъ выходцевъ достойно поразитъ? . . .
Но если съ всякимъ зломъ даръ просвѣщенья слитъ,
  Пусть насъ минуетъ просвѣщенье!

Село Анна, Апрѣль, 1840.

XXXV.

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ.

. . . . . from the boughs
The nightingale's high note is heard.
Byron, Parisina.

Такъ это правда? И весна
Ужъ близко съ общимъ обновленьемъ?
Цвѣтами, солнцемъ, вдохновеньемъ
Я буду вновь упоена?

Такъ это правда? предо мной
Воскреснетъ, оживетъ природа,
Умолкнутъ буря, непогода,
Зазеленѣетъ лѣсъ густой?

И ты, весны и розъ пѣвецъ,
Любимецъ Мая молодаго,
Ты мнѣ своею пѣснью новой
Затвора возвѣстилъ конецъ?

Но, говорятъ, кто соловья
Услышитъ въ день весенній, прежде
Всѣхъ птицъ другихъ, — о! тотъ надеждѣ
Пусть ввѣритъ радостно себя!

Тому насталъ счастливый годъ, —
Того исполнятся желанья, —
Тому свои очарованья
Жизнь полной чашей поднесетъ!

И я съ восторгомъ пѣснь твою
Какъ предсказанье принимаю,
Тревожнымъ сердцемъ ей внимаю,
Тебя слезой благодарю!

Я вѣрю, сладкой соловей,
Я вѣрю радостнымъ примѣтамъ, . . .
И буду ждать: — авось-ли свѣтомъ
Смѣнится мракъ души моей!! . . .

Село Анна, 17-го Апрѣля, 1840 г.

XXXVI.

И ОНЪ ПОЭТЪ.

«Люби и пой, . . . пой и люби! . . . и только,
«И больше ничего! . . .»

И онъ поэтъ, — о, да! — и онъ поэтъ,
Мой чудный соловей, мой пѣсенникъ унылый! . . .
Онъ любитъ тишину, и ночь, и лунный свѣтъ;
Ему зеленый лѣсъ и струй журчанье милы;
Онъ въ полдень, средь толпы, робѣетъ и молчитъ,
Онъ съ хоромъ птицъ другихъ свой голосъ не сливаетъ,
Съ шумящимъ роемъ ихъ не рѣетъ, не паритъ;
Въ уединеніи онъ самъ собой бываетъ,
И безъ свидѣтелей, для самого себя,
Волшебной пѣснію привѣтствуетъ природу. —
Не терпитъ клѣтки онъ: — въ ней райскаго житья
Онъ, гордый, не возьметъ за дикую свободу;
И только разъ въ году, весной, когда его
Любовъ одушевитъ, поетъ онъ, сладкогласный;

И только чтобъ развлечь грусть сердца своего
Въ тоскѣ восторженной, онъ гимнъ слагаетъ страстный.
Жизнь сердца для него единственный предметъ
Всѣхъ пѣсней пламенныхъ, всѣхъ томныхъ вдохновеній;
Жизнь сердца кончится, — въ молчаньи и смиреньи
Онъ укрывается . . . о, да! — и онъ поэтъ! . . .

Село Анна, 9-го Мая, 1840 г.

XXXVII.

ДУМА ПЕРЕДЪ КАРТИНОЙ.

На Тя-бо едину надежду имамы!...

—

Мольбы прибѣжище, залогъ благословенья,
Источникъ признанный спасенья и чудесъ,
Святой, таинственной семьи изображенье, —
Ты миръ приносишь мнѣ!... Ты благостью небесъ
И ихъ надежною защитою мнѣ вѣешь!...
Давно, давно тебѣ обѣтъ души моей
И счастье матери и здравіе дѣтей
Препоручилъ. Давно ты власть имѣешь
Цѣлебно изженять изъ сердца моего
Волненье, скорбь, и страхъ. Ты вѣрѣ умиленной
Являешь дивный видъ, отрадный и священный: —
Спасителя вселенной самаго,
Младенцемъ въ пеленахъ; Предтечу молодаго,
Со взоромъ пламеннымъ пророка, и челомъ
Ужъ мыслящимъ, и полнымъ думъ; — потомъ —
Іосифъ, — образецъ смиренія прямаго,

Слѣпой покорности къ велѣніямъ Творца,
Намъ представляется. — И наконецъ предъ нами
Она, чистѣйшая! Она, къ кому съ мольбами
Привыкли прибѣгать скорбящія сердца; —
Она кто страждущимъ и грѣшному внимаетъ,
Кто, всѣмъ сочувствуетъ, всѣхъ любитъ, утѣшаетъ,
Благополучія семейнаго символъ. —
Въ комъ неусыпную заступницу нашелъ
Гласъ матери, о дѣтяхъ вопіющій. —
Икона дивная; — отнынѣ въ тишинѣ
И благоденствіи храни нашъ домъ, — и мнѣ
Дай видѣть завсегда въ ихъ свѣжести цвѣтущей
Младенцевъ дорогихъ! . . . Покрой и осѣни
Ихъ подъ защитою твоихъ щедротъ чудесныхъ!...
Святая благодать трехъ радостей небесныхъ,
Мои три радости земныя сохрани! . . .

Село Анна, 12-го Мая, 1840 г.

XXXVIII.

ПРЕДЧУВСТВІЯ.

Instincts, pressentiments, songes révélateurs, — vous êtes des avertissements de Dieu; vous êtes les oiseaux de joie ou de malheur qu'il nous envoie sur notre route, fatals ou heureux messagers!

Le Comte H. de Vieil-Castel.

Предчувствія, вашъ голосъ благодатный
Не обманулъ, ... и то, что̀ многократно,
Судьбѣ на перекоръ, сулило сердце мнѣ,
Оно сбывается!! . . . . И то, что̀ въ тишинѣ
Два года я ждала, желала безнадежно,
О чемъ мечтала я въ слезахъ тоски мятежной,
Какъ о несбыточномъ, — теперь передо-мной
Оно сбывается!! . . . . Померкшій жребій мой
Внезапно озаренъ нечаяннымъ сіяньемъ,
И жизнь моя свѣтла веселымъ упованьемъ,
Полна тревожныхъ чувствъ . . . Впервые надъ умомъ,
Кому возможностей мирскихъ расчетъ знакомъ,
Души предвидѣнье побѣду одержало;
Впервые вѣщее мнѣ чувство предсказало

Осуществленіе любимыхъ думъ моихъ.
И мнѣ не вѣриться! .... Для помысловъ земныхъ
Такъ рѣдко настаетъ минута исполненья! ...
Боюсь что горькое разрушитъ пробужденье
Мой сладкій, милый сонъ! .... Уже-ли для меня
Законы общіе, порядокъ бытія
Измѣнены судьбой! .... Или ей сердца тайну
Въ урочный часъ удачь я молвила случайно,
Что невозможному свершиться суждено,
И грёзы на яву увидѣть мнѣ дано? .....

Село Анна, 17-го Мая, 1840 г.

XXXIX.

ВЪ МОСКВУ!

O Patria! . . . ti rivedrò! . . .
Tancredi.

Въ Москву, въ Москву!! . . . . Въ тотъ городъ
столь знакомый,
Гдѣ родилась, гдѣ выростала я;
Откуда умъ, надеждою влекомый,
Рвался впередъ, на встрѣчу бытія;
Гдѣ я постичь, гдѣ я узнать старалась
Земную жизнь; гдѣ съ собственной душой
Свыкалась я; гдѣ сердце развивалось;
Гдѣ слёзы первыя пролиты были мной!

Въ Москву, въ Москву! . . . Но глушь уединенья
Найду я тамъ, гдѣ сиротство мое
Взросло въ семьѣ большой . . . . Но въ запустѣнье
Превращено бывалое жилье . . . .
Но нѣтъ слѣдовъ минувшихъ отношеній . . . .
Года прошли, — родные и друзья
Разсѣяны; — ихъ разныхъ направленій
Теперь не доищусь, не допытаюсь я!

Въ Москву! въ Москву! .... Душа при этомъ
словѣ
Не задрожитъ, не вспыхнетъ, не замретъ;
И нѣтъ у ней привѣта на готовѣ
Для родины; и сердце не поетъ
Возврата пѣснь: — я чту и уважаю
Нашъ древній кремль и русской славы гулъ,
Я старину люблю и понимаю, —
Но городъ безъ друзей мнѣ холодъ въ грудь
вдохнулъ.

Есть край другой .... туда мои желанья,
Мои мечты всегда устремлены, ...
Тамъ жизни блескъ и всѣ очарованья
Познала я, ... тамъ сердцемъ скрѣплены,
По выбору, всѣ узы дружбы сладкой;
Тамъ нѣсколько прожито свѣтлыхъ дней;
Тамъ счастіе заманчивой загадкой
Мерещится вдали душѣ моей .....

Теперь въ Москву!! .... Могиламъ незабвеннымъ
Свой долгъ отдать, усопшихъ помянуть,
И о живыхъ, по взморьямъ отдаленнымъ
Разметанныхъ, подумать и вздохнуть! ....
И Богъ то-вѣсть! — быть можетъ невзначайно
Судьба и тамъ порадуетъ меня,
И счастлива свершеньемъ думы тайной,
На родинѣ родное встрѣчу я! ....

На пути изъ села Анны въ Воронежъ,
Четвергъ 6-го Іюня 1840 г.

НЕИЗВѢСТНЫЙ РОМАНЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

К. П. И. М.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Письмо къ издателю журнала отъ Г-на N. N.

Я получилъ недавно письмо отъ сестры моей, живущей постоянно въ деревнѣ, и при этомъ письмѣ находились листки, исписанные бѣгло и безпорядочно мѣлкимъ шрифтомъ, очевидно принадлежащимъ женской рукѣ. Листки содержатъ отрывки въ стихахъ и стихотворенья, по видимому набросанныя въ разное время, безъ цѣли, но связанныя вмѣстѣ тѣсной нитью, развитіемъ одной и той же мысли, — или лучше сказать, однаго и того-же чувства. Это нѣчто въ родѣ дневника; минутныя порывы мечты, радости, молитвы, горя; полу-ясные, полу-темные намёки на тайныя, задушевныя событія, которыхъ нельзя отгадать вполнѣ, но предчувствовать можно и должно всякому, знающему хоть не много женское сердце; — эту странную смѣсь всего глубокаго и святаго со всѣмъ неуловимо-легкимъ и мелко-суетливымъ, смѣсь любви,

самоотверженья, пылкости, безсилія, восторга и боязни, надежды и страданья . . . Видно, что много всего того перебывало въ душѣ и груди той, чья невѣдомая рука начертала отрывистыя строфы чудной поэмы страсти. Видно, что бѣдное созданье, долго и пламенно боролось противъ тысящевидныхъ препонъ судьбы и свѣта, то унывало въ удушливыхъ объятіяхъ желѣзной, непоколебимой существенности, то снова, на крыльяхъ воображенья, желанья и упованья, улетало мгновенно изъ предѣла земныхъ невозможностей, чтобъ отдохнуть на просторѣ въ заоблачномъ мірѣ исполненныхъ желаній и совершающихся сновъ . . . . . (Я слыхалъ что женщины охотно совершаютъ такія прогулки на которыя у нихъ много лишняго времени и лишнихъ силъ неупотребленныхъ заботами положительной жизни и полезныхъ занятій.) Но, главное для меня, видно по всему натура страстная, сильная, и въ высшей степени искренная. — Эта женщина умѣла любить, страдать, за то умѣла и понимать безконечное чрезъ откровеніе преходящихъ, но безсмертныхъ минутъ жизни . . . Видно, что каждое, даже незначущее прозаическое событіе ежедневной жизни, отпечатлѣвалось на ней поэтическимъ пламеннымъ слѣдомъ, что сердце ея, созданное для высокихъ и пылкихъ ощущеній, принимало впечатлѣнія разныхъ явленій жизни чрезъ призму собственнаго животворящаго луча. — Нужно-ли болѣе, чтобъ

возбудить въ насъ участіе къ невѣдомому, но по искренности чувствъ своихъ замѣчательному существу? . . . Меня увлекло оно всей прелестью загадки и таинственности; признаюсь, и почувствовалъ сильное сочувствіе къ незнакомкѣ. Полагаю, что и другіе, подобно мнѣ, найдутъ источникъ пріятнаго ощущенья въ прилагаемыхъ здѣсь страницахъ; полагаю что нѣкоторыя читатели и въ особенности многія читательницы будутъ заинтересованы новымъ, небывалымъ явленіемъ, — женскими стихами безъ имени и подписи, безъ всякаго притязанья на авторитетъ или извѣстность. Вотъ почему, Милостивый Государь, я предаю извѣстности бумаги неизвѣстной, вмѣстѣ, съ письмомъ моей сестры. Кажется я не нарушу никакой тайны, не потревожу ничьей щекотливости: должно думать, что никто въ цѣломъ мірѣ не интересовался и не дорожилъ этими стихами, иначе они не попали бы въ мои руки. — Въ оправданіе свое, предлагаю письмо моей сестры.

«Пишу тебѣ, любезный братъ, подъ вліяньемъ грустнаго событія, опечалившаго и поразившаго весь нашъ околотокъ. Недавно въ нашемъ губернскомъ городѣ, продавали съ аукціона меблированный домъ овдовѣвшаго помѣщика З . . ., который не хотѣлъ болѣе обитать въ томъ городѣ, послѣ смерти молодой, прекрасной жены, служившей украшеньемъ его дому и всему нашему обществу. Мы всѣ знали

«покойную З . . ., мы всѣ её любили; она была «простодушна, привѣтлива, снисходительна, ни«кому не завидовала, никого не старалась поро«чить, или унижать, — что́ и у насъ, въ про«винціи, столь-же рѣдко теперь видно въ «женщинахъ, какъ и у васъ, я думаю. По вре«менамъ мы видали её веселою и беззаботною; «она выѣзжала охотно, наряжалась и танцо«вала, какъ и всѣ мы грѣшныя. Но если, бы«вало, застанешь её дома, въ расплохъ, то най«дешь её всегда унылою и блѣдною, и сквозь «всѣ ея старанья казаться спокойною, мелькало «какое-то грустное волненье, какая-то сердечная, «томительная тревога, которой мы себѣ объ«яснить не умѣли. Говорили, правда, что у нея «какое-то горе, прежняя любовь; разсказывали «что она когда-то была помолвлена и дѣло раз«ошлось, что потомъ она встрѣтилась съ преж«нимъ женихомъ, и что любовь ихъ возобно«вилась, и продолжалась нѣсколько лѣтъ . . . «Говорили что её убиваетъ горе разлуки . . . Да «кто-жъ-бы этому повѣрилъ при ея роскоши «и довольствѣ? . . . какое горе устоитъ противъ «такихъ всеуцѣляющихъ лекарствъ? . . . По«койная З . . . была очень образована, получала «иностранныя книги, выписывала журналы, но «никогда никто и не подозрѣвалъ ея въ стихо«творствѣ, писательствѣ, или чѣмъ нибудь по«добномъ. И говорить-то она была не масте«рица, все больше молчала . . . Каково-же было

«наше изумленіе, когда, при переторжкѣ вещей,
«ей принадлежавшихъ, нашъ богатый откупщикъ
«В..., пріобретшій ея письменной столъ, стоявшій всегда въ ея спальнѣ, весь покрытой свѣжими цвѣтами и разными бездѣлками, вовсе не принадлежащими au dur métier de bas bleu, «(извини употребленіе техническаго слова, котораго перевести никакъ не умѣю!), когда, говорю, нашъ откупщикъ открылъ въ томъ столѣ «секретный ящикъ, изъ котораго вывалились «листки, исписанные покойницею, — и содержащіе ... кто-бы могъ подумать?! .... стихи «да, стихи! никому не извѣстные, нигдѣ не напечатанные и не читанные, и которые, по всѣмъ «заключеньямъ, сочинены самою покойницею? ... «Мы всѣ были тутъ, — Предводительница, Прокурорша, Совѣтница, исключая Ея Превосходительства, которымъ натурально, по ихъ высокому губернаторскому званію и не прилично показываться на аукціонахъ, но которыя изволили «прислать своего дворецкаго, чтобы купилъ имъ «бархатное кресло, выписанное мужемъ З... для «дня имянинъ ея изъ Петербурга, отъ самаго «знаменитаго Гамбса. Всѣ бросились къ владѣльцу неожиданной находки, всѣ стали вырывать изъ рукъ его легкія бумажки, окаймленныя золотомъ и живописью, стали разбирать, «читать, декламировать ... Посыпались догадки, «толки, разсужденья, удивленья ... говорили, «кричали, шумѣли, да и разошлись, чтобъ поѣ-

«хать по разнымъ сторонамъ города, и развозить «чудную новость. Такъ какъ я довольно коротко «знакома съ женою откупщика, да и была очень «дружна съ бѣдною, милою З..., то мнѣ довѣ«рили, и даже подарили ея бумаги. Я наплака«лась вдоволь, читая и перечитывая ихъ. То-то «была душа! — какъ она чувствовала, какъ она «писала, а никто изъ насъ и не подозрѣвалъ «того! — Мы считали её добренькой, да нахо«дили, что никто лучше ея не варилъ вишенъ «съ ванилью ... Подлинно же правду говоритъ «пословица: «въ землѣ своей никто пророкомъ «не бывалъ, да еще, qu'il n'y a point de héros «pour son valet de chambre». Не знаю, такъ «ли я сужу, но мнѣ кажется, что тутъ скры«вался истинный талантъ, и что стихи нашей «деревенской, скромной, таинственной писатель«ницы могутъ вынести сравненье со стихами «всѣхъ нашихъ и чужестранныхъ пишущихъ «дамъ, не исключая Г-жи Дебордъ-Вальморъ, «отъ которой всѣ мы такъ плакали въ свою мо«лодость, и послѣ которой ужъ никто не умѣлъ «изобразить женское сердце. — Прочитай мою «присылку, милый братъ, и прошу тебя на«пиши мнѣ откровенно и отчетливо твое мнѣніе. «Ты уменъ и чувствителенъ, и не даромъ у «насъ въ семьѣ слывешь за доку, объясни мнѣ «глубокое впечатлѣніе, произведенное на мое «сердце и умъ мой этою рукописью, единствен«нымъ отголоскомъ прекрасной души, замолкшей,

«не высказавшись здѣсь никому. — «Прощай! «обнимаю тебя; мы всѣ здоровы, только нѣтъ «ни мороза, ни саннаго пути, что намъ по хо«зяйству крайне неудобно и непріятно.»

Сего Ноября 9-го 1847 года, деревни Михайловки, Пензенской Губерніи, Чембарскаго уѣзда.

I.

РАЗДѢЛЪ.

Я весела средь говора и смѣха
Въ живомъ кругу знакомыхъ и друзей;
Я весела, . . . и свѣтскаго успѣха
Отраденъ блескъ для гордости моей.

Но въ тайный часъ мечты уединенной,
Въ раздумья часъ, въ домашней тишинѣ,
И страхъ и скорбь встаютъ въ душѣ смятенной,
И скорый путь на умъ приходитъ мнѣ . . . . .

Улыбки имъ. — всѣмъ чуждымъ, проходящимъ,
Имъ всѣмъ, — красно иль сладко говорящимъ, —
Улыбки имъ. — въ отплату и отвѣтъ! . . .

Но для тебя, о сердца сонъ священный,
Но для тебя, мой спутникъ неизмѣнный, —
Моя слеза, — глубокихъ чувствъ завѣтъ! . .

II.

ТЕБѢ ОДНОМУ.

Нѣтъ, не тогда бываю я счастлива
Когда нарядъ, и ленты, и цвѣты
Блестятъ на мнѣ, — и свѣжестью красивой
Зажгутъ въ тебѣ влюбленныя мечты.

И не тогда, какъ обруку съ тобою,
Увлечена разгуломъ молодымъ,
Припавъ къ тебѣ вскруженной головою. —
Мы проскользнуть сквозь вальса вихръ спѣшимъ:

И не тогда какъ оба мы безпечны,
Когда нашъ смѣхъ, нашъ длинный разговоръ
Оживлены веселостью сердечной,
И радостно горитъ нашъ свѣтлый взоръ.

Счастлива я, когда рукою нѣжной
Я обовьюсь вкругъ головы твоей,
И ты ко мнѣ прислонишься небрежно,
И мы молчимъ, не разводя очей . . . . . .

Счастлива я, когда любви высокой
Святую скорбь вдвоемъ почуемъ мы,
И думаемъ о вѣчности далекой,
И ждёмъ её, взамѣнъ житейской тьмы! . . .

Счастлива я наединѣ съ тобою,
Когда забудемъ мы весь міръ земной, —
Хранимые свободной тишиною
И заняты, ты мной, а я тобой! . . .

Счастлива я въ часы благоговѣнья,
Когда, полна блаженства моего,
Я о тебѣ молюся Провидѣнью,
И за тебя благодарю его! . . . . .

III.

НЕ ДЛЯ ТЕБЯ, ТАКЪ ДЛЯ КОГО-ЖЕ? . . .

Не для тебя, такъ для кого-же
Наряды новые и свѣжіе цвѣты,
Желанье нравиться, быть лучше и пригоже,
И сборы бальные, и бальныя мечты? . . . .

Не для тебя, такъ для кого-же
И смоль блестящая разсыпанныхъ кудрей? . . . .
Зачѣмъ, какъ любишь ты, на мягкій шолкъ похожи
Завьются кольца ихъ, не подъ рукой твоей? . . . .

Не для тебя, такъ для кого-же
И вырѣзной рукавъ, и золотой браслетъ,
На тѣхъ плечахъ, рукахъ, что втайнѣ носятъ тоже
И нѣжныхъ ласкъ твоихъ и поцѣлуевъ слѣдъ?...

Не для тебя, такъ для кого-же
Я упоительный, мятежный вальсъ люблю, —
И межъ младыхъ подругъ, душею всѣхъ моложе,
Въ безумной быстротѣ соперницъ не терплю?....

Не для тебя, такъ для кого-же
Успѣхи свѣтскіе, ... вся лесть, вся сладость ихъ?....
Что̀ свѣтъ мнѣ безъ тебя? ... Мнѣ безъ тебя на что̀-же
Вниманье, похвалы и взоры всѣхъ другихъ?....

IV.

ПОСЛѢ БАЛА.

Бывало, плакала я въ священныхъ залахъ,
И я одна была на многолюдныхъ балахъ . . . . .
Подъ цѣпью радужной алмазовъ дорогихъ,
Подъ розовымъ вѣнкомъ, блѣдна и молчалива, —
Дрожа, — таила я волненье чувствъ своихъ,
Отчаянье тоски ревнивой . . . . .

Я встрѣчи радостной какъ казни избѣгала . . .
Отъ цѣли думъ моихъ я взоры отвращала,
Не смѣла танцовать, не смѣла говорить . . . .
И вмѣсто сладкихъ сновъ, воспоминаній нѣжныхъ,
Домой спѣшила я, въ тиши и мракѣ скрыть
Борьбу души, токъ слёзъ мятежныхъ . . .

Теперь! . . . О! какъ свѣтло подъ солнцемъ упованья!
Какъ бала блескъ и шумъ полны очарованья! . . . .
Теперь, легка, горда, улыбку и привѣтъ

На сладостный обмѣнъ безъ робости несу я;
И смыслъ въ нарядахъ есть, и мнѣ не страшенъ свѣтъ . . .
И не толпой въ толпѣ живу я! . . .

V.

ПОСЛѢ ДРУГАГО БАЛА.

Мнѣ бросятъ-ли нѣжнѣе взглядъ,
Улыбку лишнюю-ль дарятъ, —
Счастлива я, — и сердце бьется
Легко, отрадно; . . . всё смѣется
Во мнѣ самой, вокругъ меня;
Мечта свободнѣе моя,
Яснѣе взоръ, нарядъ мягче,
И косы мягкія черные, . . .
И рада жизни молодой,
Благословляю жребій свой . . . .

Но если смотрятъ на меня
Безъ увлеченья, — если я
Привѣтъ разсѣянный лишь встрѣчу,
Или восторга не замѣчу
Въ любимыхъ взорахъ и рѣчахъ, . . . —
Тогда. . . . тогда тоска и страхъ
Мнѣ сердце слабое волнуютъ, . . .
Сомнѣнья міръ преобразуютъ.
И день въ слезахъ и ночь безъ сна
Я провожу, заботъ полна . . .

VI.

ОЖИДАЯ ЕГО ....

Зимній вечеръ на исходѣ,
Скоро полночь прозвучитъ, —
Всё покой и тишь въ природѣ,
Божій міръ молчитъ и спитъ.
Но за то, нашъ суетливый
Міръ житейскій, міръ страстей
Ожилъ жизнію гульливой
И вольнѣй и веселѣй.
Въ эту пору, всё стремится,
Ѣдетъ, скачетъ и бѣжитъ,
Всё о чемъ-то суетится,
И куда-то всё спѣшитъ.
Кто на балъ, а кто ужъ съ бала;
Кто доволенъ, кто угрюмъ,
Никогда ты не слыхала,
Мать Нева, подобный шумъ! . . .
Богачамъ увеселѣнья
Предлагаетъ пышный свѣтъ;
Есть и бѣднымъ наслажденье:
Теплый уголъ и привѣтъ! . . .

На условное свиданье
Пусть торопится иной, —
Отъ любви, отъ ожиданья
Сердце бьется у другой . . . . .
Но межъ всѣхъ, — скажу я смѣло, —
Сердца нѣтъ ни одного
Чтобъ любило, чтобъ горѣло,
Билось больше моего! . . . .

VII.

ВМѢСТО УПРЕКА . .

Когда недавней старины
Мы переписку разбираемъ, —
И удивленія полны
Такъ много страсти въ ней читаемъ, —
Такъ много чувства и тоски,
Въ разлукѣ, столько слёзъ страданья,
Молитвъ и просьбъ о днѣ свиданья, —
Мы въ изумленьи: — далеки
Тѣ дни, тѣ чувства! . . . Холодъ свѣта
Отравою дохнулъ на нихъ! . . .
Его насмѣшекъ и навѣта,
Рѣчей завистливыхъ и злыхъ
Разсудокъ подкрѣпилъ вліянье;
Разочаровано одно
Изъ двухъ сердецъ . . . . . Ему смѣшно
Любви недавней изліянье! . . .
Не узнаетъ теперь оно
Ни словъ своихъ, ни упованій. —
И утомленное борьбой
Лишь ловитъ съ жалостью нѣмой

Забытый слѣдъ воспоминаній . . . .
Прочь, письма прочь!! . . Прошла она,
Пора восторга молодаго. . . . .
Межъ насъ расчёта роковаго
Наука грозная слышна . . . .
Прочь, память прежняго! . . Безсильна,
Докучна ты, — какъ плачь могильный
Вблизи пировъ упамъ гостей! . . . .
Блаженства нѣжнаго скрижали,
Глашатаи минувшихъ дней, —
Простите! . . . Вы намъ чужды стали! . . .
Намъ грѣхъ васъ холодно читать,
Мы васъ не можемъ понимать: —
Иль вы, — иль мы, — то Богу знать, —
Вдругъ устарѣли, и отстали . . . . .

VIII.

ЗАЧѢМЪ НАСЪ ГОНЯТЪ ЛЮДИ.

Завидно имъ, повѣрь, что счастливы мы оба,
Другъ другу преданы, — что ихъ безсильна злоба,
Что ни поссорить насъ, ни даже разлучить
Не удалося имъ, . . . что насъ нельзя прельстить
Блестящей мишурой тревожной жизни свѣтской. . . .
Что нѣтъ тщеславія, нѣтъ суетности дѣтской
Въ сердцахъ, очищенныхъ любовію святой! . . . .
Ни прока имъ отъ насъ, ни пользы никакой:
Мы не учавствуемъ въ ихъ мелкихъ треволненьяхъ,
Въ ихъ сплетняхъ, въ ихъ враждахъ, въ ихъ ложныхъ примиреньяхъ
Не ищемъ въ обществѣ, на людныхъ вечерахъ,
Успѣховъ и побѣдъ . . . Намъ надоѣли страхъ
Наряды, выѣзды, притворство, принужденье, —
И мы, — создавъ себѣ вдвоемъ уединенье. —
Недосягаемый докучнымъ уголокъ, —
Сокрылись въ немъ отъ всѣхъ! . . . . И нашъ пріютъ далёкъ

Отъ шума внѣшняго, отъ толковъ суетливыхъ,
Смиренномудрыхъ дамъ, зоиловъ злорѣчивыхъ . . . .
Въ эдемъ нашъ знаютъ путь одинъ лишь другъ, иль два . . .
Такъ какъ-же пощадитъ насъ свѣтская молва?....
Ты ровно въ два часа по Невскому не ходишь, —
На львицъ и полу-львицъ лорнета не наводишь; —
Ты за каретами и за санями ихъ
Не мчишься, — чтобъ взглянуть украдкою на нихъ . . .
У модной красоты тебя не видятъ въ ложѣ,
Подобострастнаго, безсмѣнно на-сторожѣ
Чтобъ слово или взоръ кокетки уловить, —
Ей шаль подать, флаконъ, иль вѣеръ ей вручить . . . .
Нѣтъ! ... Ты избавился отъ этой глупой роли! ...
А я, — меня ужъ балъ не привлекаетъ болѣ, —
Меня нашъ высшій свѣтъ не тѣшитъ, не манитъ! . . .
Я отказалася отъ свиты волокитъ, —
Отъ робкихъ новичковъ, отъ старыхъ дипломатовъ,
Туземныхъ, выписныхъ, военныхъ, статскихъ фатовъ . .
Моя гостинная ужъ не октрыта имъ,
Не служитъ поприщемъ ихъ ошибкамъ боевымъ,
Межъ коихъ миръ блюсти хозяйская забота . . . .
Нѣтъ!! . . я какъ отъ чумы, спасать отъ зѣвоты,
Во мнѣ рождаемой безсвязной болтовней,

И пустословіемъ и пошлостью людской . . . . .
Безумно тратить жизнь и умъ для скуки праздной! . . .
Съ толпой, что̀ общаго у насъ? . . . и вкусы разны,
И мнѣнья не одни . . . . — Идя своимъ путемъ,
Мы съ нею разошлись, — и въ счастіи своемъ
Нашли замѣнъ всему . . . . Не просимъ мы отъ Бога
Ни злата, ни чиновъ, ни благъ житейскихъ много! . . .
Богатство наше въ насъ, и въ жизни молодой,
Въ чистосердечіи, взаимности святой! . . . .
Нашъ праздникъ, тихій день, спокойно проведенный;
Нашъ міръ, поэзія; — въ бесѣдѣ оживленной,
За умной книгою, подъ звуки фортопьянъ,
Вдвоемъ, мы счастливы; какой нибудь романъ
Важнѣе свѣта намъ, и больше насъ волнуетъ . . . .
Такъ вотъ за что̀, мой другъ, свѣтъ этотъ негодуетъ,
И насъ преслѣдуетъ, и жалитъ, и язвитъ,
И подлой клеветой обоихъ насъ чернитъ. —
Не оскорбляйся, другъ, не уступи гоненью,
И побѣдить себя не дай предубѣжденью;
Будь твердъ, не унывай; — возьми примѣръ съ меня:
Смотри, тверда, сильна, невозмутима я! . . .
Предъ бѣдной женщиной, созданіемъ ничтожнымъ,

Легко волнуемымъ, и страстнымъ, и тревожнымъ,
Себя мужчиною обязанъ ты явить,
Великодушнѣй ты, смѣлѣе долженъ быть! . . .
Не слушай толкъ людской и вражьи пересуды! . . .
Пусть люди противъ насъ, — самъ Богъ за насъ покуда! . . . .

IX.

ТРИЛОГІЯ.

«Небо синее, . . . высокая трава горитъ цвѣтами, лѣсъ звучитъ соловьями, которые изъ-за густой и пышной зелени дубовъ и платановъ весело привѣтствуютъ весну . . . Какъ не любить Италіи? . . .»

Письмо изъ Рима, $^{14}/_{26}$ Мая 1837 г.

X . . . . X . . . .

I.

Была весна. Подъ бархатистымъ сводомъ
Небесъ Италіи природа разцвѣла
И нѣжилась. Полуденнымъ народамъ
Не въ диво блескъ весны; но привела
Судьба на свѣтлый праздникъ мимоходомъ
Младаго путника: ему была
Невѣдома таинственная сила
Такой весны, — и всё его манило,

Всё тѣшило; всѣмъ восхищался онъ,
Восторженный и пылкій, съ сердцемъ новымъ,
Съ душой могучею. — Онъ былъ рожденъ
Далёко, тамъ на Сѣверѣ суровомъ;
Наукою, поэзіей вскормленъ;
Любилъ изящное; перомъ и словомъ
Владѣть умѣлъ; духъ гордый слился въ немъ
Съ блестящимъ, образованнымъ умомъ —

И такъ, онъ чуднымъ краемъ любовался,
Душистый вѣтра поцѣлуй вдыхалъ,
Подъ лаврами въ былое увлекался,
О будущемъ, волнуемый, мечталъ . . . . . .
И наступала ночь, . . . и раздавался
Вдругъ голосъ соловья, ... и онъ внималъ,
Трепещущій, и томный, пѣсни страстной,
И находилъ что жизнь и міръ прекрасны! . . .

Влюбленъ еще онъ не былъ, хоть порой
То личико, то ножка, то улыбка
Въ немъ зажигали кровь; — но часъ — другой —
Онъ сознавалъ безгрѣшную ошибку, —
Смѣялся ей, остывши . . . . Надъ главой
Мечтателя, воздушно, бѣгло, шибко,
Носились сны, разбросанные имъ,
(И безъ конца), по мрежамъ путевымъ . . . .

Въ досужный мигъ, тянулись вереницей
Изъ розъ и мотыльковъ въ глазахъ его
Забытыя имъ жёны и дѣвицы . . . .
Но образа межъ нихъ ни одного
Не вызывалъ онъ! . . . Въ тайную божницу
Высокихъ чувствъ, — въ храмъ сердца своего
Не допускалъ онъ легкихъ привидѣній;
Онъ ждалъ! . . ждалъ новыхъ, лучшихъ впечатлѣній! . . .

Онъ не любилъ еще, . . . но понималъ
Что̀ есть любовь, какъ много въ ней святаго;
И потому, онъ всей душой внималъ
Напѣву соловья; его роднаго
Томленья и призыва постигалъ
Сокрытый смыслъ . . . . у путника младаго
Въ груди запѣлъ тревожный, вѣщій гласъ:
«Когда-жъ? . . . и гдѣ? . . . . Придетъ-ли счастья часъ? . . .» —

Младыхъ надеждъ знакомое волненье,
Истома страстной сердца пустоты
Проснулись въ немъ; — Предчувствія, видѣнья
Мелькаютъ, . . . вѣютъ сквозь туманъ мечты . . . .
Онъ вслушивался въ сладостное пѣнье, —
И въ свѣтлый мигъ душевной полноты
Онъ восклицалъ: «Пѣвецъ надежды милой,
«Какъ много пѣснь твоя мнѣ посулила! . . .»

II.

Была опять весна .... И миновало
Лѣтъ нѣсколько съ тѣхъ поръ ... Въ родномъ краю
Онъ былъ тогда, — и не одинъ! .... Настала,
Пришла ему пора сказать: «Люблю, —»
Осуществить своей мечты бывалой
Любимый сонъ, и жизнь и страсть свою
Слить съ жизнію другой и съ страстью нѣжной,
И счастія узнать весь пылъ мятежный ....

Судьба, ему покорная, дала
Ему въ удѣлъ просторъ уединенья,
И тишину пустыннаго села,
Вдали людей, ихъ вѣчнаго волненья,
Ихъ злоязычія ... Судьба была
Съ природой за-одно, чтобъ наслажденья
Онъ всѣ имѣлъ, — и чары майскихъ дней,
И солнце днемъ, и ночью соловей ....

Въ полночный часъ, трепещущей рукою
Беззвучно онъ съ дверей снималъ затворъ, ...
Шелъ, окруженъ предательскою мглою, ...
То шагъ смирялъ, ... то напрягалъ свой взоръ, ...
И чуть дыша, — къ завѣтному покою
Онъ приходилъ ... Но тайный разговоръ
Любовниковъ стихъ робкій не опишетъ! ...
Одни, ... вдвоемъ!! ... Пусть только Богъ ихъ слышетъ! ...

Кругомъ молчало всё. Лишь-соловьи
Безчётные въ лѣсу перекликались,
Сливали трели звонкія свои,
Раскатами протяжно заливались ....
Всѣ радости, всѣ нѣжности любви
Такъ сильно въ этихъ звукахъ выражались! ...
Имъ внемля, онъ шепталъ съ улыбко ей:
«Пѣвецъ любви и счастья соловей! ...» —

III.

И вновь, когда нибудь, весна настанетъ. ...
И будетъ онъ, по прежнему одинъ, ...
Или съ другими ... Свѣтскій кругъ заманитъ
Его весельемъ; ... важный гражданинъ, —
Блюстителемъ онъ пользы общей станетъ; ...
Иль будетъ просто мирный семьянинъ,
Обычаю и опыту послушный, —
Къ мечтамъ тревожно-сладкимъ равнодушный....

Но гдѣ-бы ни былъ онъ, — наединѣ, —
Въ семьѣ, — съ людьми, — лишь только часъ полночный
Дня майскаго пробьетъ, — и въ тишинѣ
Подъемлетъ соловей свой гимнъ урочный, —
Вдругъ сердце въ немъ забьется, — и во снѣ
Откликнется былому, ... и заочно
Съ подругою минувшихъ счастья дней
Подѣлится онъ думою своей.

Онъ вспомнитъ всё: завѣтное свиданье,
Далекій край, давнишнюю любовью, —
Двухъ-лѣтнихъ, тщетныхъ слёзъ ея признанье,
И тайну слёзъ, пролитыхъ ею вновь
Отъ радости, при немъ ..... Въ чаду мечтанья
Заблещетъ взоръ его, зажжется кровь ....
И скажетъ онъ: — «Пѣвецъ воспоминанья, ...
«Твой страстный гимнъ ея-ли завѣщанье? .....»

X.

ПРОСТИ!

——

Прости! . . . Разлукою неволной
Союзъ свой вольный разрѣшимъ! . . .
Какъ ни мучительно, ни больно
Разстаться съ счастьемъ намъ своимъ, —
Мы жертвовать должны собою! . . .
Давно, на перекоръ судьбѣ
Стоимъ мы обруку съ тобою
Съ предубѣжденіемъ въ борьбѣ! . . . .
Но рокъ сильнѣе насъ, — но Богу
Угодно такъ! . . . . Порознь идти
Должны теперь мы въ путь-дорогу . . . .
Ударилъ часъ! . . . Прости! прости! . . .

Прости! . . . Тревожно было счастье, —
И дорого досталось намъ! . . .
Мы пили въ чашѣ сладострастья
Восторги съ горемъ пополамъ . . . .
Всё было противъ насъ, — и мнѣнья,
И люди! . . . Свѣтъ насъ проклиналъ, —
Обоихъ въ пыткѣ искушенья
То волновалъ, то соблазнялъ . . . .
Но съ честью вышли мы изъ битвы, —

И свято вынесли любовь! —
И объ одномъ мои молитвы, —
Чтобъ Богъ привелъ сойтись намъ вновь! . . .

Прости! . . . Любовь не охладѣла, —
Не вымерла у насъ въ сердцахъ,
И вѣчно-бъ въ насъ она горѣла
И на землѣ и въ небесахъ! . . .
Привычка цѣпью дорогою
Насъ незамѣтно обвила;
Одна душа у насъ съ тобою,
Одна лишь жизнь для двухъ была!
Боязнь, надежда, ожиданье, —
Всё было общее у насъ;
Сближало насъ воспоминанье
И каждый день и каждый часъ.

И что̀-жъ? . . . Подъ приговоромъ тайнымъ
Мы нынче, голову склоня,
Простимся, . . . спутникомъ случайнымъ
Отстанешь вдругъ ты отъ меня! . . .
Въ чужбину, странницей печальной
Пойду я съ плачемъ и тоской, —
А ты? . . . а ты, въ столицѣ дальной
Одинъ очнешься . . . . Богъ съ тобой! . . .
Будь твердъ, спокоенъ! . . . Полный силы,
Меня на путь перекрести! . . .
О милый другъ! . . . о другъ мой милый,
Прости! . . . Но не на вѣкъ прости!! . . .

XI.

ПРИ СВИДАНЬИ.

Я здѣсь опять .... Я здѣсь съ тобою снова ....
Тяжелый сонъ разлуки миновалъ, ...
Судьба побѣждена, и приговоръ суровый
Нашъ добрый геній разорвалъ!

Не ѣду я въ безвѣстную чужбину,
Я не прощусь съ страной своей родной,
Друзей, семью, тебя я не покину,
Мы не разстанемся съ тобой!

Я остаюсь, — утѣшься! ... Будь что̀ будетъ, —
Я не уйду отъ участи своей! ...
Богъ милостивъ! ... Меня онъ не забудетъ, ...
Будь Онъ за насъ, я не боюсь людей! ...

И до грозы, пусть идутъ дни за днями, —
По прежнему, безпечно заживемъ,
И станемъ жизнь считать блаженными часами,
Всегда одни, всегда вдвоемъ! ...

XII.

НОВОСЕЛЬЕ.

Послушай, — живо помню это, —
Издалека везли меня, —
И убаюкана каретой
Забылась сладкой дрёмой я.
Ужъ было за-полночь, съ дороги
Уставъ и тѣломъ и душой, —
Вдругъ слышу я, полна тревоги:
«Вотъ домъ! . . . пріѣхали домой!»
Домой?! . . . Гляжу . . . . здѣсь всё такъ ново,
Всё такъ мнѣ дико въ домѣ томъ . . . .
И я жалѣть была готова
О скромномъ уголкѣ моемъ.
Гдѣ ты, таинственная келья,
Пріютъ поэзіи святой? . . . .
Нѣтъ! Мнѣ не любо новоселье
Съ убранствомъ роскоши пустой! . . .
Боюсь чтобъ этѣ позолоты
Не испугали милыхъ грёзъ;
Гдѣ золото, тамъ и заботы,
И часто много льется слёзъ! . . . .

Боюсь чтобъ миръ и нѣгу счастья
Не замѣнилъ удѣлъ другой . . . .
Мнѣ горе смерть! . . . Вся пылъ и страсть я, —
Я не снесу борьбы съ судьбой! . . . .
Мнѣ воля жизнь, . . . дышу любовью, ...
Я жизни не хочу иной,
Иль къ гробовому изголовью
Прильну свободной головой! . . . .
Нѣтъ, . . . не хочу я перемѣны
Ни въ комъ, ни въ чемъ, и никогда . . . .
И пусть услышатъ эти стѣны
Обѣтъ мой: «Нынче и всегда! . . .»
Въ самосознаньи гордой силы
Надъ дѣтскимъ страхомъ посмѣясь,
Я ободрилась, — и ступила
Чрезъ порогъ, прекрестясь. —

XIII.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

Нынче солнце такъ свѣтло, такъ ясно
Въ бирюзовомъ эѳирѣ горитъ;
Зимній день улыбнулся прекрасно,
Словно лѣтомъ лучистымъ глядитъ.

Ночью сонъ добровѣщій мнѣ снился,
На сегодня онъ радость сулилъ,
Добрый Ангелъ мой мнѣ появился,
Милый призракъ меня посѣтилъ . . . . .

А по утру, я только проснулась,
Дорогое письмо принесли . . . .
Я губами къ нему прикоснулась,
Слёзы счастья изъ глазъ потекли . . . .

Сладкимъ сердце забилось волненьемъ,
И письмо задрожало въ рукахъ . . . .
Долго, долго я медлила чтеньемъ . . . . .
Что̀ найду я въ завѣтныхъ словахъ? . . .

Прочитала! . . . Хвала Тебѣ, Боже! . . . .
(То мой первый былъ сердца порывъ!)
«Пусть всегда и во вѣкъ будетъ тоже!»
Прошептала я, руки сложивъ. —

Что̀ мнѣ пишутъ, — того не скажу я, —
Въ душу друга запали слова; —
И нѣжнѣй и живѣе люблю я, —
Сердце полно, — легка голова! . . .

Въ ожиданьи желаемой встрѣчи
Новой жизнью спѣшу я дохнуть,
И мечты, упоенья предтечи,
Мнѣ волнуютъ заранѣе грудь.

Знаю, день нынче будетъ счастливый,
И я кончу его не одна! . . . .
Всё смотрю на часы торопливо,
Всё гляжу въ синю даль изъ окна! . . .

XIV.

МОЛВА.

Не вѣрь имъ, другъ мой! . . . Люди, люди! . .
Вы вѣчно, всюду таковы:! . . .
Всегда непрошенные судьи,
Во имя суетной молвы,
Во имя общества и мнѣнья,
Тѣснитесь вы межъ двухъ сердецъ, —
Какъ будто нуженъ для спасенья
Вамъ страстной ихъ любви конецъ! . . .

Вамъ счастье ближняго завидно,
Чужая радость въ тягость вамъ, —
И вотъ, съ насмѣшкою обидной
Съ хулой и ложью пополамъ,
Вы всѣ бросаетесь, какъ тигры,
На жертву вашихъ языковъ . . . .
Отрадны, любы этѣ игры
Для душъ пустыхъ и злыхъ умовъ!

Не вѣрь имъ! . . . Если нынче въ свѣтѣ
Въ любви къ тебѣ меня винятъ,
И въ фарисейскомъ ихъ совѣтѣ
За вѣрность долгую бранятъ, —
Но только утомись отъ муки,
Но разлюби хоть завтра я, —
И нечестивыя ихъ руки,
Посыплютъ камни на меня! . . .

Нѣтъ, не святая добродѣтель
Насъ осуждаетъ въ ихъ устахъ! . . .
Нѣтъ! . . этотъ свѣтъ, какъ лже-свидѣтель,
На ложныхъ взвѣсилъ насъ вѣсахъ,
И ложной мѣркою насъ мѣритъ:
Онъ строгъ для истинной любви,
Разврату другъ! . . . Онъ лицемѣритъ,
Чтобъ лучше скрыть грѣхи свои! . . .

Неумолимо и жестоко
Меня преслѣдуютъ они,
Чтобъ уязвить тебя глубоко,
Чтобъ отравить намъ счастья дни,
Чтобъ женскимъ именемъ мущину
Вѣкъ безнаказанно терзать, ...
Чтобъ противъ насъ взбѣсить судьбину,
Насъ другъ отъ друга оторвать! . . .

XV.

ОЖИДАНЬЕ.

Я жду тебя! . . . Ужъ спущены гардины,
Свѣчи горятъ на столикѣ рѣзномъ,
Часы пробили десять съ половиной,
А я стою въ волненьи за окномъ . . .
Готово всё: вотъ твой диванъ любимый,
Вотъ трубка, самоваръ, душистый чай! . . .
Намъ дорогъ день, намъ дорогъ часъ . . . Незримо
Летятъ они, . . . скорѣе пріѣзжай! . . .

Стѣсненные условной жизнью свѣтской,
Согбенные подъ роковымъ ярмомъ, —
Хоть ропщемъ мы, — но втайнѣ, съ блажью дѣтской, —
И рѣдко лишь свободны и вдвоемъ.
Но сладко обмануть надзоръ ревнивый,
Завистливой молвы ехидный взоръ, —
И поцѣлуй страстнѣе торопливый,
Сто разъ живѣй [illegible] . . .

Спѣши, я жду тебя! . . . Съ душой покорной
Я встрѣчу господина моего:
Хандритъ-ли онъ, взволнованъ думой черной?...
Мой женскій смѣхъ разсѣетъ грусть его! . . .
Онъ веселъ-ли? . . . Шутить, болтать я рада, ...
Умъ, сердце, страсть, — всё данію ему . . .
За пару словъ, за свѣтлый проблескъ взгляда,
Я жизнь отдамъ кумиру моему . . . .

Пріѣдетъ онъ; — пушинки пыли снѣжной
Съ султана бѣлаго легко стряхнетъ, . . .
Самъ сядетъ близко такъ, . . . съ улыбкой нѣжной
Наклонится, — и за руку возьметъ . . .
Онъ спроситъ, — съ кѣмъ вчера на балѣ танцовала? . . .
Кто говорилъ со мной, и кто хвалилъ? . . .
И спать ложась, о немъ-ли я мечтала, —
И всё-ли онъ по прежнему мнѣ милъ? . . . .

XVI.

ССОРА.

Прости меня! . . . Въ волненьи и досадѣ
  Вчера я прокляла тебя, . . .
Я предалась мучительной отрадѣ
  Въ тебѣ терзать вдвойнѣ себя . . .
Прости меня! . . . Томительной разлукой
  Ты омрачилъ разсудокъ мой;
Для женщины, повѣрь мнѣ, грусть и скука
  Совѣтникъ вредный и дурной! . . .

Прости меня! . . . Когда-бъ ты зналъ, другъ милый,
  Какъ больно мнѣ и тяжело! . . .
Какъ грустно безъ тебя! . . . Убиты силы,
  Сомнѣнье на душу легло;
Завѣшенъ міръ покровомъ погребальнымъ,
  Надежды нѣтъ, мечта молчитъ, . . .
Наперсникомъ суровымъ и печальнымъ
  Лишь горе съ сердцемъ говоритъ.

Твердитъ оно о томъ что̀ незабвенно, . . .
  О прежнемъ счастьи, о любви . . . .
О, возвратись . . . Забудь мой гнѣвъ мгновенный,
  Меня своею назови! . . .
Къ груди твоей прижми меня нѣжнѣе
  Дай въ поцѣлуѣ мнѣ ожить! . . .
Я мстить тебѣ хотѣла, — будь умнѣе:
  Заставь меня сильнѣй любить! . . .

XVII.

ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Tu m'as dit, refrain menteur,
Qu'aimer est le bonheur suprême:
Non, je le sens, ... non, le bonheur, —
C'est d'être aimé soi-même! ...

Безумная! ... не плачь и не волнуйся! ...
Такъ быть должно, ... на то мущина онъ! ...
И какъ ты не крушись, и какъ не растоскуйся, —
Не измѣнить судьбы законъ! ...

Ты женщина: весь міръ, всю жизнь, всё счастье,
Въ любви, въ одной любви навѣкъ вмѣстила ты;
Ты ею лишь живешь, ты дышешь только страстью, —
Она тебѣ дороже красоты!

А Онъ, ... какъ всѣ они ... онъ любитъ по немногу
Порывами, съ разсчётомъ и умомъ;
Съ насмѣшкой смотритъ онъ на женскую тревогу, —
И драпируется въ спокойствіи своемъ.

Онъ любитъ, . . . но вчера на шумной вечеринкѣ,
Всю ночь съ друзьями онъ кутилъ и пировалъ . . .
Онъ любитъ, . . . ты здѣсь ждешь, . . . а онъ?. . .
Онъ безъ запинки
На ужинъ въ гости ускакалъ!

Онъ любитъ не тебя одну на этомъ свѣтѣ,
Онъ любитъ многое, — и ты не всё ему;
Онъ гордъ; онъ хочетъ быть у славы на примѣтѣ,
Онъ хочетъ чтобъ молва была склонна къ нему.

Забавы, почести, успѣхи, блескъ гостинныхъ, —
Всё любо головѣ восторженной его, ...
Въ семействѣ, при Дворѣ, въ кругу друзей старинныхъ,
Вездѣ соперники бдаженства твоего! . . .

Хоть ты мила ему, — но для него игрушка
Сердить, ласкать тебя, утѣшить, огорчить . . .
Когда онъ говоритъ: «О чемъ-же плакать, душка? . . .»
Онъ веселъ, онъ готовъ тѣ слёзы жадно пить.

И часто, съ умысломъ, толкуетъ онъ лукаво
О неизбѣжности разлуки роковой,
Чтобъ испытать тебя, чтобъ страсть расжечь отравой,
Чтобъ ты на грудь его припала головой. —

И съ ужасомъ въ лицѣ, молила о пощадѣ,
И новыхъ страстныхъ клятвъ взяла-бы отъ
него . . .
Въ твоемъ отчаяньи, въ твоей тоскѣ, досадѣ,
Есть подтвержденіе могущества его! . . .

Потомъ, онъ вздумаетъ измѣной небывалой
Похвастать предъ тобой, чтобъ взволновать тебя,
Чтобъ билась и рвалась ты долго, . . . проклинала
И ненавидѣла, ревнуя и любя . . .

Онъ счастливъ, упоенъ . . . Ему блаженства чаша
Мгновенной горечью и слаще и хмѣльнѣй! . . .
А ты, . . . не смѣй роптать! . . . покорность
участь наша, —
Такъ осуши глаза, — и смѣйся поскорѣй! . . .

Блѣдна, измучена, убитая страданьемъ,
Ты прихотямъ его и краше и милѣй, —
Такъ отвѣчай нѣжнѣй пронзительнымъ лобзаньямъ,
Такъ пламеннѣй его прижми къ груди своей!...

За шутку злобную, за смѣхъ его въ награду
Восторги новые придумай и создай! . . .
Дай ласкъ невѣдомыхъ вкусить ему отраду, —
Открой для баловня любви и нѣги рай! . . .

Дитя, — въ рукахъ его ты воскъ, всегда послушный, —
Струна, звучащая всегда ему въ отвѣтъ! . . .
Султанъ властительный, кумиръ твой равнодушный,
Что мучитъ онъ тебя, ему и дѣла нѣтъ! . . .

Межъ тѣмъ, глаза твои потускли и опухли,
Улыбка замерла на вянущихъ устахъ,
Лучь мысли, блескъ ума давно въ тебѣ потухли,
И прежній слова даръ исчезъ въ твоихъ рѣчахъ.

Вотъ зеркало, — смотри! . . . Не-правда-ли, ужасно? . .
Какъ измѣнилась ты! . . . Гдѣ прежняя она, —
Кого встрѣчалъ привѣтъ толпы подобострастной,
Кто лестью и хвалой была окружена? . . .

Опомнись! . . . Призови на помощь силу воли,
Оковы тяжкіе героемъ съ плечъ стряхни, —
Сердечныхъ тайныхъ язвъ скрой ноющія боли,
И свѣту прежнюю себя припомяни.

Гдѣ ленты и цвѣты, гдѣ легкіе наряды? . . .
Блестящей бабочкой одѣнься, уберись,
И поѣзжай на баль, спѣши на маскарады,
Разсмѣйся, торжествуй, понравься, веселись! . . .

Придуть къ твоимъ ногамъ поклонники другіе, —
Межъ нихъ забудешь ты цѣпей своихъ позоръ...
И онъ, . . . онъ будетъ знать! . . . Затѣи молодыя
Встревожатъ и его внимательный надзоръ ....

Онъ въ очередь свою узнаетъ страхъ и муку, . . .
Онъ будетъ ревновать, . . . онъ будетъ тосковать . . .
Ты выместишь на немъ страданья, горе, скуку, —
Потомъ, простишь его, и призовешь опять!...

Безумная, . . . зачѣмъ, зачѣмъ себя ты губишь?...
Условья счастія тобой не поняты:
Раба ты, женщина, когда сама полюбишь,
И царствуешь, когда любима ты! . . . .

XVIII.

ОПУСТѢЛОЕ ЖИЛИЩЕ.

Непріютно, непривѣтно . . . .
  Всѣ огни погашены;
Окна мрачны и безцвѣтны,
  Стекла въ нихъ забѣлены . . . .

Лучь таинственный не блещетъ
  Сквозь опущенныхъ гардинъ. . . . .
Не сверкаетъ, не трепещетъ
  Яркимъ пламенемъ каминъ.

Ждетъ у двери гость бывалый . . . .
  Не отворится она!
Не запѣнятся бокалы
  Искромѣтнаго вина! . . .

Не стучись! . . . Бесѣда братій
  Дружно тамъ не собралась, . . .
Ты не встрѣтишь рукожатій,
  Не услышешь пѣсенъ гласъ! . . . .

Не накроютъ въ часъ урочный
  Столъ радушный для гостей,
Не повѣетъ дымъ восточный
  Отъ завѣтныхъ янтарей!

Гдѣ-жъ хозяинъ?... — Онъ далёко!....
  Помолись о немъ, собратъ,
Чтобъ онъ въ домъ свой одинокій
  Невредимъ пришелъ назадъ! . . .

Онъ теперь на полѣ бранномъ,
  У подножья снѣжныхъ горъ . . .
И по трупамъ бездыханнымъ
  Непривычный водитъ взоръ.

Онъ надѣлъ ружье и шашку
  За кушакъ заткнулъ кинжалъ, —
И въ кровавую распашку
  Смѣлый сердцемъ поскакалъ.

Онъ забылъ въ пылу сраженій
  Сколько слёзъ по нёмъ текутъ,
Сколько мукъ, тревогъ, волненій
  Здѣсь его вотще зовутъ! . . . .

Посмотри: вблизи мелькнули
  Женскій шагъ и женскій ликъ . . . .
Двѣ руки къ замку прильнули, ...
  Прозвучалъ условный кликъ . . . .

Гдѣ-жъ хозяинъ? .... Онъ далёко! ....
Прочь идетъ она, съ мольбой
Чтобъ красавецъ черноокій
Возвратился-бы домой! ....

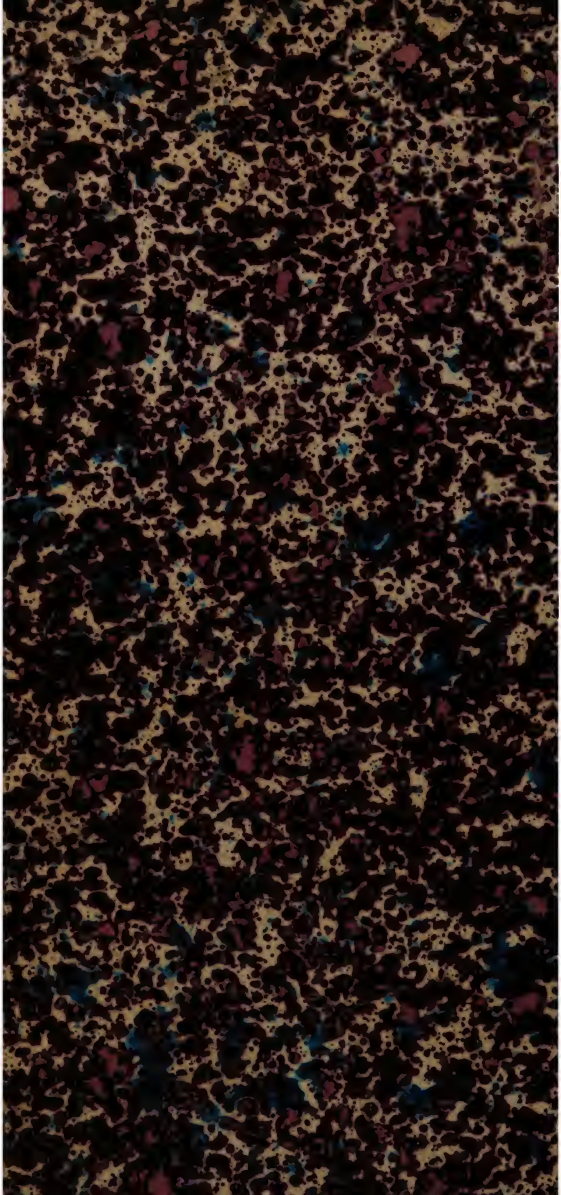
XIX.

КТО ВИНОВАТЪ? . .

Кто виноватъ, — Богъ вѣсть! . . . Напрасны пѣни,
Упреки не помогутъ ужъ теперь, —
Минувшаго не возвратишь! . . . повѣрь,
Повѣрь, — о прежній другъ, — мы только тѣни
Двухъ любящихъ счастливцевъ . . . Время шло,
Оно любовь и счастье унесло.
Любовь?!! О нѣтъ! . . . Но опыту послушный,
Чужимъ умомъ и толкомъ просвѣщенъ, —
Къ былымъ мечтамъ и грезамъ равнодушный, —
Ты отъ меня разсчетомъ удаленъ . . .
Ты понялъ жизнь! . . . не жизнь души и сердца, —
Но дѣльную. . . . по цыфрамъ и графамъ, —
Съ расходомъ и приходомъ пополамъ.
И холодно, съ улыбкой иновѣрца,
Нещадно ты взялся мнѣ объяснить
Тщету и суету всѣхъ увлеченій,
Глубокихъ чувствъ, высокихъ убѣжденій . . .
Еще теперь я не могу забыть
Убійственныхъ уроковъ и ученій!

Я вся дрожу, и въ жилахъ стынетъ кровь
Какъ вспомню я, какъ повторю я вновь
Слова твоихъ премудрыхъ разсужденій . . . .
Хоть сердца ты во мнѣ не измѣнилъ,
Но вѣру, вѣру въ счастіе убилъ: .
Прозрѣла я, понявши мудрость свѣта,
Постигла, что разстаться мы должны,
Что клятвы, честь и страсть, — все бредъ поэта,
Все ложь и вздоръ, несбыточные сны.
Благодарю! . . . Сухой житейской прозы
Ты мнѣ внушилъ спасительный уставъ! . . .
И льются, или нѣтъ, ребячьи слёзы, —
Сомнительныхъ я отреклась ужъ правъ;
Свободенъ ты!! . . . И я свободна тоже! . . .
Безъ ссоры мы съ тобою разошлись . . . .
Найдется ли другой, душой моложе,
И сердцемъ по нѣжнѣе, — не сердись! . . .
Ты такъ хотѣлъ! . . . Ты самъ любовь и счастье
Разрушилъ въ прахъ, . . . Имъ не придти назадъ,
Вновь не цвѣсти, . . Суди-же безъ пристрастья, —
Скажи, молю тебя: Кто виноватъ? . . .

Конецъ первой части.

Печатаніе Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

ASSESSORATO CULTURA - REGIONE LAZIO
SOPRINTENDENZA AI BENI LIBRARI
1233249
R 032079